Министерство образования и науки Российской Федерации

———

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Калмыцкий государственный университет»

В.И. Рассадин, С.М. Трофимова, Л. Чулуунбаатар

ЯЗЫК ДЕРБЕТОВ РОССИИ И МОНГОЛИИ

Элиста 2013

ББК Ш164.3-67в613+Ш164.1-67в613
УДК 811.512.37'286:001.53
Р 244

Рассадин, В.И.
Язык дербетов России и Монголии [Текст] / В.И. Рассадин, С.М. Трофимова, Л. Чулуунбаатар. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. – 184 с. – Библиогр.: с. 179-182. – ISBN 978-5-91458-126-5.

Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет»

ISBN 978-5-91458-126-5

Монография посвящена сравнительному исследованию основных строевых элементов языка дербетов России (Калмыкия) и дербетов Монголии на уровне фонетики, грамматики и лексики с целью установления соотношений между языками этих двух групп дербетов, бывших когда-то единым народом в составе ойратской общности и разделенных в течение последних полутысячи лет временем и пространством. При этом авторы попытались выявить общемонгольское языковое родство, особенности ойратского языкового ареала в языке дербетов Калмыкии и специфические черты, присущие языкам дербетов как Калмыкии, так и Монголии.

Книга адресована монголистам – специалистам по диалектам монгольских языков и монголистам, интересующимся сравнительно-историческим изучением монгольских языков.

Рецензент:
доктор филологических наук,
профессор Бурятского государственного университета Д.Д. Санжина

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проведения научных исследований «Язык дербетов России и Монголии», проект № 11-24-03-005а/Мол

ISBN 978-5-91458-126-5

© ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», 2013 г.
© Рассадин В.И., Трофимова С.М., Чулуунбаатар Л., 2013 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 4

Глава I. Звуковой строй языка дербетов России и Монголии 7
1.1. О системе вокализма языка дербетов России и Монголии 7
1.2. Сравнительное исследование систем консонантизма языка дербетов России и Монголии 18
1.3. Сравнительное исследование звукового строя языка дербетов России и Монголии 37

Глава II. Грамматические особенности языка дербетов России и Монголии 53
2.1. Классификация частей речи 53
2.2. Была ли категория грамматического рода в монгольских языках? 62
2.3. Система грамматических падежей 70
2.4. Система обстоятельственных падежей 76
2.5. Имя прилагательные 90
2.6. Имя числительное 99
2.7. Служебные слова 107

Глава III. Особенности лексического состава языка дербетов России и Монголии 111
3.1. Скотоводческая лексика 111
3.2. Связь калмыцкой дербетской лексики с языками племен ойратского ареала 123

Заключение 146
Библиография 179
Принятые сокращения 183

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как известно, калмыковедение является составной частью монголоведения и как его отрасль зарождалось в его недрах. Становление научного изучения монгольских языков происходило в первой половине XIX в. и представляла собой на начальном этапе простое описание двух форм известных к тому времени европейской науке монгольских письменных языков: классического варианта старописьменного монгольского языка на древнеуйгурской графике и ойратского языка, использующего письменность «Тодо бичиг», созданную в середине XVII в. ойратским учёным-ламой Зая-Пандитой. Основными первыми научными трудами этого периода можно назвать «Грамматику монгольского языка» 1831 г., написанную академиком Яковом Шмидтом на немецком языке и впоследствии переведённую на русский язык, русский перевод вышел в 1832 г., «Грамматику монгольского языка» 1835 г. Александра Бобровникова, «Грамматику монгольско-калмыцкого языка» 1849 г. Алексея Бобровникова и «Грамматику калмыцкого языка» 1847 г. Александра Попова.

В дальнейшем во второй половине XIX в. и первой половине XX в. европейскими и отечественными учёными стали активно изучаться живые монгольские языки. В XX в. были созданы литературные калмыцкий, бурятский и халха-монгольский языки с использованием кириллической письменности. Разные монгольские народы, живущие во Внутренней Монголии Китайской народной республики до сих пор продолжают пользоваться старописьменным монгольским языком на древнеуйгурской графике в качестве письменного литературного языка, ойраты Синьцзяна (Китай) – ойратским языком на письменности «Тодо бичиг». Остальные современные монгольские языки, в том числе и ойраты Монголии, остаются бесписьменными. Находясь под сильным влиянием халха-монгольского языка, ойраты Монголии не пользуются алфавитом «Тодо бичиг», применяя во всех случаях жизни современный монгольский литературный язык с его кириллической письменностью.

Поскольку монгольские языки изучены и даже описаны с неодинаковой полнотой, а некоторые из них даже до сих пор мало известны науке, то опи-

сательный период изучения монгольских языков до сих пор сохраняет свою актуальность. Монголоведение продолжает нуждаться в трудах описательного характера. В то же время следует иметь в виду, что усилиями нескольких поколений ученых такие языки, как старописьменный монгольский, халха-монгольский, калмыцкий и бурятский в описательном аспекте изучены в достаточной степени, чтобы можно было приступить к следующему этапу их изучения – сравнительно-историческому исследованию строевых элементов. Это позволило бы создать научную базу для построения их исторических грамматик.

В отношении калмыцкого языка следует признать, что в настоящее время его литературная форма и отдельные территориально-разговорные варианты изучены в достаточной степени, чтобы начать следующий этап его исследования – сравнительно-исторический. В этой связи выполнение данного исследования в рамках Российского гуманитарного научного фонда совместно с монгольскими учёными при поддержке Министерства образования и науки Монголии, направленного на изучение дербетского говора Калмыкии (Россия) в сравнении с языком дербетов северо-западной Монголии представляется своевременным и преследует своей целью установление как типологии общих черт, так и характера разностных своеобразных черт между языками дербетов России и Монголии, имеющих общее происхождение и разделенных в течение последних пятисот лет огромными расстояниями. При этом попытаться выявить основную причину развития своеобразия в языке дербетов Калмыкии. Проведенное в данной монографии сравнительное исследование языка дербетов Калмыкии в области фонетики, грамматики и словарного состава с одноименными строевыми элементами языка дербетов Монголии позволило установить как общие черты, так и разностные храктерные для калмыцкого языка. Полученные новые данные могут стать той научной базой, опираясь на которую стало бы возможным приступить к разработке исторической грамматики калмыцкого языка, благодаря чему изучение калмыцкого языка поднялось бы на новую, более высокую ступень. Всё это предопределяет большую актуальность и большую научную значимость данного научного исследования.

Путем тотального сравнения элементов звукового, грамматического

строя и лексического состава языка дербетов Калмыкии с языком дербетов Монголии удалось выявить в языке дербетов Калмыкии сохранение в процессе его исторического развития общемонгольского языкового ядра, общеойратских ареальных черт и особенностей в фонетическом, грамматическом и лексическом строе, а также установить своеобразие калмыцкого языка, его специфические черты, выработанные в нём в процессе самостоятельного развития.

В соответствии с поставленными целью и задачами данное исследование состоит из трёх глав, каждая из которых посвящена соответственно фонетике, грамматике и лексике. Работа базируется на собранном материале по большедербетскому говору Калмыкии, собранному в 2009 году в процессе выполнения регионального гранта РГНФ. Привлекалась также работа А.Ш. Кичикова «Дербетский говор (фонетико-морфологическое исследование)», изданная в г. Элисте в 1963 году. Кроме того, привлекался калмыцко-русский словарь под редакцией Б.Д. Муниева, изданный в Москве в 1977 году. Материал по языку дербетов Монголии взят как из работы Э. Вандуя «Дөрвөд аман аялгуу» (Дербетский говор), изданной в 1965 году в г. Улан-Баторе, а также из словаря ойратского диалекта, составленного Ж. Цолоо и опубликованного в 1988 году в г. Улан-Баторе, по халха-монгольскому - из «Большого академического монгольско-русского словаря», опубликованного в г. Москва в 2001-2002 годах, так и привлекались личные наблюдения авторов. В качестве сравнительного материала по другим монгольским языкам использовались данные из «Калмыцко-немецкого словаря» Г. Рамстедта, опубликованного в г. Хельсинки в 1935 году, из «Монгольско-английского словаря» Ф. Лессинга, опубликованного в г. Лос-Анжелесе в 1960 году, из «Бурятско-русского словаря» К.М. Черемисова, опубликованного в г. Москве в 1973 году.

Такой подбор монгольских языков, привлечённый для данного сравнительно-исторического исследования обусловлен тем, что согласно историческим изысканиям халха-монгольский, ойратский и бурятский языки имеют один исторический язык-предок – язык монголов-шивеев, единую северо-западную ветвь древних монгольских языков, довольно рано обособившуюся от их северо-восточной и южной ветвей.

ГЛАВА I. ЗВУКОВОЙ СТРОЙ ЯЗЫКА ДЕРБЕТОВ РОССИИ И МОНГОЛИИ

1.1. О системе вокализма языка дербетов Калмыкии и Монголии

Ниже мы делаем попытку осуществить сравнительное исследование системы вокализма языка дербетов Калмыкии с таковой языка дербетов Монголии. При исследовании мы опирались на работу А.Ш. Кичикова [1963] и собственные наблюдения над говором дербетов Калмыкии. Материал по говору дербетов Монголии взят из работ Э. Вандуя [1962; 1965] и Ж. Цолоо [1988].

Сравнительное исследование вокализма дербетского говора, одного из основных говоров калмыцкого языка наряду с торгутским и бузавским говорами [Убушаев 2006, с. 5-6], со звуковым строем языка дербетов Монголии, составлявших с дербетами России некогда (несколько сот лет тому назад) единый народ в составе Джунгарского ханства в Центральной Азии, позволило получить некоторые результаты.

Прежде всего следует отметить, что сравнение общего состояния звукового строя дербетского говора со звуковым строем языка дербетов Монголии показало, что между ними не выявилось принципиальной разницы. Их звуковой строй в своих основных классификационных чертах сходен и позволяет объединить язык дербетов России и язык дербетов Монголии в единый язык, входящий в самостоятельный ойратский ареал монгольских языков, сформировавшийся, по всей вероятности, со своими специфическими чертами еще в глубокой древности. В ходе формирования ойратского ареала в звуковом строе языков ойратских племен, в том числе и дербетов, одних из предков калмыков, происходили единые эволюционные процессы, в результате действия которых современные калмыцкий язык и ойратские говоры Монголии, несмотря на то, что их носители в течение более четырехсот лет разделены многотысячным пространством, сохраняют сходные фонетические черты.

Характерные специфические признаки звукового строя ойратского ареала явственнее всего проявляются при сравнении ойратской фонетики с

фонетикой соседствующего халха-монгольского языка, ибо в их основе лежит звуковой строй одного и того же монгольского праязыка, из которого они развились.

В области вокализма сравнение выявило следующую картину эволюции гласных фонем. Современная система вокализма как языков ойратского ареала, так и халха-монгольского включает три группы гласных фонем: группу кратких гласных, долгих гласных и дифтонгов.

По своим характерным признакам краткие гласные четко делятся на краткие гласные, употребляющиеся только в первом слоге, и на гласные, используемые в последующих слогах. У этих двух групп кратких гласных разные акустические признаки. Современные краткие гласные первого слога являются гласными полного образования и имеют чётко выраженные акустические классификационные признаки: постоянную длительность, устойчивую тембровую окраску, и определяются как передне- и заднеязычные по месту образования.

В языках калмыцких дербетов, дербетов Монголии и халха-монголов краткие гласные первых слогов произносятся одинаково чётко и с полной артикуляцией. Дербеты Калмыкии употребляют следующие краткие гласные: три твёрдорядных – «*а*», «*о*», «*у*»; пять мягкорядных – «*э(е)*», «*ə*», «*ө*», «*ү*», «*и*». В системе вокализма говора дербетов Монголии в принципе представлена та же система кратких гласных первого слога, что и вышеупомянутая калмыцкая система.

Процесс становления системы кратких гласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии происходил следующим образом: четыре древнемонгольских твёрдорядных кратких гласных **а (а), *о (о), *у (и), *ы (ї)* частично сохранились, частично трансформировались.

При этом гласный **а (а)* продолжает оставаться в первом слоге многих твёрдорядных слов как общедербетского, так и халхаского языков в словах типа дерб. *арвăн*, х.-монг. *арав // арван* (< др.-монг. **arban*) «десять»; дерб. *амăн*, х.-монг. *ам // аман* (< др.-монг. **aman*) «рот, уста»; дерб. *байĭн*, х.-монг. *баян* (< др.-монг. **bayan*) «богатый». Гласный *а* в первом слоге в некоторых случаях появляется вместо **ї* в результате действия раннего перелома гласного **ї*. Например, дерб. *махăн*, х.-монг. *мах // махан* (< др.-монг.

**mïqan*) «мясо» (> стп.-монг. *miqan* > бур. *мяхан* id.); дерб. *ямаан*, х.-монг. *ямаа // ямаан* (< др.-монг. **yïmaγan* «коза» < др.-тюрк. *jïmγa* «самка дикого горного козла»~*ïmγa* «коза»), ср. стп.-монг. *imaγan* > бур. *нимаан~ямаан* «коза».

Твёрдорядный краткий гласный **o (o)* либо продолжает сохраняться от состояния древнего монгольского языка, например, дерб. *долаан*, х.-монг. *долоо(н)* (< др.-монг. **doluγan*) «семь»; дерб.К. *йосăн*, дерб.М. *йосӱн*, х.-монг. *ёс // ёсон* (< др.-монг. **yosun*) «обычай, традиция»; дерб. *олăн*, х.-монг. *олон* (< др.-монг. **olan*) «много», либо развился в результате перелома гласного **ï ~ *i*, например, дерб. *җолаа*, х.-монг. *жолоо* (< др.-монг. **ǯiluγa*) «поводья»; дерб. *җораа*, х.-монг. *жороо* (< др.-монг. **ǯiruγa*) «иноходец»; дерб. *чонă*, х.-монг. *чоно* (< др.-монг. **čïnua*) «волк». Особенностью языка дербетов Калмыкии является своеобразное оканье, когда в говоре во многих словах, главным образом перед согласными *м* и *в*, произносят в первом слоге *о* вместо *у*, например, дерб.К. *совсăн* «жемчуг», дерб.М. *сувсӱн* «бусы» (< др.-монг. *subsun* «жемчуг»); дерб.К. *горвăн*, дерб.М. *гурвӱн* (< др.-монг. *γurban*) «три».

Краткий твёрдорядный **y (u)* аналогичным образом либо сохраняется от состояния древнемонгольского языка, например, дерб. *улаан*, х.-монг. *улаан* (< др.-монг. **ulaγan*) «красный»; дерб.К. *усăн*, дерб.М. *усӱн*, х.-монг. *ус // усан* (< др.-монг. **usun*) «вода», либо развился из **ï ~ *i* в результате процесса перелома, например, дерб.К. *удгăн*, дерб.М. *удгӱн*, х.-монг. *удаган* (< др.-монг. **ïduγan*) «шаманка» (< др.-тюрк. *ïduq* «священный, святой»); дерб. *утхă*, х.-монг. *хутга* (< др.-монг. **qïtuγa*) «нож»; дерб.К. *цусăн*, дерб.М. *цусӱн*, х.-монг. *цус // цусан* (< др.-монг. **čïsun*) «кровь»; дерб.К. *нургăн*, дерб.М. *нургӱн*, х.-монг. *нуруу* (< др.-монг. **nïruγun*) «спина» (> стп.-м. *nïruγun* > бур. *нюрган* id.).

Краткий гласный **ы (ï)* твёрдого ряда в первом слоге современных калмыцкого, ойратского и монгольского языков не сохранился, перейдя либо в другие твёрдорядные гласные в результате перелома, либо перешёл в мягкий переднеязычный *і*, что часто наблюдается в калмыцком и ойратском языках. Твёрдорядные слова часто при этом переходят в мягкорядные.

Примеры: дерб. *җиргәл*, х.-монг. *жаргал* (< др.-монг. **ǯirγal*) «счастье»; дерб. *чинәр*, х.-монг. *чанар* (< др.-монг. **činar* < ***tïnar*) «качество»; дерб.К. *килгәсән*, дерб.М. *килгәсүн*, х.-монг. *хялгас* (< стп.-м. *kilγasun* < др.-монг. **qïlγasun*) «конский волос» (< др.-тюрк. *qïl* id.).

В мягкорядных словах в языках дербетов Калмыкии и Монголии используются краткие гласные **э (е), *ә (ä), *ө (ö), *ү (ü), *и (і)*. Как и гласные твёрдого ряда, приведённые мягкорядные гласные произносятся с полной артикуляцией и достаточно чётко лишь в первом слоге. В других слогах они используются лишь в аффиксальных морфемах, например, *бүчїг* «письмо» – *бүчгиин* «письменный», *әмїн* «жизнь» – *әмнәә* «жизненный». Кроме того, эти краткие гласные мягкого ряда в калмыцкой орфографии используются для обозначения соответствующих мягкорядных долгих гласных в любом слоге, поскольку долгие гласные в калмыцком литературном письменном языке в отличие от дербетских говоров и халха-монгольского языка могут сокращаться до состояния кратких гласных полного образования, например, калм.-лит. *сән* – дерб. *сәән*, х.-монг. *сайн* «хороший» (< стп.-монг. *sayin* id.); калм.-лит. *өрүн* - дерб. *өрүүн* «утро»; калм.-лит. *темән* – дерб. *темәән*, х.-монг. *тэмээ(н)* «верблюд» (< стп.-монг. *temegen* id.).

Процесс формирования системы кратких мягкорядных гласных общедербетского языка происходил следующим образом: **э (е)* прежде всего наследует древнемонгольскую фонему **е* первого слога, например, дерб. *энӗ*, х.-монг. *энэ* (< др.-монг. **ene*) «этот»; дерб. *эмәәл*, х.-монг. *эмээл* (< др.-монг. **emegel*) «седло»; дерб. *текӗ*, х.-монг. *тэх* (< др.-монг. **teke*) «козёл». В единичных случаях начальный гласный *е* развился из древнемонгольского гласного **і*, например, дерб. *негӗн*, х.-монг. *нэг // нэгэн* (< др.-монг. **nigen*) «один».

Относительно появления гласного *«ә»* в системе мягкорядных гласных языков ойратского ареала, в том числе и в языке дербетов, следует отметить, что этого гласного не было в древнемонгольском языке, а развился он лишь в ойратском ареале на месте твёрдорядного гласного **а* под влиянием гласного **і*<**ї* второго слога древнемонгольских слов вследствие действия ассимилятивных процессов. Древние монгольские соответствующие слова при этом переходили в разряд мягкорядных слов. Наличие гласного «ә» яв-

ляется спецификой системы гласных языков ойратского ареала, например, дерб. *бәрхә*, х.-монг. *барих* «схватить, поймать» (< стп.-монг. *bariqu* id.); дерб. *хәрхә*, х.-монг. *харих* «возвращаться домой» (< стп.-монг. *qariqu* id.).

Гласный **ө (ö)* обычно сохраняется от древнемонгольского состояния, например, дерб. *өндәр*, х.-монг. *өндөр* (< др.-монг. **öndür*) «высокий»; дерб. *көл*, х.-монг. *хөл* (< др.-монг. **köl*) «ноги»; дерб. *мөсә̆н*, х.-монг. *мөс // мөсөн* (< др.-монг. **mölsün*) «лёд». В ряде случаев калмыцкие и ойратские «*ө*» в первом слоге развились из древнемонгольских гласных **e* и **i* под влиянием процессов ассимиляции, например, дерб. *өдәр*, х.-монг. *өдөр* (< др.-монг. **edür*) «день»; дерб. *өвсә̆н*, х.-монг. *өвс // өвсөн* (< др.-монг. **ebüsün*) «трава»; дерб. *шөлә̆н*, х.-монг. *шөл // шөлөн* (< др.-монг. **šilün* < *** silün*) «бульон». В то же время отмечается закономерность перехода твёрдорядного «*о*» первого слога под влиянием гласного «*и (i)*» второго слога в мягкорядный гласный «*ө*», что повлекло за собой превращение твёрдорядного слова в мягкорядное, например, др.-монг. **morin* > х.-монг. *морь // морин* – дерб. *мөрӣн* «лошадь, конь»; др.-монг. **qorin* > х.-монг. *хорь // хорин* – дерб. *хөрӣн* «двадцать»; др.-монг. **qoyina* > х.-монг. *хойно* – дерб. *хөөнә̆* «после»; др.-монг. **qonin* > х.-монг. *хонь // хонин* – дерб.К. *хөөн*, дерб.М.. *хөөн, хөө, хөй, хөэн* «овца». В языке дербетов, причём как в Калмыкии, так и в Монголии, наблюдается употребление *ө* вместо *ү* перед согласными *м* и *в*, например, дерб.К. *хөвә̆*, дерб.М. *хөб~хүб~хүв*, х.-монг. *хувь* (ср. стп.-монг. *qubi*) «судьба, доля»; дерб. *хөмхә̆*, х.-монг. *хумих* (ср. стп.-монг. *qumiqu*) «собрать, сложить».

Начальный гласный **ү (ü)* языков ойратского ареала, как и в халха-монгольском языке, обычно наследует в этой позиции древний монгольский гласный **ü*, например, дерб. *күрхә̆*, х.-монг. *хүрэх* (< др.-монг. **kürekü*) «достигать»; дерб. *күсә̆л*, х.-монг. *хүсэл* (< др.-монг. **küsel*) «желание»; дерб. *үсә̆н*, х.-монг. *сүү // сүүн* (< др-монг. **üsün*) «молоко». В ряде случаев начальный гласный «*ү*» в языке дербетов развился на месте гласных **e* и **i* первого слога древнемонгольского языка в результате действия процессов ассимиляции, например, дерб.К. *өвә̆л*, дерб.М. *үвә̆л*, х.-монг. *өвөл* (< др.-монг. **ebül*) «зима»; дерб. *нүдә̆н*, х.-монг. *нүд // нүдэн* (< др.-монг. **nidün*)

«глаз, глаза»; дерб. *улуу*, х.-монг. *илүү* (< др.-монг. **ilegü*) «излишек, избыток»; дерб. *буруу*, х.-монг. *бяруу* (< стп.-монг. *birayu* < др.-монг. **bïrayu*) «телёнок двух лет».

Гласный *«u(i)»* языка дербетов в мягкорядных словах наследует древнемонгольский гласный **i*, например, дерб. *бичкĕн*, х.-монг. *бяцхан* (< др-монг. **bičiqan*) «маленький»; дерб. *жиж̧ĭг*, х.-монг. *жижиг* (< др.-монг. **ǯiǯig*) «мелкий»; дерб. *ичхĕ*, х.-монг. *ичих* (< др.-монг. **ičikü*) «стыдиться». Кроме того, *«u»* появляется в твёрдорядных словах языка дербетов на месте древнемонгольского **ï*, о чем было сказано выше.

Краткие гласные непервых слогов являются гласными неполного образования, имеют нечёткую артикуляцию, неустойчивую длительность и определяются как неясные гласные, способные к полной редукции. По своим артикуляционным признакам они скорее относятся к гласным смешанного образования и произносятся в твёрдорядных словах как звуки, колеблющиеся между фонемами [а] и [ы], в мягкорядных словах – как звуки средние между фонемами [э] и [и], обозначаемые нами как «ă» и «ĕ», часто сохраняется также и [и] в виде «ĭ» там, где в старомонгольском языке было «*i*», например, *мөрĭн* (< *morin*) «лошадь». Наблюдения над реальным произношением гласных разных слогов дербетских и халха-монгольских слов показали, что в халха-монгольском языке неясные гласные вторых и следующих слогов имеют в общих чертах сходную артикуляцию, что и в языке дербетов Калмыкии и Монголии. Разница состоит в том, что в халхаском языке эти гласные подвергаются меньшей редукции, что поддерживается их орфографическим оформлением, причем с сохранением огубленных «о» и «ө» под влиянием халхаского губного сингармонизма (напр. *явсан* «ушел», *ирсэн* «пришел», *болсон* «был», *өгсөн* «дал»). В языке дербетов Калмыкии краткие неясные гласные обычно значительно сокращаются, что часто приводит их к полному исчезновению. Это дало основание калмыкам полностью отказаться от их обозначения на письме (напр. *йовсн* «ушел», *ирсн* «пришел», *болсн* «был», *өгсн* «дал»). В дербетских говорах Монголии, которые, кстати, не имеют своей письменной формы, в отношении этих гласных наблюдается картина средняя между калмыцким и халха-монгольским языками. В речи эти гласные, хотя и кратко, но произносятся, видимо под

влиянием халхаского языка, их редукция не столь явно выражена, как в калмыцком языке. Так, монгольские учёные обозначают данные гласные знаком « ˘ », который они ставят над буквой второго, третьего и т.д. слога, где они встречаются согласно гармонии гласных, например, *altăn* «золото; золотой», *okă, okŏ, okăn, okŭn* «дочь», *anīsxă* «веки», *kemkĕdĕk* «злой, кусачий (о собаке)», *möŋgŭn* «серебро; серебряный», *axlātšī* «старшина, глава» и т.п.

В системе вокализма современных дербетских говоров как Калмыкии, так и Монголии, а также халха-монгольского языка, представлены долгие гласные, причем все они вторичные, образовавшиеся на месте двоеслогов в результате выпадения интервокальных согласных и слияния двух соседних гласных. Характер долготы при этом определяется по второму гласному двоеслога. Процесс образования долгих гласных происходил по типичной модели, что можно наглядно проиллюстрировать примером: др.-монг. **aγúla* > **a'ūla* > **o'ūla* > **u'ūla* > современные дерб.К. *уулă*, дерб.М. *уул*, х.-монг. *уул* «гора». Образование долгих гласных на месте преобразования двоеслогов прослеживается во всех современных монгольских языках.

В дербетских говорах Калмыкии и Монголии имеется три долгих твёрдорядных гласных *«аа», «оо», «уу»* и пять мягкорядных – *«ээ (ее)», «әә», «өө», «ҮҮ», «ии».*

Наблюдение над эволюцией конкретных долготных комплексов с согласными *–γ-* и *-g-* в инлаутной позиции позволило получить здесь следующую картину:

*-аγа- > -аа- (др.-монг. **bayatur* > дерб. *баатăр* «богатырь, герой»; др.-монг. **ulayan* > дерб. *улаан* «красный»);

*-аγu- > -уу- (др.-монг. **bayuqu* > дерб. *буухă* «слезать»; др.-монг. **mayu* > дерб. *муу* «плохой»);

*-uγа- > -аа- (др.-монг. **doluγan* > дерб. *долаан* «семь»; др.-монг. **ǯiruγa* > дерб. *ǯораа* «иноходь; иноходец»);

*-ïγа- > -iγа- > -аа- (др.-монг. **nïγaqu* > дерб. *наахă* «приклеивать»; стп.-м. *ǯiγaqu* > дерб. *заахă* «указывать»);

*-oγa-> -oo- (др.-монг. **toγa* > дерб. *тоо* «число»; др.-монг. **toγa-bar* > дерб. *тоогаар* «числом»);

*-uγu- > -уу- (др.-монг. **buγura* > дерб. *буурă* «верблюд-самец»; др.-монг. **tuγurγa* > дерб. *туургă* «войлочная стена юрты»; др.-монг. **quγur* > дерб. *хуур* «смычный музыкальный инструмент»);

*-ïγu- > -iγu- > -уу-, -үү- (др.-монг. **nïγuqu* > дерб. *нуухă* «утаивать»; стп.-м. *qariγu* > дерб. *хəрүү* «ответ»);

*-ege > -ээ-, -ее-, -əə- (др.-монг. **emegel* > дерб. *эмəəл* «седло»; др.-монг. **egemeg* > дерб. *ээмĕг* «серьги в виде большого кольца»; др.-монг. **deger-e* > дерб. *дээрĕ* «наверху»);

*-egü- > -үү- (др.-монг. **egülen* > дерб. *үүлĕн* «облако»; др.-монг. **degü* > дерб. *дүү* «младший брат, сестра»);

*-ige- > -ээ-, -ее- (др.-монг. **šigekü* > дерб. *шеехĕ* «мочиться»; др.-монг. **ǯige* > дерб. *зее* «племянник; внук по дочери»);

*-igi- > -ии- (др.-монг. **čigig* > дерб. *чиг* «сырость, влага; роса»; др.-монг. **čigigtei* > дерб. *чигтəə* «сырой, влажный»);

*-igü- > -үү- (др.-монг. **serigün* > дерб. *серүүн* «прохладный»; др.-монг. **terigün* > дерб. *түрүүн* «головной, передовой»);

*-ügü- > -үү- (др.-монг. **küǯügün* > дерб. *күзүүн* «шея»; др.-млнг. **ügürmeg* > дерб. *үүрмĕг* «мелкий»);

*-üge- > -əə- (др.-монг. **čilüge* > дерб. *чөлəəн* «свобода»; др.-монг. **örlüge* > дерб. *өрлəə* «утро»);

*-öge- > -өө- (др.-монг. **töge* > дерб. *төө* «пядь»; др.-монг. **ǯögekü* > дерб. *зөөхĕ* «перевозить»; др.-монг. **ǯögelen* > дерб. *җөөлĕн* «мягкий»);

*-aβ > au- > -уу- (др.-монг. **taβlai* > стп.-м. *taulai* > дерб.К. *туулəə*, дерб.М.. *туулаа* «заяц»; др.-монг. **aβγan* > стп.-м. *auγan* > дерб. *уугăн* «первенец»);

*-eβ > eü- > -үү- (др.-монг. **teβke* > стп.-м. *teüke* «история» > дерб. *түүкĕ* «повесть, сказание»; др.-монг. **keβken* > стп.-м. *keüken* > дерб. *күүкĕн* «девушка, девочка»);

*-oβ > ou- > -уу- (др.-монг. *ǒoβqur > стп.-м. ǒouqur > дерб. цоохăр «пестрый»; др.-монг. *qoβ > стп.-м. qou > дерб. хуу «весь, всё»).

Долготные комплексы, в которых в интервокальном положении вместо увулярного –γ- и заднеязычного –g- в истории древнемонгольского языка находился среднеязычный щелевой -у- (-й-), также подвергались в процессе эволюции звукового строя языков ойратского ареала трансформации за счет выпадения этого интервокального согласного. При этом, как было рассмотрено выше, после выпадения смычных согласных на месте долготного комплекса развивались долгие гласные, после выпадения же щелевого среднеязычного -у- (-й-) в разных монгольских языках развились гласные различного качества: как дифтонги, так и долгие монофтонги, причем дифтонги развились в основном в халха-монгольском, бурятском, дагурском и др. языках, кроме ойратских и западных бурятских говоров. В дербетских говорах и в западных бурятских говорах вместо дифтонгов появились долгие гласные, при этом как в позиции анлаута и инлаута, так и ауслаута [Рассадин 1982, с. 117].

Следует отметить, что развитие древнего двоеслога *-ayi- в истории монгольских языков дало разные результаты: в халха-монгольском языке и в языке восточных бурят в этой позиции развился твёрдорядный дифтонг -ай-, а в языке западных бурят и в дербетских говорах – соответственно мягкорядный долгий гласный -әә-. Это хорошо прослеживается при сравнении соответствующих примеров: др.-монг. *ayinam > х.-монг. айна, вост.-бур. айна, зап.-бур. әәна, дерб.К. әәнәә, дерб.М. әәнә «боится»; др.-монг. *ayil > х.-монг. айл, вост.-бур. айл, зап.-бур. әәл, дерб. әәл «двор; хозяйство»; др.-монг. *tayilaqu > х.-монг. тайлах, вост.-бур. тайлаха, зап.-бур. тәәлха, дерб. тәәлхă «развязывать, отвязывать, снимать одежду»; др.-монг. *bayinam > х.-монг. байна, вост.-бур. байна, зап.-бур. бәәна, дерб.К. бәәнәә, дерб.М. бәәнә «имеется, есть»; др.-монг. *dayin > х.-монг. дайн, вост.-бур. дайн, зап.-бур. дәән, дерб. дәән «война».

Комплекс *-oyi- дает либо твёрдорядный дифтонг –ой- в халха-монгольском языке и в восточнобурятских говорах, либо долгий мягкорядный -өө- в западнобурятских и в дербетских говорах, например, др.-монг. *oyira > х.-монг. ойр, вост.-бур. ойро, зап.-бур. өөра, дерб. өөрă «близко,

поблизости»; др.-монг.**noyir* > х.-монг., *нойр*, вост.-бур. *нойр*, зап.-бур. *нөөр*, дерб. *нөөр* «сон»; др.-монг. **qoyina* > х.-монг. *хойно*, вост.-бур. *хойно*, зап.-бур. *хөөна*, дерб. *хөөнӑ* «после».

Комплекс *-uyi- в халха-монгольском языке и восточнобурятских говорах дает дифтонг –уй-, в западных бурятских говорах здесь развился долгий мягкорядный үү, в дербетских говорах – твердорядный уу, например, др.-монг. **uyilaqu* > х.-монг. *уйлах*, вост.-бур. *уйлаха*, зап.-бур. *үүлаха*, дерб. *уульхӑ* «плакать»; др.-монг. **uyidaqu* > х.-монг. *уйдах*, вост.-бур. *уйдаха*, зап.-бур. *үүдха*, дерб. *удьхӑ* «скучать, грустить».

Комплекс *-eyi- в халха-монгольском дал дифтонг –ий-, в бурятских говорах, как в восточных, так и западных, а также в дербетских говорах дал долгий –ии-, например, др.-монг. **deyilekü* > х.-монг. *дийлэх*, зап.-бур., вост.-бур. *диилэхэ*, дерб. *диилхӗ* «победить»; др.-монг. **eyitü* > х.-монг. *ийм*, вост.-бур., зап.-бур. *иимэ*, жерб. *Иимӗ* «такой».

Комплекс *-üyi- в халха-монгольском языке и в восточных бурятских говорах трансформировался в мягкорядный дифтонг –үй-, в западных бурятских говорах, и в языке дербетов – в долгий мягкорядный –үү-, например, др.-монг. **üyisün* > х.-монг. *үйс // үйсэн*, вост.-бур. *үйһэн*, зап.-бур. *үүһэн*, дерб. *үүсӗн* «кора березы»; др.-монг. **tüyimer* > х.-монг. *түймэр*, вост.-бур. *түймэр*, зап.-бур. *түүмэр*, дерб. *түүмӗр* «лесной пожар». В некоторых случаях этот комплекс в дербетских говорах, как и в западных говорах бурятского языка, вместо долгого мягкого –үү- развился в долгий -ии-, например, др.-монг. **küyiten* > х.-монг., вост.-бур. *хүйтэн*, зап.-бур. *хиитэн*, дерб. *киитӗн* «холодный»; др.-монг. **küyisün* > х.-монг. *хүйс // хүйсэн*, вост.-бур. *хүйһэн*, зап.-бур. *хииһэн*, дерб. *киисӗн* «пупок»; др.-монг. **süyike* > х.-монг. *сүйх*, бур. *hиихэ*, дерб. *сиикӗ* «серьги».

Комплекс –iya-, зафиксированный как таковой в старописьменном монгольском языке, развился в современном монгольском языке и во всех бурятских говорах в долгий гласный -аа- с палатализацией предшествующего согласного, например, стп.-монг. *tariyan* > х.-монг. *тариа(н)*, бур. *таряан* «хлеб, зерно; урожай»; стп.-монг. *takiya* > х.-монг. *тахиа*, вост.-бур. *тахяа*, зап.-бур. *тахяа~тасяа* «курица». В языке же дербетов на месте этого комплекса развился долгий -әә-, например, дерб.К. *такәә* «курица»,

дерб.К. *тәрәән* «хлеб, зерно; посев». Здесь прослеживается влияние гласного -i-, поскольку в этих словах наблюдается переход твёрдорядного слова в его мягкорядный вариант под действием гласного -i-, как это наблюдается и в словах без долготного комплекса, например, дерб. *бәрүүл* «рукоятка» (< стп.-монг. *bariyul* > х.-монг. *бариул*, бур. *барюул* id.).

Комплекс -iye-, зафиксированный как таковой в старописьменном монгольском языке, развился в современном монгольском языке и во всех бурятских говорах в долгий мягкорядный -ээ-, а в языке дербетов в долгий -ää-, например, стп.-монг. *küliyekü* > х.-монг. *хүлээх*, бур. *хүлеэхэ*, дерб. *күләәхĕ* «ждать, ожидать»; стп.-монг. *üniyen* > х.-монг. *үнээ(н)*, бур. *үнеэн*, дерб. *үнәән* «корова».

Дифтонги, стоящие в ауслауте монгольских древних слов хорошо сохранились в халха-монгольском языке и восточных бурятских говорах, но перешли в долгие гласные в языке дербетов и в западных бурятских говорах. При этом твёрдорядные дифтонги зачастую дают здесь долгие монофтонги согласно принятой гармонии гласных. В ойратском ареале вместо дифтонгов произносятся долгие широкие гласные, причём во многих случаях наблюдается в данном случае наряду с твёрдорядными долгими гласными также мягкорядные гласные, то есть либо *аа*, дибо *әә*. Примеры: др.-монг. **dalai* > х.-монг., вост.-бур. *далай*, зап.-бур. *далээ*, дерб.К. *далаа // дәләә*, дерб.М. *далаа* «океан»; др.-монг. **γaqai* > х.-монг., вост.-бур. *гахай*, зап.-бур. *гахээ*, дерб.К. *гахаа*, дерб.М. *гахаа* «свинья»; др.-монг. **delekei* > х.-монг. *дэлхий*, вост.-бур. *дэлхэй*, зап.-бур. *дэлхээ*, дерб. *делкәә* «вселенная»; др.-монг. **begelei* > х.-монг. *бээлий*, вост.-бур. *бээлэй*, зап.-бур. *бээлээ*, дерб. *бееләә* «рукавицы»; др.-монг. **oi* > х.-монг., вост.-бур. *ой*, зап.-бур. *өө*, дерб. *өө* «лес»; др.-монг. **qïrγui* > стп.-монг. *kirγui* > дерб.К. *кирһүү* «кобчик, перепелятник», ср. х.-монг. *хяргүй* id.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что в языке дербетов Калмыкии, как и у дербетов Монголии наблюдаются одни и те же процессы развития долготных комплексов и дифтонгов и превращение их в монофтонги, которые опередняются, если в словоформе присутствует гласный *i*. Под влиянием **i* произошло также опереднение кратких твёрдорядных гласных первого слога и переход всего слова в мягкий ряд. Это характерно

для всего ойратского ареала. Дербетам Калмыкии присуще употребление долгого *әә* в словах твёрдого и мягкого ряда.

1.2. Сравнительное исследование систем консонантизма языка дербетов Калмыкии и Монголии

Здесь мы делаем попытку осуществить сравнительное исследование систем консонантизма языка дербетов Калмыкии и языка дербетов Монголии на предмет установления их сходств и различий. Данная тема представляется достаточно актуальной, имеющей большое научное значение, поскольку дербеты Монголии составляли с дербетами Калмыкии некогда (более четырёхсот лет тому назад) единый народ в составе Джунгарского ханства в Центральной Азии. Весьма важно сравнить их языки и установить общемонгольскую основу их консонантизма, особенности ойратского ареала и черты, характерные для языка дербетов как Калмыкии, так и Монголии.

При исследовании звукового строя языка дербетов Калмыкии мы опирались на работу А.Ш. Кичикова «Дербетский говор» [1963] и использовали также наши собственные наблюдения. Материал по языку дербетов Монголии взят из работ Э. Вандуя [1962; 1965] и Ж. Цолоо [1988]. В качестве источника по литературному калмыцкому языку мы пользовались «Грамматикой калмыцкого языка» [1983] и «Калмыцко-русским словарём» под редакцией Б.Д. Муниева [1977].

Поскольку классификацию согласных фонем принято осуществлять по месту их образования в полости рта и по участию в артикуляции активного речевого органа - языка, губ и маленького язычка, - мы и будем их рассматривать, сгруппировав по этому принципу – губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные.

Губные согласные, у которых активным артикулирующим органом являются губы, фактически подразделяются на два вида: губно-губные и губно-зубные. У первых в образовании звуков принимают участие обе губы – верхняя и нижняя, в образовании вторых участвует нижняя губа и верхние зубы. По участию в артикуляции звуков голосовых связок согласные могут

быть глухими, если голосовые связки не работают, и звонкими, если они работают. При множестве вариантов произнесения губных согласных с разными характеристиками практически в языке дербетов используются лишь некоторые. Здесь мы находим из ртовых губно-губных звуков звонкий согласный *б* и глухой *п*, из губно-зубных звуков звонкий согласный *в* и глухой *ф*. Из носовых сонантов в этой группе согласных используется губно-губной *м*. При этом данные согласные в сопоставляемых языках ведут себя по-разному в зависимости от позиции в слове, причём различают позиции анлаута – начала слова, инлаута – середины слова с интервокальной, постконсонантной и предконсонантной позициями и ауслаута – конца слова. Рассмотрим ниже эти согласные в зависимости от места артикуляции по активному органу и от позиции в слове.

Звонкий ртовый губно-губной смычный согласный *б* встречается в языке дербетов главным образом в начале слова, например: дерб.К. *баавй* «отец, папа» (ср. торгут. *баавй* «мама»), *бәрхё* «держать; ловить; хватать», *бееләә* «рукавицы, варежки», *бозлйг* «суслик-самец», *болхй* «быть; стать», *борй* «серый», *бухй* «бык-производитель», *бүчёр* «ветка». В середине слова согласный *б* дербетского языка ограничен в употреблении постконсонантной позицией после согласного *м*, например: *җомбаа* «калмыцкий чай», *җомбаахй* «выпячиваься, вытягиваться (*о губах*)», *домбй* «кувшин», *домбйр* «домбра», *кембё?* «кто?», *юмбй?* «что такое?». А.Ш. Кичиков [1963, с. 4] утверждает, что в языке представителей подговора больших дербетов Калмыкии во многих словах согласный *б* сохраняет смычный характер и в интервокальном положении, например, *абй* «возьми», *тәбё* «положи», *гөбё* «сбей», *сабй* «стряхни». Если в орфографическом варианте он занимает позицию ауслаута, то в реальном калмыцком произношении этот *б* оказывается после *м* перед гласным звуком. Исследователь звукового строя калмыцкого языка проф. П.Ц. Биткеев, говоря о фонеме *б*, определяет её как обычную для начала слова, но редкую для середины и конца слова, и иллюстрирует это положение примерами: *тәббә* «поставил», *шаб-шаб* «звукоподражательное слово» [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 28]. Далее он утверждает, что «в произношении представителей пожилого возраста наблюдается факультативное употребление *б* вместо *в* в середине

слова перед сильными смычными или смычно-щелевыми согласными и в абсолютном исходе односложных слов, например, произносят *эбтә* вм. литературного *эвтә* (ловкий) *хабчур* вместо *хавчур* (скрепка), *киб кив* (предприимчивый)» [Там же].

По нашим наблюдениям, в абсолютном конце слова этот согласный в калмыцком языке встречается достаточно редко, преимущественно в изобразительных словах, например: *шаб* - звукоподражательное слово, *көл дор бальчг шаб-шаб гиһәд бәәв* «грязь хлюпала под ногами» [Калмыцко-русский словарь 1977, с. 658].

Э. Вандуй, исследователь языка дербетов Монголии, говорит, что согласный *б* здесь произносится достаточно ясно и в любой позиции в слове, например, *бачӣм* «торопливый», *башлӣк* «домашний сыр», *абдӑр* «сундук», *тобчӣ* «пуговица», *шилбӣ* «петля для пуговицы» [1965, с. 70].

Дербетский согласный *б* наследует древнемонгольский **b*, который в монгольских языках частично сохранился, особенно в анлауте, в середине слов по соседству с согласными, хорошо был представлен в позиции ауслаута древнемонгольского языка [Рассадин 1982, с. 71], например, др.-монг. *bi* - общедерб. *би*, х.-монг., бур. *би* «я»; др.-монг. *bariqu* - общедерб. *бәрхӗ*, х.-монг. *барих*, бур. *бариха* «держать; ловить»; др.-монг. *qobdu* - общедерб. *хобдӑ*, х.-монг. *ховд*, бур. *хобдо* «длинный узкий ящичек»; др.-монг. *tobči* - общедерб. *тобчӣ*, х.-монг. *товч*, бур. *тобшо* «пуговица»; др.-монг. *šilbi* - общедерб. *шилбӣ*, х.-монг. *шилбэ*, бур. *шэлбэ* «петля для монгольской пуговицы»; др.-монг. *ab* - дерб.К. *абӑ*, х.-монг. *ав*, бур. *аба* «возьми».

Глухой ртовый губно-губной смычный согласный *п* встречается в языке дербетов Калмыкии гораздо реже, чем *б*, преимущественно в начале относительно немногих слов, Например: *падӑрхӑ* «пылать, пламенеть», *пард гихӗ* «ёкнуть (*о сердце*)», «вспыхнуть (*об огне*)», *пигхӗ* «шипеть; свистеть; бахвалиться», *пилгӗхӗ* «быть в изобилии», *пилд* - звукоподражание шлепку, падению с шумом, грохотом, *пиш* - звукоподражание звуку взрыва, *порсӑг* «корсак», *пөө* - междометие, выражающее восклицание, удивление, сожаление, *пүрвә* «четверг», *пүргӗхӗ* «быть многословным, болтать». В основном этот согласный употребляется в позиции анлаута заим-

ствованных слов, например: *паар* «пара», *пальто* «пальто», *панăр* «фонарь», *парăнцăс* «француз», *патĭр* «квартира», *паспорт* «паспорт». Очень редко согласный *п* встречается в середине слова, причём зачастую лишь в заимствованных словах, например: *капканцг* «карлик», *помпаахă* «быть выпуклым», *капитан* «капитан», *капитал* «капитал», *кепк* «кепка». В языке дербетов Монголии, по заключению Э. Вандуя [1965, с. 70], это тоже весьма редкий звук, встречающийся в начале немногих слов, например, *пагдгăр* «приземистыйй», *пітăн* «бидон», *поолĭоосŏн* «алюминий», *пінзĕ* «поднос».

Согласный **п* был весьма редкий звук в древнемонгольском языке, каковым продолжал оставаться и в современных халхаском, бурятском и калмыцком языках [Рассадин 1982, с. 70], встречаясь в основном в заимствованных словах и в образных и звукоподражательных словах и их производных, как это видно по дербетским материалам.

Звонкий ртовый губно-зубной щелевой согласный *в* в языке дербетов Калмыкии в позиции анлаута предствлен главным образов в заимствованных словах, например: *вагон* «вагон», *варень* «варенье», *верандă* «веранда», *винтовкă* «винтовка», *вокзал* «вокзал». В собственно калмыцких словах этот согласный встречается в середине и в конце слова, например: *аваад ирхĕмн* «принесёт», *аврăлтă* «спасение», *завсăр* «промежуток», *зовлăң* «мучение», *таваад* «по пять», *тəвəəд* «по пятьдесят», *арвəə* «овёс», *гаруув* «я вышел», *тов* «пушка», *ов-тов* «редкий», у малых дербетов *авă* «возьми», *тəвĕ* «поставь». Особенно частотен этот звук в позиции инлаута. В языке дербетов Монголии согласный *в* тоже, как утверждает Э. Вандуй [1965. с. 70], используется в середине и в конце слов и слогов, например, *көвəə* «кайма; берег», *насвай* «нюхательный табак», *хуувăн* «печка», *давхăц* «плащ», *кедүүв?* «сколько?». В позиции анлаута встречается в заимствованных словах, например, *ваадăн* «кусок материи для завёртывания», *ваар* «ваза». В исконных собственно монгольских по происхождению словах этот согласный развился из смычного **b*, например, др.-монг. *arbai* - общедерб. *арвəə*, х.-монг. *арвай*, бур. *арбай* «ячмень»; др.-монг. *tabun* - общедерб. *тавăн*, х.-монг. *тав // таван*, бур. *табан* «пять», др.-монг. *qob* - общедерб. *хов*, х.-монг. *хов*, бур. *хоб* «сплетня».

Глухой ртовый губно-зубной щелевой согласный *ф* в языке дербетов Калмыкии представлен лишь в начале слов, заимствованных из русского языка в советское время вместе с русской орфографией, например: *фронт* «фронт», *фашизм* «фашизм», *ферм* «ферма», *футбол* «футбол» и т.п. Заимствования раннего периода имеют в этой позиции звук *п*, например: *панăр* «фонарь», *парăнцăс* «француз», *патĭр* «квартира» (из просторечного русск. *фатера* id.). Как произносительный вариант встречается на месте звука *в*, находящегося перед глухим согласным в середине слова или в конечной позиции слова, например: *авсн* - произносится как *афсăн* «взял», *кевтəəн* - произносится как *кефтəəн* «по-прежнему», *товч* - произносится как *тофчă* «пуговица». Э. Вандуй [1965, с. 70] отмечает, что этот звук встречается в заимствованных словах типа *фороонт* «фронт», *офицеер* «офицер», *фотоо* «фото». В древнемонгольском языке этой фонемы не было, вместо неё была фонема **φ*, давшая совсем другие рефлексы [Рассадин 1982, с. 68-69].

Звонкий носовой губно-губной смычный сонант *м* достаточно хорошо представлен в языке дербетов Калмыкии в разных позициях – в анлауте, инлауте и ауслауте - как в собственных, так и в заимствованных словах, например: *май* «май», *майкă* «майка», *майăг* «юбка», *мадăн* «мы», *модăн* «дерево // деревянный», *медхĕ* «знать, ведать», *амăн* «рот», *амһаа* «удила», *амăр* «спокойствие, покой», *нəəмăн* «восемь», *ӟомбаа* «калмыцкий чай», *кембĕ?* «кто?», *сам* «гребень, расчёска», *саам* «удой, надой», *сөөм* «пядь». В языке дербетов Монголии, по свидетельству Э. Вандуя [1965, с. 70], это тоже весьма частотный согласный, встречающийся в слове в любой позиции, например, *махлəə* «шапка», *мангăдăр* «завтра», *самăрсăн* «кедровый орех».

Согласный *м* в языке дербетов как Калмыкии, так и Монголии является наследником древнего общемонгольского **т*, который здесь неплохо сохранился во всех позициях слова [Рассадин 1982, с. 72], например, др.-монг. *тауи* - общедерб. *муу*, х.-монг. *муу*, бур. *муу* «плохой»; др.-монг. *атан* - общедерб. *амăн*, х.-монг. *ам // аман*, бур. *аман* «рот»; др.-монг. *amin* - общедерб. *əмĭн*, х.-монг. *амь // амин*, бур. *амин* «жизнь»; др.-монг. *ет* - общедерб. *эм*, х.-монг. *эм*, бур. *эм* «лекарство».

У **переднеязычных согласных** активным артикулирующим органом является передняя часть спинки языка, которая образует с верхними зубами смычку, щель, а также совмещение смычки со щелью, в результате чего образуются аффрикаты. Рассмотрим эти звуки по порядку.

Переднеязычными смычными согласными являются *т, д, н*. Особая артикуляция у согласного *л*, который относится к смычным, но с боковой щелью, через которую проходит воздушная струя. Это по сути дела ртовый переднеязычный смычный плавный боковой сонант. Есть мнение считать его переднеязычным сверхслабым щелевым боковым ртовым звуком [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 32]. Как бы там ни было, но он произносится с кончиком языка, плотно прижатым к передним зубам, что позволяет отнести его к смычным согласным.

Глухой ртовый переднеязычный смычный согласный *т* достаточно распространённый в языке дербетов Калмыкии звук, как и вообще в калмыцком языке, в позиции анлаута и инлаута, например: *таавăр* «предположение, догадка», *то* «число», *товчă* «пуговица», *титĭм* «корона», *алтăн* «золото // золотой», *тавтаа* «пятилетний», *устəə* «волосатый», *цутхăхă* «лить, отливать», *шатă* «лестница». «В абсолютном исходе односложного слова, - по свидетельству П.Ц. Биткеева, - согласный *т* не встречается, а в многосложных может выступать, если ему предшествует краткий гласный. Примеры ограничиваются глагольной формой, аффикс которой исторически восходит к личному местоимению *та* (вы): *ирит* (придите), *авыт* (возьмите), *татыт* (тяните)». В языке дербетов Монголии этот звук также распространён и встречается в этих же позициях, например, *тавăг* «лапа (*верблюда*)», *темəən* «верблюд», *ташĭх* «бить ладонью», *утаан* «дым», *ириит* «придите».

В языке дербетов как Калмыкии, так и Монголии звук *т* является наследником того же **t*, что и в древнем монгольском языке [Рассадин 1982, с. 72-73], например, др.-монг. *ta* - общедерб. *та*, х.-монг. *та*, бур. *та* «вы»; др.-монг. *temegen* - общедерб. *темəən*, х.-монг. *тэмээ*, бур. *тэмээн* «верблюд»; др.-монг. *uyuta* - общедерб. *уутă*, х.-монг. *уут*, бур. *уута* «мешок»; др.-монг. *utayan* - общедерб. *утаан*, х.-монг. *утаа*, бур. *утаан* «дым».

Звонкий ртовый переднеязычный смычный согласный *д* в языке дербетов Калмыкии очень употребительный звук, встречающийся во многих словах в любой позиции, например: *даалһăвăр* «поручение», *дундă* «средний», *дорă* «внизу», *дүүрĕң* «наполненный», *дүрсĕн* «внешний вид», *адăг* «конец», *меддĕг* «знающий», *инəədтəə* «смешной», *зуд* «бескормица скота», *арваад* «по десять», *ирəəд* «придя». В позиции ауслаута оглушается, как и в конце слога перед глухим согласным. В языке дербетов Монголии этот согласный весьма распространён и ведёт себя аналогичным образом, например, *девĕл* «шуба», *дарюун* «после, затем», *белдхĕл~белтхĕл* «подготовка», *йоваад* «уйдя», *суугаад* «сев».

В языке дербетов Калмыкии и Монголии, как и в других современных монгольских языках, этот звук наследует древний общемонгольский **d* во всех позициях слова [Рассадин 1982, с. 74], например, др.-монг. *dörben* - общедерб. *дөрвĕн* , х.-монг. *дөрөв // дөрвөн*, бур. *дүрбэн* «четыре»; др.-монг. *dutuyu* - общедерб. *дутуу*, х.-монг. *дутуу*, бур. *дутуу* «недостающий»; др.-монг. *čidaqu* - общедерб. *чидхĕ*, х.-монг. *чадах*, бур. *шадаха* «мочь, выдержать»; др.-монг. *boluγad* - общедерб. *болаад*, х.-монг. *болоод*, бур. *болоод* «сделавшись; став; будучи».

Звонкий носовой переднеязычный смычный сонант *н* в языке дербетов Калмыкии употребляется повсеместно в любой позиции слова: *наадăн* «игра», *наавăр* «наклейка», *намăр* «осень», *негн* «один», *ниитĕ* «общество», *нөкĕр* «товарищ», *андăгаар* «клятва», *эндĕ* «здесь», *тендĕ* «там», *энĕ* «это, этот, эта», *зуун* «сто», *арвăн* «десять», *юмăн* «вещь», *юун* «что». Аналогичным образом этот согласный ведёт себя и в языке дербетов Монголии, например, *наадгəə* «игрушка», *наар* «сюда», *насвай* «нюхательный табак», *нерĕн* «имя», *олδнцδг* «чепрак», *андсăн* «соха, плуг», *бенш* «пельмени», *шаанцăг* «клин», *келĕн* «язык», *унăгăн* «жеребёнок».

В языке дербетов как Калмыкии, так и Монголии этот согласный *н* продолжает употребляться в тех же словах и в тех же позициях, что и в древнем монгольском и современных монгольских языках [Рассадин 1982, с. 87-92], например, др.-монг. *nayiman* - общедерб. *нəəмĕн*, х.-монг. *найм // найман*, бур. *найман* «восемь» ; др.-монг. *ene* - общедерб. *энĕ*, х.-монг. *энэ*, бур. *энэ* «этот»; др.-монг. *nigen* - общедерб. *негĕн*, х.-монг. *нэг // нэгэн*, бур. *нэгэн* «один».

Звонкий ртовый переднеязычный смычный боковой сонант *л* в языке дербетов Калмыкии представлен достаточно хорошо – он употребляется в начале слов, в середине и в конце без каких-либо ограничений, например: *лаа* «свеча», *лаваар* «верно, точно», *лавшӣг* «накидка, халат», *литĕ* «календарь», *лошхă* «репейник», *алвăн* «налог», *актăлхă* «актировать, составлять акт», *алăг* «пегий», *улаан* «красный», *гъал* «огонь», *җил* «год», *көл* «нога, ноги», *көкүүл* «грудной (*о ребёнке*)». В языке дербетов Монголии *л* употребляется без ограничения в тех же позициях, например, *лагдă* «доска для раскатывания теста», *лавшӣг* «летний халат», *көглжӣргĕн* «голубь», *келдүүр* «деревянная лопатка для золы», *мал* «скот».

Этот согласный стоит в тех же словах в тех же позициях слова, что и в древнем монгольском и современных монгольских языках [Рассадин 1982, с. 92-95], например, др.-монг. *lab* - общедерб. *лав*, х.-монг. *лав*, бур. *лаб* «правильно, верно»; др.-монг. *alay* - общедерб. *алăг*, х.-монг. *алаг*, бур. *алаг* «пегий (*о масти*)»; др.-монг. *mal* - общедерб. *мал*, х.-монг. *мал*, бур. *мал* «скот».

К переднеязычным щелевым согласным в языке дербетов Калмыкии относятся *с, з, ш, р*. Если первые три звука являются обычными щелевыми звуками, то у *р* щель сопровождается дрожанием кончика языка, и он представляет собой дрожащий щелевой звук.

Глухой ртовый переднеязычный щелевой свистящий согласный *с* здесь весьма употребительный звук, встречающийся в любой позиции слова, например: *саад* «препятствие», *саарăл* «буланый», *саахă* «доить», *серхĕ* «просыпаться», *тасăлхă* «отрывать», *усăн* «вода», *усĕн* «молоко», «волос на голове», *цәәсăг* «любитель чая», *махсăг* «любящий мясо», *ирсĕн* «пришедший», «пришёл», *авсăн* «взявший», «взял», *тарвăс* «арбуз», *терс* «иноверец», *барс* «барс». Весьма обычный частотный согласный и в языке дербетов Монголии, встречающийся в слове в любой позиции, например, *сарăн* «луна», *севгĕр* «девочка», *сиик* «серьги», *сөө* «ночь», *улаасăн* «осина», *усӯн* «вода», *туульс* «сказки».

В языке дербетов Калмыкии и Монголии этот согласный употребляется на месте древнемонгольского **s* в любой позиции слова [Рассадин 1982, с. 77-78], например, др.-монг. *sanaysan* - общедербет. *сансăн*, х.-монг. *сан-*

сан, бур. *һанаһан* «задуманный»; др.-монг. *söni* - общедерб. *сөө*, х.-монг. *шөнө*, бур. *һүни* «ночь»; др.-монг. *usun* - дерб.К. *усăн*, дерб.М. *усўн*, х.-монг. *ус // усан*, бур. *уһан* «вода»; др.-монг. *arasun* - дерб.К. *арсăн*, дерб.М. *арсăң*, х.-монг. *арьс*, бур. *арһан* «шкура»; др.-монг. *alus* - общедерб. *алăс*, х.-монг. *алс*, бур. *адас* «дальний, далёкий».

Звонкий ртовый переднеязычный щелевой согласный *з* в языке дербетов Калмыкии активно употребляется в позиции анлаута и инлаута и очень редко, буквально в единичных иностранных по происхождению словах в ауслауте, например: *за* «саксаул», *заалтă* «указатель», *завсăр* «промежуток», *залаатəə* «хохлатый», *залуу* «мужчина», *зəətəə* «имеющий свободное место», *зевтəə* «ржавый», *зузаан* «толстый (*о плоском*)», *азă* «счастье», *аздă* «буян, дебошир», *терзĕ* «окно», *бузăр* «грязный», *тəəз* «сцена». В языке дербетов Монголии, по свидетельству Э. Вандуя [1965, с. 72-76], относительно данного согласного положение не однозначное. Дело в том, что калмыцкий свистящий согласный *з* развился из свистящей аффрикаты *дз*, которая возникла на месте шипящей аффрикаты **дж*, как это и произошло в определённый исторический период эволюции северо-западных монгольских языков – халхаского, калмыцко-ойратского и бурятского – потомков древнего языка монголов-шивеев. В языке ойратов Монголии, как и в языке дербетов Калмыкии, представлен результат этого же процесса, то есть развитие *з* на месте *дз (< *дж)* [Рассадин 1982, с. 76]. Однако у дербетов Монголии давно уже наблюдается смешение в употреблении свистящих щелевого *з* и аффрикаты *дз*, особенно это заметно в анлауте, где применяют и *з* и *дз*, например, *зам~дзам* «путь» (ср. др.-монг. *ĵam*, х.-монг. *дзам*, бур. *зам* id.), *дзагăсăн~дзагăс~загăсăн* «рыба» (ср. др.-монг. *ĵiγasun*, х.-монг. *дзагас*, бур. *загаһан* id.), *зургаан~дзургаан* «шесть» (ср. др.-монг. *ĵirγuγan*, х.-монг. *дзургаа*, бур. *зургаан* id.). В середине слова, главным образом между гласными, обычен *з*, например, *езĕн* «хозяин» (ср. др.-монг. *eĵen*, х.-монг. *эдзэн*, бур. *эжэн // эзэн* id.), *базă* «свояк» (ср. др.-монг. *baĵa*, х.-монг. *бадз*, бур. *база* id.). Э. Вандуй объясняет такое двоякое произношение влиянием халхаского языка. Хотя и редко, встречается и в конце слова, например, *бигбĕрз* «кузнечик», *шууз* «щётка».

Глухой ртовый переднеязычный щелевой шипящий согласный *ш* в языке дербетов Калмыкии довольно активен и употребляется в словах в любой позиции, например: *ша* «ревматизм», *шаазгәә* «сорока», *шаваатәә* «обмазанный», *шонтăл* «дятел», *шүдĕн* «зуб, зубы», *шакшăг* «куст», *аашхă* «приближаться», *аашă* «характер», *өшәән* «месть, ненависть», *бәәшăң* «дворец», *тоғăш* «крендель», *барăш* «барыш, прибыль». Не менее распространён этот согласный и в языке дербетов Монголии, встречается в любой позиции, например, *шалчааг* «лужа», *шікĭр* «сахар, конфеты», *шүүгүүл* «метла», *ашĭк* «мочка уха», *башĭк* «колос», *башлĭк~башлăг* «домашний сыр», *идĕш* «корыто (*для кормления животных*)».

В древнемонгольском языке **š* был довольно редким звуком, который произносился либо в монгольских образных словах, либо в заимствованных словах или в виде самого *š*, или как субститут *č* [Рассадин 1982, с. 85-87]. Позднее в монгольских языках, в том числе и в языке дербетов как Калмыкии, так и Монголии, развился из **s* в позиции перед **i*, например, др.-монг. *sitaqu* > стп.-монг. *šitaqu* - дерб.К. *шатхă*, дерб.М. *шитăхă*, х.-монг. *шатах*, бур. *шатаха* «гореть»; др.-монг. *sidün* > стп.-монг. *šidün* - общедерб. *шүдĕн*, х.-монг. *шүд // шүдэн*, бур. *шүдэн* «зуб; зубы»; др.-монг. *asiγ* > стп.-монг. *ašiγ* - общедерб. *ашăг*, х.-монг. *ашиг*, бур. *ашаг* «выгода, польза».

Звонкий ртовый переднеязычный дрожащий щелевой согласный *р* в языке дербетов Калмыкии в анлауте собственно калмыцких слов не употребляется, используется в этой позиции только в русских заимствованных словах типа *район* «район», *радио* «радио», *реформ* «реформа», *рулетк* «рулетка» и т.п. В собственно калмыцких словах стоит как в позиции инлаута, так и ауслаута, например: *арвăн* «десять», *гъорвăн* «три», *дөрвĕн* «четыре», *зургаан* «шасть», *җирĕн* «шестьдесят», *йирĕн* «девяносто», *деерĕ* «наверху», *дорă* «внизу», *дораагуур* «низом, понизу», *кир* «грязь», *кирәәр* «по мере». Аналогичную картину бытования этого согласного мы видим и в языке дербетов Монголии, например, *аршаан* «минеральная вода, родник с минеральной водой», *хөрĭн* «двадцать», *гъурвăн* «три», *гъараар* «руками».

В языке дербетовв как Калмыкии, так и Монголии согласный **r* не был

характерен для позиции анлаута в собственно монгольских словах, но обычен в середине и конце слова [Рассадин 1982, с. 95-97], например, др.-монг. *naran* - общедерб. *нарăн*, х.-монг. *нар // наран*, бур. *наран* «солнце»; др.-монг. *γar-iyar* - общедерб. *гъараар*, х.-монг. *гараар*, бур. *гараар* «руками»; др.-монг. *namur* - общедерб. *намăр*, х.-монг. *намар*, бур. *намар* «осень».

К переднеязычным смычно-щелевым согласным в языке дербетов Калмыкии относятся аффрикаты *ц, ч, ж̧*, хотя П.Ц. Биткеев считает *ч* и *ж̧* среднеязычными соответственно сильным и слабым смычно-щелевыми звуками [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 26, 29]. Вероятно переднеязычная отодвинутая назад смычка привела его к такому выводу. Но как бы там ни было эти аффрикаты весьма активны в языке дербетов.

Глухой ртовый переднеязычный свистящий смычно-щелевой согласный *ц* представлен в калмыцком языке «… в начале и середине слова: *царцаха* (кузнечик), *цэцэн* (мудрый), *эцке* (отец, *цə* (чай), *бакцъ* (бахча). В исходе слова обычно не выступает, но в произношении молодёжи *ц* наблюдается в конце некоторых слов, где он следует после краткого гласного: *төрүц* (совершенно, совсем)» [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 25]. То же можно утверждать об употреблении этой аффрикаты и в языке дербетов Калмыкии, хотя встречается она в начале и середине слова, например, *цацă* «надгробие», *цаар* «туда», *цар* «вол», *цецĕг* «цветок», *ацаан* «груз». Аналогичное распространение этот согласный имеет и в языке дербетов Монголии, например, *цар* «вол», *царцгəə* «орёл», *цогц муутəə* «беременная», *цагаан* «белый».

Восходит эта аффриката к древнемонгольской шипящей аффрикате **č*, развившейся позднее в монгольских языках северо-западного ареала, куда входят халха-монгольский, ойратский и бурятский язык, во многих словах в свистящую аффрикату *ц* (бурятский перевёл её в *s* и *š*) [Рассадин 1982, с. 75-76], например, др.-монг. *čaγaγan* - общедерб. *цагаан*, х.-монг. *цагаан*, бур. *сагаан* «белый»; др.-монг. *časun* - общедерб. *цасăн*, х.-монг. *цас // цасан*, бур. *сахан* «снег»; др.-монг. *čisun* - дерб.К. *цусăн*, дерб.М. *цусӱн*, х.-монг. *цус // цусан*, бур. *шухан* «кровь»; др.-монг. *čečeg* - общедерб. *цецĕг*, х.-монг. *цэцэг*, бур. *сэсэг* «цветок».

Звонкий ртовый переднеязычный шипящий смычно-щелевой согласный *ч* в языке дербетов Калмыкии активно употребляется главным образом в начале и середине слова, например: *чавчаачӣ* «рубщик», *чадмăг* «умелый, искусный», *чи* «ты», *чикəəр* «прямо», *чөлəən* «свободное время», *чичӣрхĕ* «трястись», *ачӣ* «внук (*по мужской линии*)», *ачаачӣ* «грузчик», *модăчӣ* «плотник», *келчкĕ* «скажи-ка», *авчкă* «возьми-ка», *кенчĕн* «кто-то». «В исходе слова выступает только как показатель 2-го лица единственного числа при спряжении глаголов, например, *одыч* (пойди ты, пожалуйста), *авыч* (возьми)» [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 26-27]. То же употребление у этого согласного находим и в языке дербетов Монголии, например, *чи* «ты», *чигчгəə* «мизинец», *чинээ* «размером с…», *чагчəəхəə* «саранча», *бачӣм* «торопливый», *ирич* «приходи».

Во многих словах языка дербетов Калмыкии и Монголии аффриката *ч* сохраняет свой шипящий характер и наследует древнемонгольскую шипящую аффрикату **č* [Рассадин 1982, с. 75-76], например, др.-монг. *či* - общедерб. *чи*, х.-монг. *чи*, бур. *ши* «ты»; др.-монг. *čilayun* - общедерб. *чолуун*, х.-монг. *чулуу*, бур. *шулуун* «камень»; др.-монг. *čilüge* - дерб.К. *чөлəən*, дерб.М. *чөлəə*, х.-монг. *чөлөө*, бур. *сүлөө* «свободное время»; др.-монг. *čočiqu* - дерб.К. *чочхă*, дерб.М. *чочăххă*, х.-монг. *цочих*, бур. *сошохо* «вздрагивать от испуга».

Звонкий ртовый переднеязычный шипящий смычно-щелевой согласный *җ* весьма активен в языке дербетов Калмыкии и употребляется в позиции анлаута и инлаута без ограничения, например: *җажҗăлвăр* «жвачка», *җигшүүр* «брезгливость», *җораа* «иноходь; иноходец», *җөөлĕн* «мягкий», *җанжаалхă* «скандалить», *тежəəл* «питание; корм». В конце слова, по мнению П.Ц. Биткеева, данная фонема не встречается [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 29]. В то же время А.Ш. Кичиков в своей работе [1963, с. 12-13] утверждает, что аффриката *җ* встречается во всех позициях слов и даже в ауслауте, например, *йовааж* «оказывается». В языке дербетов Монголии *җ* произносится в виде шипящей аффрикаты *ж (дж)* во многих словах в начале и в середине слов, иногда в конце, например, *жа* «ладно», *жиргăл* «счастье», *жөөлĕн* «мягкий», *жирмаахəə* «мальки рыб», *дүүжĭн* «железное ведро», *ажĭргă* «жеребец», *согдож* «жареная печень».

Во многих словах языка дербетов Калмыкии и Монголии аффриката *җ* сохраняет свой шипящий характер, присущий древнемонгольской аффрикате **ǰ (dž)*, не перешедшей в *dz* [Рассадин 1982, с. 76-77], например, др.-монг. *ǰiryal* - общедерб. *җирһәл*, х.-монг. *джаргал*, бур. *жаргал* «счастье»; др.-монг. *ǰögelen* - общедерб. *җөөлён*, х.-монг. *дзөөлөн*, бур. *зөөлэн* «мягкий»; др.-монг. *aǰirya* - общедерб. *аҗӣрһә*, х.-монг. *адзрага*, бур. *азарга* «жеребец».

Среднеязычные согласные образуются в результате подъёма средней части спинки языка к твёрдому нёбу, где образуется либо щель, либо смычка.

Самым распространённым в языке дербетов Калмыкии среднеязычным согласным является ртовый щелевой сонант *й*, встречающийся в любой позиции: как в начале слова, так в середине и в конце без ограничения. Примеры: *йасӑн* «кость», *йамараан?* «какой?», *йамаан* «коза», *йирәәд* «по девяносто», *йисӗн* «девять», *йосӑн* «власть; обычай, традиция», *йораал* «дно», *йөрәәл* «благопожелание», *айсӑ* «мелодия», *байӑн* «богатство; богатый», *байӑр* «радость; праздник», *ай* «междометие жалости», *өгий* «лавай дадим», *йовий* «давай пойдём». В языке дербетов Монголии этот согласный тоже весьма распространён и встречается в любой позиции [Вандуй 1965, с. 78], например, *йав* «маленький амбарчик», *йагнаа* «что делает», *йалмӑн* «тушканчик», *йасуул* «секундант», *йасӑх* «налаживать», *айуу* «медведь», *болхаай* «нельзя», *бәәйдәәй* «самка изюбря».

Звук **j (й)* был хорошо известен в древнемонгольском языке в любой позиции в слове и неплохо сохранился в современных монгольских языках [Рассадин 1982, с. 97-98], например, др.-монг. *jasun* - общедерб. *йасӑн*, х.-монг. *яс // ясан*, бур. *яһан* «кость»; др.-монг. *jabuqu* - общедерб. *йовхӑ*, х.-монг. *явах*, бур. *ябаха* «уходить»; др.-монг. *najan* - общедерб. *найӑн*, х.-монг. *ная*, бур. *наян* «восемьдесят».

Из других среднеязычных звуков в калмыцком языке, по свидетельству П.Ц. Биткеева, исследовавшего фонетику калмыцкого языка экспериментальным методом, ещё представлены в середине слов и редко в конце фонемы *ль* (*альчур* «платок», *хальмг* «калмык», *годль* «свистящая стрела», *буул* «палочка, кляп в носу верблюда»), *нь* (*таньх* «узнать, опознать»,

тиньгр «ровный, гладкий», *урднь* «раньше, прежде»), *ть* (*матьхр* «кривой, искривлённый», *уутьхн* «узкий, тесный», *боть* «том», *зать* «мускатный орех»), *дь* (*будя* «зерно», *модьрун* «грубость; грубый», *моднь [модьнь]* «его дерево; его палка») [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 26, 29, 33-34]. Это же относится и к языку дербетов Калмыкии, если судить по материалам А.Ш. Кичикова [1963, с. 12, 14, 15], например, *матьхăр* «кривой», *уудьвăр* «скука», *Утьăə* - имя, *Бадьии* - имя, *таньхă* «узнать», *ацаань* «его груз», *аль* «который». В языке дербетов Монголии такой широкой палатализации консонантов, как это представлено у дербетов Калмыкии, не наблюдается. Так, например, дерб.К. *матьхăр* - дерб.М. *матхăр* (< стп.-монг. *matiγar*) «кривой, изогнутый», но дерб.К. *ууль* «сыч» - дерб.М. *ууль* «сова», дерб.К. *бууль хă* - дерб.М. *буульıх* «реветь (*о верблюдах*)», дерб.К. *толĭ* - дерб.М. *толь* «зеркало».

Заднеязычные согласные образуются смычкой или щелью, создаваемыми задней частью спинки языка и мягким нёбом или границей твёрдого и мягкого нёба. В эту группу согласных в языке дербетов Калмыкии входят *к, г, х, ң*. Фонема *х* относится также к увулярным звукам.

Глухой ртовый заднеязычный смычный согласный *к* встречается в языке дербетов Калмыкии не только в начале и середине мягкорядных слов, но употребляется в этих же позициях и в твёрдорядных словах, например: *каа* «дворцовая стража, охрана», «телохранитель», *каакăлзăхă* «прохаживаться с высокомерным видом», *каачхă* «уничтожать, истреблять», *кавжишхă* «быть приземистым», *кальчишхă* «накреняться, наклоняться набок», *караглăхă* «высокомерничать, чваниться», *комишхă* «быть чем-л. недовольным», *коочишхă* «деформироваться, терять форму», *кулишхă* «косо смотреть», *курдăг* «норовистый», *аксăн* «высохший», *актă* «хороший конь; мерин», *бокăрхă* «скрючиваться», *зокаал* «правило; положение; порядок», *зокăхă* «подходить, соответствовать», *зокъяал* «произведение», *такаа* «курица». В начале и середине мягкорядных слов этот согласный в языке дербетов Калмыкии сохранился с древнемонгольских времён, не перейдя в заднеязычный *х*, как это наблюдается в халха-монгольском и бурятском языках [Рассадин 1982, с. 98-102], например: дерб.К. *көвүүн* - стп.-монг. *köbegün*, ср. х.-монг. *хөвгүүн*, бур. *хүбүүн* «парень; сын»;

дерб.К. *келĕн* - стп.-монг. *kelen*, ср. х.-монг. *хэл*, бур. *хэлэн* «язык»; дерб.К. *кӱрхĕ* - стп.-монг. *kürkü*, х.-монг. *хүрэх*, бур. *хүрэхэ* «доходить, достигать»; дерб.К. *көкĕ* - стп.-монг. *köke*, ср. х.-монг. *хөх*, бур. *хүхэ* «синий»; дерб.К. *экĕн* - стп.-монг. *ekin*, х.-монг. *эх*, бур. *эхин* «начало». В конце калмыцких слов этот согласный не употребляется [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 27]. В языке дербетов Монголии тоже констатируется наличие смычного *к* как в мягкорядных, так и в твёрдорядных словах, например, *көвүүн* «парень», *көкĕ* «синий», *күкүүр* «кожаная фляга», *такаа* «курица», *такăгăр* «кривой, изогнутый».

Звонкий ртовый заднеязычный смычный согласный *г* в языке дербетов Калмыкии в мягкорядных словах употребляется без ограничения во всех позициях, например: *герĕл* «свет, освещение», *гергĕн* «жена», *гегəəн* «свет; освещение; заря, рассвет», *гидĕхĕ* «называться», *мөргĕн* «обух топора», *гиҗĭг* «затылок; коса, косичка», *гидĕг* «называемый», *керĕг* «дело». В твёрдорядных словах этот согласный обязателен в ауслауте, где он оглушается и фактически превращается в глухой *к*, хотя в угоду орфографии пишется *г*, например, *алăк (алг)* «пегий; полосатый», *амрăк (амрг)* «друг, приятель», *барăк (барг)* «сторожевой пёс», *шурăк (шург)* «гончая (*собака*)», *барăк-бӱрĕк (барг-бург)* «тёмный, сумеречный», *йовăк (йовг)* «пусть уходит», *учĭк (учг)* «обрывок нитки в иголке», *алхăдăк (алхдг)* «шагающий», *алдăршăксăн (алдршгсн)* «прославленный».Встречается в середине слова в виде звонкого варианта, например: *уга* «нет», *салшго* «неразлучный», *дарăгдăгчĭ* «подавленный; угнетаемый». В единичных случаях употребляется и в анлауте твёрдорядных собственно калмыцких слов: *гааг-гааг гихĕ* «кричать каркар», *гааглăхă* «каркать», *говăр* «губернатор», *горид* «угар», *гуг-гуг гихĕ* «ворковать». В языке дербетов Монголии встречается в начале и середине мягкорядных слов, в ауслауте любых слов оглушается до *к*, как и в калмыцком языке, например, *гер* «юрта», *гесĕн* «живот», *геегдсĕн* «потерянный», *гүргүүл* «ящерица», *гүбдүүр* «пест, колотушка», *гилĭс гехĕ* «сверкнуть», *керĕг (керĕк)* «дело», *хундӱг (хундӱк)* «приклад ружья».

Согласный **g* был представлен в любой позиции в мягкорядных словах древнего монгольского языка и неплохо сохранился в языке дербетов в виде того же звонкого *г* [Рассадин 1982, с. 103-107], например, др.-монг. *ger* -

общедерб. *гер*, х.-монг. *гэр*, бур. *гэр* «юрта»; др.-монг. *üge* - общедерб. *үгә*, х.-монг. *үг*, бур. *үгэ* «слово»; др.-монг. *kereg* - общедерб. *керәг (керәк)*, х.-монг. *хэрэг*, бур. *хэрэг* «дело».

Звонкий носовой заднеязычный смычный согласный *ң* в языке дербетов Калмыкии употребляется в мягкорядных словах, однако произносится как увулярный согласный, если стоит в позиции перед увулярными согласными в середине твёрдорядных слов. В анлаутной позиции *ң* никогда не встречается, он обычен только в середине и конце слов. В позиции ауслаута он всегда произносится, как и согласный *г*, только в заднеязычном варианте, независимо от того, стоит ли он в мягкорядном или твёрдорядном слове. Примеры: *теңәс* «море», *теңцә* «равновесие», *бәәшәң* «дворец», *җиң* «холод», *хоңхә* «колокол, колокольчик; звонок», *аң* «трещина, щель», *аңнăхă* «охотиться», *аңгъучĭ* «охотник», *аңхăн* «начальный». В языке дербетов Монголии этот согласный тоже употребляется только в середине и конце слова. В середине слова стоит перед согласными *г, гъ, к, кх, х, г*. Примеры: *саң* «казна», *цеңнәкхә* «оберегаться», *аңгĭс* «жнивьё», *аңгуун* «спокойный, тихий», *аңхăрхă* «обращать внимание», *туңкхуу* «чайник».

В составе консонантизма древнего монгольского языка находилась фонема **ŋ (ң)*, употреблявшаяся в середине и конце слова [Рассадин 1982, с. 107-110] и сохранившаяся в языке дербетов как Калмыкии, так и Монголии в общем в этих же словах, например, др.-монг. *ang (аŋ)* - общедерб. *аң*, х.-монг. *ан(г)*, бур. *ан(г)* «зверь»; др.-монг. *angnaqu* - общедерб. *аңнăхă*, х.-монг. *агнах*, бур. *агнаха* «охотиться»; др.-монг. *čingnaqu* - общедерб. *чиңнăхă*, х.-монг. *чагнах*, бур. *шагнаха* «слушать»; др.-монг. *engkerikü* - дерб.К. *эңкәрхә*, дерб.М. *эңкәркхә*, х.-монг. *энхрэх*, бур. *энхэрхэ* «относиться с любовью».

Увулярные согласные производятся смычкой или щелью, образуемой задней частью спинки языка и маленьким язычком, находящимся в гортани, называемым *увула (Uvula)*. В языке дербетов Калмыкии, как и вообще в калмыцком языке, имеется два увулярных согласных - *х* (в фонетической транскрипции обозначаемый знаком *χ*) и *гъ* (смычный вариант) и *г* (щелевой вариант) одной фонемы, в калмыцкой орфографии не совсем корректно обозначаемой буквой *h (аш)*.

Глухой ртовый увулярный щелевой согласный *х* употребляется в языке дербетов Калмыкии в позиции анлаута и инлаута твёрдорядных слов, например: *харӑ* «чёрный», *хальтӑрхаа* «скользкий // скользко», *хамӑр* «нос», *хавӑр* «весна», *холӑ* «далёкий // далеко», *холваа* «связь», *хурцхӑн* «довольно острый», *алхӑм* «шаг», *архаахӑ* «громоздиться», *ахӑлхӑ* «начальствовать». Кроме того, увулярный *х* встречается в начале и середине мягкорядных слов, например: *әрлхӗ* «уходить, удаляться», *бәәхӗ* «быть, находиться», *ирхӗ* «приходить», *медхӗ* «знать, ведать», *хәәлхӗ* «плавить, расплавлять, растапливать; таять, оттаивать», *хәәхӗ* «искать, разыскивать», *хәәцхәәхӗ* «разыскивать (*о многих*)», *хөөн* «овца», *хөөнӗ* «после, после того», *хөрӗн* «двадцать», *хөвәәрлхӗ* «распределять», *хөвӗ* «часть, доля, пай». Как можно видеть из примеров, щелевой согласный *х* употребляется вопреки ожиданиям в мягкорядных словах, поскольку есть правило сохранения здесь смычного *к*, которое неукоснительно соблюдается. Но только причастие будущего времени использует щелевой *х* со всеми глаголами, даже мягкорядными. В языке дербетов Монголии причастие будущего времени зачастую использует с мягкорядными глаголами звук *кх*, который появляется и в ряде других случаев, как это видно на примере слов *туңкхуу* «чайник», *кишкхӗ* «делать» (ср. дерб.К. *кеехӗ* id.), хотя в то же время есть случаи и сохранения этого причастия со смычным *к*, например, *кевлӗкӗ* «печатать» (ср. дерб.К. *кевлхӗ* id.). Появление щелевого *х* в мягкорядных словах в других случаях объяснимо тем, что эти слова первоначально были твёрдорядными и в них древний смычный *к (q)* закономерно перешёл в щелевой *х*, а затем, если в слове был гласный **i*, всё слово подвергалось опереднению и переходило в мягкий ряд, например, общедерб. *хөрӣн* «двадцать» < др.-монг. *qorin* id., общедерб. *хөөн* «овца» < др.-монг. *qonin* id. В целом же картина употребления щелевого *х* одинакова как в языке дербетов Калмыкии, так и Монголии.

На определённом этапе развития монгольских языков, в том числе и языка дербетов как Калмыкии, так и Монголии, древнемонгольская смычная фонема **q*, стоявшая в твёрдорядных словах, перешла в щелевой глухой *х*, что наблюдается ещё, например, в языках халха-монголов и бурят: др.-монг. *qorin* - общедерб. *хөрӣн*, х.-монг. *хорь // хорин*, бур. *хорин* «два-

дцать»; др.-монг. *qadququ* - общедерб. *хатхăхă*, х.-монг. *хатгах*, бур. *хадхаха* «колоть, пронзать».

Звонкий ртовый увулярный согласный, обозначенный в калмыцкой орфографии как *h*, в языке дербетов Калмыкии реализуется в двух вариантах – смычном *гъ* и щелевом *г*. П.Ц. Биткеев верно определяет: «Ф о н е м а *Г* - увулярный слабый смычный ротовой звук. … Согласный *Г* имеет ограниченное позиционное употребление. Встречается в начале и в середине слов твёрдого ряда после увулярного оттенка носовой фонемы *ң*, а в мягкорядных словах - в начальной позиции перед гласными *ə, əə*, например: *Гал* (огонь), *шаңГъ* (ковш), *моңГъл* (монгол), *Гəрə* - собственное имя» [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 30]. Орфографически это выглядит следующим образом: *hал* «огонь», *шаңh* «ковш», *моңhл* «монгол», *hərə* - собственное имя. Относительно щелевого варианта П.Ц. Биткеев пишет: «Ф о н е м а г - увулярный сверхслабый щелевой серединный ротовой звук. … Встречается только в середине слова: *аа*гъ (чашка), *цаган* (белый), *тəəген* (собака)» [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 34]. Орфографически это обозначается так: *аah [аahъ]* «чашка», *цahан* «белый», *тəəhн [тəəhен]* «охотничья собака». Этот щелевой увулярный согласный встречается и в середине мягкорядных слов в интервокальной позиции, например: *зеehин* - родительный падеж слова *зе* «внук; племянник». Выше мы уже говорили, что в современной калмыцкой орфографии для передачи звуков твёрдорядного смычного *гъ* и твёрдорядного щелевого *г* (ғ) не совсем удачно принята буква *h (латинская аш)*, что приводит к искажению произношения. В языке дербетов Калмыкии слово, например, «рука» звучит не *hар*, а *гъар*, «выводить наружу» не *hарhх*, а *гъаргъăхă*, то есть в начале слова и в середине слова перед гласной после некоторых согласных эта фонема реализуется в смычном варианте. В положении же между гласными и в середине слова после некоторых согласных она звучит в щелевом варианте, то есть как *бағă* «малый», *догăлхă* «хромать», *балғă* «глоток» и т. п. Эти же звуки и в том же употреблении представлены и в языке дербетов Монголии, о чём свидетельствует Э. Вандуй [1965, с. 77, 79], обозначая смычный вариант этой увулярной фонемы как г (напр., ғасăн «кол», ғуур «предплечье»), а щелевой вариант как ғ (напр., бағăлцăг «предплечье», хаалғă «дорога»).

Эта фонема языка дербетов Калмыкии и Монголии в твёрдорядных словах восходит к древнемонгольской фонеме *ɣ, которая частично сохраняется, а частично исчезает. На месте её исчезновения в долготном комплексе (гласный + согласный *ɣ~*g + гласный) образовалась вторичная долгая гласная [Рассадин 1982, с. 151-153], например, др.-монг. *ayula* > общедерб. *уулӑ*, х.-монг. *уул*, бур. *уула* «гора»; др.-монг. *sayulɣaqu* - общедерб. *суулгъӑхӑ*, х.-монг. *суулгах*, бур. *һуулгаха* «посадить». Примеры сохранения древней фонемы *ɣ: др.-монг. *ɣal* - общедерб. *гъал*, х.-монг. *гал*, бур. *гал* «огонь»; др.-монг. *ɣaqai* - дерб.К. *гъахәә*, дерб.М. *гъахаа*, х.-монг. *гахай*, бур. *гахай* «свинья»; др.-монг. *arɣa* - общедерб. *арґӑ*, х.-монг. *арга*, бур. *арга* «способ; хитрость».

Проведённый сравнительный анализ систем консонантизма языков дербетов Калмыкии и Монголии не выявил существенной разницы между ними. Они в основном сохраняют общемонгольский (в пределах северо-западной группы монгольских языков) характер консонантизма. При этом спецификой ойратского ареала, в который входит язык дербетов как Калмыкии, так и Монголии, является сохранение смычного характера древней фонемы *k в мягкорядных словах и произнесение щелевого увулярного *х* в твёрдорядных, наличие четырёх аффрикат - *ч, дж, ц, дз,* - развившихся на месте двух древних *ч и *дж, в языке дербетов Монголии, что сближает его с языком халха-монголов, при этом для дербетов Монголии характерно смешанное произношение аффрицированного *дз* и щелевого *з*. В языке дербетов Калмыкии полностью отсутствует аффриката *дз* и во всех словах бытует только щелевой *з*. Появление аффрикаты *дз*, особенно в анлауте многих слов рассматривается как халхаское влияние. Для ойратского ареала, в том числе и для дербетов Калмыкии и Монголии, характерно также произнесение чисто переднеязычного *н* в ауслауте большинства слов, как это было характерно для древнего монгольского языка и что отличает от них халха-монгольский и бурятский язык, в которых каждый конечный *н* звучит как *ң*, то есть, например, др.-монг. *on* - общедерб. *он*, общеойрат. *он*, х.-монг. *он (оң)*, бур. *он (оң)* «год»; др.-монг. *modun* - дерб.К. *модӑн*, дерб.М. *модӑн~модӧн*, х.-монг. *мод // модон (модӧң)*, бур. *модон (модӧң)* «дерево; деревянный».

1.3. Сравнительное исследование звукового строя языка дербетов России и Монголии

Калмыцкий язык, его грамматика, как известно, изучается уже давно, начиная с середины XIX века, достаточно вспомнить труды А. Бобровникова [1849] и А. Попова [1847]. Все последующие годы он также не оставался без внимания исследователей, о чём свидетельствуют, к примеру, исследования грамматического строя калмыцкого языка В.Л. Котвича [1929], Г.Д. Санжеева [1940], У.У. Очирова [1964], Б.Б. Бадмаева [1966], а также труды последнего времени – академическая «Грамматика калмыцкого языка» [1983], «Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка» [2002; 2008] и ряд других. Изучены фонетика, лексика и синтаксис. Менее всего в этом плане повезло калмыцкой диалектологии, по которой почти нет работ, где бы получили своё полное описание калмыцкие говоры. Здесь можно назвать лишь несколько крупных исследований, таких как работу А.Ш. Кичикова «Дербетский говор» [1963], монографии Н.Н. Убушаева, посвящённые торгутскому говору [1979] и диалектной системе калмыцкого языка вообще [2006]. Проблеме же изучения калмыцкого языка и его говоров в сравнительном аспекте с языком ойратов и ойратскими говорами Монголии почти не уделялось внимания монголистов. Здесь можно назвать лишь совместное исследование российских и монгольских учёных, посвящённое историческим связям калмыцкого языка с языком ойратов Монголии [2010]. Конкретные же говоры калмыцкого языка в данном аспекте вообще не изучались.

Ниже мы делаем попытку осуществить сравнительное изучение пока только фонетики языка дербетов Калмыкии с фонетикой языка дербетов Монголии. При исследовании мы опирались на упомянутую выше работу А.Ш. Кичикова и собственные наблюдения над говором дербетов Калмыкии. Материал по говору дербетов Монголии взят из работ Э. Вандуя [1965] и Ж. Цолоо [1988].

Сравнительное исследование фонетики дербетского говора, одного из основных говоров калмыцкого языка наряду с торгутским и бузавским говорами [Убушаев 2006, с. 5-6], со звуковым строем языка дербетов Мон-

голии, составлявших с дербетами России некогда (несколько сот лет тому назад) единый народ в составе Джунгарского ханства в Центральной Азии, позволило получить следующие результаты.

Прежде всего следует отметить, что сравнение общего состояния звукового строя дербетского говора со звуковым строем языка дербетов Монголии показало, что между ними не выявилось принципиальной разницы. Их звуковой строй в своих основных классификационных чертах сходен и позволяет объединить язык дербетов России и язык дербетов Монголии в единый язык, входящий в самостоятельный ойратский ареал монгольских языков, сформировавшийся, по всей вероятности, со своими специфическими чертами еще в глубокой древности. В ходе формирования ойратского ареала в звуковом строе языков ойратских племен, в том числе и дербетов, одних из предков калмыков, происходили единые эволюционные процессы, в результате действия которых, современные калмыцкий язык и ойратские говоры Монголии, несмотря на то, что их носители в течение более четырехсот лет разделены многотысячным пространством, сохраняют сходные фонетические черты.

Характерные специфические признаки звукового строя ойратского ареала явственнее всего проявляются при сравнении ойратской фонетики с фонетикой соседствующего халха-монгольского языка, ибо в их основе лежит звуковой строй одного и того же монгольского праязыка, из которого они развились.

В области вокализма сравнение выявило следующую картину эволюции гласных фонем. Современная система вокализма как языков ойратского ареала, так и халха-монгольского включает три группы гласных фонем: группу кратких гласных, долгих гласных и дифтонгов.

По своим характерным признакам краткие гласные четко делятся на краткие гласные, употребляющиеся только в первом слоге, и на гласные, используемые в последующих слогах. У этих двух групп кратких гласных разные акустические признаки. Современные краткие гласные первого слога являются гласными полного образования и имеют чётко выраженные акустические классификационные признаки: постоянную длительность, устойчивую тембровую окраску, и определяются как передне- и заднеязычные по месту образования.

В языках калмыцких дербетов, дербетов Монголии и халха-монголов краткие гласные первых слогов произносятся одинаково чётко и с полной артикуляцией. Дербеты Калмыкии употребляют следующие краткие гласные: три твёрдорядных – «*а*», «*о*», «*у*»; пять мягкорядных – «*э(е)*», «*ə*», «*ө*», «*ү*», «*и*». В системе вокализма говора дербетов Монголии в принципе представлена та же система кратких гласных первого слога, что и вышеупомянутая калмыцкая система.

Процесс становления системы кратких гласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии происходил следующим образом: четыре древнемонгольских твёрдорядных кратких гласных **а (а), *о (о), *у (и), *ы (ї)* частично сохранились, частично трансформировались.

При этом гласный **а (а)* продолжает оставаться в первом слоге многих твёрдорядных слов как общедербетского, так и халхаского языков в словах типа дерб. *арвăн*, х.-монг. *арав // арван* (< др.-монг. **arban*) «десять»; дерб. *амăн*, х.-монг. *ам // аман* (< др.-монг. **aman*) «рот, уста»; дерб. *байĭн*, х.-монг. *баян* (< др.-монг. **bayan*) «богатый». Гласный *а* в первом слоге в некоторых случаях появляется вместо **ї* в результате действия раннего перелома гласного **ї*. Например, дерб. *махăн*, х.-монг. *мах // махан* (< др.-монг. **mïqan*) «мясо» (> стп.-монг. *miqan* > бур. *мяхан* id.); дерб. *ямаан*, х.-монг. *ямаа // ямаан* (< др.-монг. **yïmaγan* «коза» < др.-тюрк. *jïmγa* «самка дикого горного козла»~*ïmγa* «коза»), ср. стп.-монг. *imaγan* > бур. *нимаан~ямаан* «коза».

Твёрдорядный краткий гласный **о (о)* либо продолжает сохраняться от состояния древнего монгольского языка, например, дерб. *долаан*, х.-монг. *долоо(н)* (< др.-монг. **doluγan*) «семь»; дерб.К. *йосăн*, дерб.М. *йосўн*, х.-монг. *ёс // ёсон* (< др.-монг. **yosun*) «обычай, традиция»; дерб. *олăн*, х.-монг. *олон* (< др.-монг. **olan*) «много», либо развился в результате перелома гласного **ї ~ *і*, например, дерб. *ӂолаа*, х.-монг. *жолоо* (< др.-монг. **ǯiluγa*) «поводья»; дерб. *ӂораа*, х.-монг. *жороо* (< др.-монг. **ǯiruγa*) «иноходец»; дерб. *чонă*, х.-монг. *чоно* (< др.-монг. **čïnua*) «волк». Особенностью языка дербетов Калмыкии является своеобразное оканье, когда в говоре во многих словах, главным образом перед согласными *м* и *в*, произносят в первом слоге *о* вместо *у*, например, дерб.К. *совсăн* «жемчуг»,

дерб.М. *сувсӱн* «бусы» (< др.-монг. *subsun* «жемчуг»); дерб.К. *горвӑн*, дерб.М. *гурвӱн* (< др.-монг. *yurban*) «три».

Краткий твёрдорядный **у (и)* аналогичным образом либо сохраняется от состояния древнемонгольского языка, например, дерб. *улаан*, х.-монг. *улаан* (< др.-монг. **ulayan*) «красный»; дерб.К. *усӑн*, дерб.М. *усӱн*, х.-монг. *ус // усан* (< др.-монг. **usun*) «вода», либо развился из **ӣ ~ *і* в результате процесса перелома, например, дерб.К. *удгӑн*, дерб.М. *удгӱн*, х.-монг. *удаган* (< др.-монг. **ïduyan*) «шаманка» (< др.-тюрк. *ïduq* «священный, святой»); дерб. *утхӑ*, х.-монг. *хутга* (< др.-монг. **qïtuya*) «нож»; дерб.К. *цусӑн*, дерб.М. *цусӱн*, х.-монг. *цус // цусан* (< др.-монг. **čisun*) «кровь»; дерб.К. *нургӑн*, дерб.М. *нургӱн*, х.-монг. *нуруу* (< др.-монг. **nïruyun*) «спина» (> стп.-м. *niruyun* > бур. *нюрган* id.).

Краткий гласный **ы (ï)* твёрдого ряда в первом слоге современных калмыцкого, ойратского и монгольского языков не сохранился, перейдя либо в другие твёрдорядные гласные в результате перелома, либо перешёл в мягкий переднеязычный *і*, что часто наблюдается в калмыцком и ойратском языках. Твёрдорядные слова часто при этом переходят в мягкорядные. Примеры: дерб. *җиргӑл*, х.-монг. *жаргал* (< др.-монг. **ǯiryal*) «счастье»; дерб. *чинӑр*, х.-монг. *чанар* (< др.-монг. **činar* < ***tïnar*) «качество»; дерб.К. *килгӑсӑн*, дерб.М. *килгӑсӱн*, х.-монг. *хялгас* (< стп.-м. *kilyasun* < др.-монг. **qïlyasun*) «конский волос» (< др.-тюрк. *qïl* id.).

В мягкорядных словах в языках дербетов Калмыкии и Монголии используются краткие гласные **э (е), *ә (ӓ), *ө (ӧ), *ү (ӱ), *и (і)*. Как и гласные твёрдого ряда, приведённые мягкорядные гласные произносятся с полной артикуляцией и достаточно чётко лишь в первом слоге. В других слогах они используются лишь в аффиксальных морфемах, например, *бичӣг* «письмо» – *бичгиин* «письменный», *әмӣн* «жизнь» – *әмнәә* «жизненный». Кроме того, эти краткие гласные мягкого ряда в калмыцкой орфографии используются для обозначения соответствующих мягкорядных долгих гласных в любом слоге, поскольку долгие гласные в калмыцком литературном письменном языке в отличие от дербетских говоров и халха-монгольского языка могут сокращаться до состояния кратких гласных полного образования, например, калм.-лит. *сән* – дерб. *сәән*, х.-монг. *сайн* «хороший» (< стп.-монг. *sayin* id.);

калм.-лит. *өрүн* - дерб. *өрүүн* «утро»; калм.-лит. *темән* – дерб. *темәән*, х.-монг. *тэмээ(н)* «верблюд» (< стп.-монг. *temegen* id.).

Процесс формирования системы кратких мягкорядных гласных общедербетского языка происходил следующим образом: **э (е)* прежде всего наследует древнемонгольскую фонему **е* первого слога, например, дерб. *энĕ*, х.-монг. *энэ* (< др.-монг. **ene*) «этот»; дерб. *эмәәл*, х.-монг. *эмээл* (< др.-монг. **emegel*) «седло»; дерб. *текĕ*, х.-монг. *тэх* (< др.-монг. **teke*) «козёл». В единичных случаях начальный гласный *е* развился из древнемонгольского гласного **i*, например, дерб. *негĕн*, х.-монг. *нэг // нэгэн* (< др.-монг. **nigen*) «один».

Относительно появления гласного *«ə»* в системе мягкорядных гласных языков ойратского ареала, в том числе и в языке дербетов, следует отметить, что этого гласного не было в древнемонгольском языке, а развился он лишь в ойратском ареале на месте твёрдорядного гласного **а* под влиянием гласного **i<*ï* второго слога древнемонгольских слов вследствие действия ассимилятивных процессов. Древние монгольские соответствующие слова при этом переходили в разряд мягкорядных слов. Наличие гласного «*ə*» является спецификой системы гласных языков ойратского ареала, например, дерб. *бәрхĕ*, х.-монг. *барих* «схватить, поймать» (< стп.-монг. *bariqu* id.); дерб. *хәрхĕ*, х.-монг. *харих* «возвращаться домой» (< стп.-монг. *qariqu* id.).

Гласный **ө (ö)* обычно сохраняется от древнемонгольского состояния, например, дерб. *өндĕр*, х.-монг. *өндөр* (< др.-монг. **öndür*) «высокий»; дерб. *көл*, х.-монг. *хөл* (< др.-монг. **köl*) «ноги»; дерб. *мөсĕн*, х.-монг. *мөс // мөсөн* (< др.-монг. **mölsün*) «лёд». В ряде случаев калмыцкие и ойратские «*ө*» в первом слоге развились из древнемонгольских гласных **е* и **i* под влиянием процессов ассимиляции, например, дерб. *өдĕр*, х.-монг. *өдөр* (< др.-монг. **edür*) «день»; дерб. *өвсĕн*, х.-монг. *өвс // өвсөн* (< др.-монг. **ebüsün*) «трава»; дерб. *шөлĕн*, х.-монг. *шөл // шөлөн* (< др.-монг. **šilün* < *** silün*) «бульон». В то же время отмечается закономерность перехода твёрдорядного «*о*» первого слога под влиянием гласного «*и (i)*» второго слога в мягкорядный гласный «*ө*», что повлекло за собой превращение твёрдорядного слова в мягкорядное, например, ср.-монг. **morin* > х.-монг. *морь //*

морин – дерб. *мөрĭн* «лошадь, конь»; ср.-монг. **qorin* > х.-монг. *хорь // хорин* – дерб. *хөрĭн* «двадцать»; ср.-монг. **qoyina* > х.-монг. *хойно* – дерб. *хөөнă* «после»; ср.-монг. **qonin* > х.-монг. *хонь // хонин* – дерб.К. *хөөн*, дерб.М.. *хөөн, хөө, хөй, хөэн* «овца». В языке дербетов, причём как в Калмыкии, так и в Монголии, наблюдается употребление *ө* вместо *ү* перед согласными *м* и *в*, например, дерб.К. *хөвĕ*, дерб.М. *хөб~хүб~хүв*, х.-монг. *хувь* (ср. стп.-монг. *qubi*) «судьба, доля»; дерб. *хөмхĕ*, х.-монг. *хумих* (ср. стп.-монг. *qumiqu*) «собрать, сложить».

Начальный гласный **ү (ü)* языков ойратского ареала, как и в халха-монгольском языке, обычно наследует в этой позиции древний монгольский гласный **ü*, например, дерб. *күрхĕ*, х.-монг. *хүрэх* (< др.-монг. **kürekü*) «достигать»; дерб. *күсĕл*, х.-монг. *хүсэл* (< др.-монг. **küsel*) «желание»; дерб. *үсĕн*, х.-монг. *сүү // сүүн* (< др-монг. **üsün*) «молоко». В ряде случаев начальный гласный *«ү»* в языке дербетов развился на месте гласных **е* и **i* первого слога древнемонгольского языка в результате действия процессов ассимиляции, например, дерб.К. *өвĕл*, дерб.М. *увĕл*, х.-монг. *өвөл* (< др.-монг. **ebül*) «зима»; дерб. *нүдĕн*, х.-монг. *нүд // нүдэн* (< др.-монг. **nidün*) «глаз, глаза»; дерб. *үлүү*, х.-монг. *илүү* (< др.-монг. **ilegü*) «излишек, избыток»; дерб. *бүрүү*, х.-монг. *бяруу* (< стп.-монг. *birayu* < др.-монг. **bïrayu*) «телёнок двух лет».

Гласный *«u(i)»* языка дербетов в мягкорядных словах наследует древнемонгольский гласный **i*, например, дерб. *бичкĕн*, х.-монг. *бяцхан* (< др-монг. **bičiqan*) «маленький»; дерб. *җиҗĭг*, х.-монг. *жижиг* (< др.-монг. **ǯiǯig*) «мелкий»; дерб. *ичхĕ*, х.-монг. *ичих* (< др.-монг. **ičikü*) «стыдиться». Кроме того, *«и»* появляется в твёрдорядных словах языка дербетов на месте древнемонгольского **ï*, о чем было сказано выше.

Краткие гласные непервых слогов являются гласными неполного образования, имеют нечёткую артикуляцию, неустойчивую длительность и определяются как неясные гласные, способные к полной редукции. По своим артикуляционным признакам они скорее относятся к гласным смешанного образования и произносятся в твёрдорядных словах как звуки, колеблющиеся между фонемами [а] и [ы], в мягкорядных словах – как звуки средние между фонемами [э] и [и], обозначаемые нами как «ă» и «ĕ», часто сохраняется

также и [и] в виде «ĭ» там, где в старомонгольском языке было «*i*», например, *мөрĭн* (< *morin*) «лошадь». Наблюдения над реальным произношением гласных разных слогов дербетских и халха-монгольских слов показали, что в халха-монгольском языке неясные гласные вторых и следующих слогов имеют в общих чертах сходную артикуляцию, что и в языке дербетов Калмыкии и Монголии. Разница состоит в том, что в халхаском языке эти гласные подвергаются меньшей редукции, что поддерживается их орфографическим оформлением, причем с сохранением огубленных «о» и «ө» под влиянием халхаского губного сингармонизма (напр. *явсан* «ушел», *ирсэн* «пришел», *болсон* «был», *өгсөн* «дал»). В языке дербетов Калмыкии краткие неясные гласные обычно значительно сокращаются, что часто приводит их к полному исчезновению. Это дало основание калмыкам полностью отказаться от их обозначения на письме (напр. *йовсн* «ушел», *ирсн* «пришел», *болсн* «был», *өгсн* «дал»). В дербетских говорах Монголии, которые, кстати, не имеют своей письменной формы, в отношении этих гласных наблюдается картина средняя между калмыцким и халха-монгольским языками. В речи эти гласные, хотя и кратко, но произносятся, видимо под влиянием халхаского языка, их редукция не столь явно выражена, как в калмыцком языке. Так, монгольские учёные обозначают данные гласные знаком « ˘ », который они ставят над буквой второго, третьего и т.д. слога, где они встречаются согласно гармонии гласных, например, *altăn* «золото; золотой», *okă, okŏ, okăn, okŭn* «дочь», *anĭsxă* «веки», *kemkĕdĕk* «злой, кусачий (о собаке)», *möŋgŭn* «серебро; серебряный», *axlātšĭ* «старшина, глава» и т.п.

В системе вокализма современных дербетских говоров как Калмыкии, так и Монголии, а также халха-монгольского языка, представлены долгие гласные, причем все они вторичные, образовавшиеся на месте двоеслогов в результате выпадения интервокальных согласных и слияния двух соседних гласных. Характер долготы при этом определяется по второму гласному двоеслога. Процесс образования долгих гласных происходил по типичной модели, что можно наглядно проиллюстрировать примером: др.-монг. **aγúla* > **a'ūla* > **o'ūla* > **u'ūla* > современные дерб.К. *уулă*, дерб.М. *уул*, х.-монг. *уул* «гора». Образование долгих гласных на месте преобразования двоеслогов прослеживается во всех современных монгольских языках.

В дербетских говорах Калмыкии и Монголии имеется три долгих твёрдорядных гласных *«аа», «оо», «уу»* и пять мягкорядных – *«ээ (ее)», «әә», «өө», «үү», «ии».*

Наблюдение над эволюцией конкретных долготных комплексов с согласными *–y-* и *-g-* в инлаутной позиции позволило получить здесь следующую картину:

*-ayа- > -аа- (др.-монг. **bayatur* > дерб. *баатăр* «богатырь, герой»; др.-монг. **ulayan* > дерб. *улаан* «красный»);

*-ayu- > -уу- (др.-монг. **bayuqu* > дерб. *буухă* «слезать»; др.-монг. **mayu* > дерб. *муу* «плохой»);

*-uyа- > -аа- (др.-монг. **doluyan* > дерб. *долаан* «семь»; др.-монг. **ǯiruya* > дерб. *ӂораа* «иноходь; иноходец»);

*-ӣya- > -iya- > -аа- (др.-монг. **nӣyaqu* > дерб. *наах* «приклеивать»; стп.-м. *ǯiyaqu* > дерб. *заахă* «указывать»);

*-oya-> -оо- (др.-монг. **toya* > дерб. *тоо* «число»; др.-монг. **toya-bar* > дерб. *тоогаар* «числом»);

*-uyu- > -уу- (др.-монг. **buyura* > дерб. *буурă* «верблюд-самец»; др.-монг. **tuyurya* > дерб. *туурhă* «войлочная стена юрты»; др.-монг. **quyur* > дерб. *хуур* «смычный музыкальный инструмент»);

*-ӣyu- > -iyu- > -уу-, -үү- (др.-монг. **nӣyuqu* > дерб. *нуухă* «утаивать»; стп.-м. *qariyu* > дерб. *хăрүү* «ответ»);

*-ege > -ээ-, -ее-, -әә- (др.-монг. **emegel* > дерб. *эмәәл* «седло»; др.-монг. **egemeg* > дерб. *ээмĕг* «серьги в виде большого кольца»; др.-монг. **deger-e* > дерб. *деерĕ* «наверху»);

*-egü- > -үү- (др.-монг. **egülen* > дерб. *үүлĕн* «облако»; др.-монг. **degü* > дерб. *дүү* «младший брат, сестра»);

*-ige- > -ээ-, -ее- (др.-монг. **šigekü* > дерб. *шеехĕ* «мочиться»; др.-монг. **ǯige* > дерб. *зее* «племянник; внук по дочери»);

*-igi- > -ии- (др.-монг. **čigig* > дерб. *чиг* «сырость, влага; роса»; др.-монг. **čigigtei* > дерб. *чигтәә* «сырой, влажный»);

*-igü- > -үү- (др.-монг. **serigün* > дерб. *серүүн* «прохладный»; др.-монг. **terigün* > дерб. *түрүүн* «головной, передовой»);

*-ügü- > -үү- (др.-монг. **kü ǯügün* > дерб. *күзүүн* «шея»; др.-млнг. **ügürmeg* > дерб. *үүрмĕг* «мелкий»);

*-üge- > -әә- (др.-монг. **čilüge* > дерб. *чөлөөн* «свобода»; др.-монг. **örlüge* > дерб. *өрлөө* «утро»);

*-öge- > -өө- (др.-монг. **töge* > дерб. *төө* «пядь»; др.-монг. **ǯögekü* > дерб. *зөөхĕ* «перевозить»; др.-монг. **ǯögelen* > дерб. *җөөлĕн* «мягкий»);

*-aβ > au- > -уу- (др.-монг. **taβlai* > стп.-м. *taulai* > дерб.К. *туулаа*, дерб.М.. *туулаа* «заяц»; др.-монг. **aβγan* > стп.-м. *auγan* > дерб. *уугăн* «первенец»);

*-eβ > eü- > -үү- (др.-монг. **teβke* > стп.-м. *teüke* «история» > дерб. *түүкĕ* «повесть, сказание»; др.-монг. **keβken* > стп.-м. *keüken* > дерб. *күүкĕн* «девушка, девочка»);

*-oβ > ou- > -уу- (др.-монг. **čoβqur* > стп.-м. *čouqur* > дерб. *цоохăр* «пестрый»; др.-монг. **qoβ* > стп.-м. *qou* > дерб. *хуу* «весь, всё»).

Долготные комплексы, в которых в интервокальном положении вместо увулярного –γ- и заднеязычного –g- в истории древнемонгольского языка находился среднеязычный щелевой -у- (-й-), также подвергались в процессе эволюции звукового строя языков ойратского ареала трансформации за счет выпадения этого интервокального согласного. При этом, как было рассмотрено выше, после выпадения смычных согласных на месте долготного комплекса развивались долгие гласные, после выпадения же щелевого среднеязычного -у- (-й-) в разных монгольских языках развились гласные различного качества: как дифтонги, так и долгие монофтонги, причем дифтонги развились в основном в халха-монгольском, бурятском, дагурском и др. языках, кроме ойратских и западных бурятских говоров. В дербетских говорах и в западных бурятских говорах вместо дифтонгов появились долгие гласные, при этом как в позиции анлаута и инлаута, так и ауслаута [Рассадин 1982, с. 117].

Следует отметить, что развитие древнего двоеслога *-ayi- в истории монгольских языков дало разные результаты: в халха-монгольском языке и в языке восточных бурят в этой позиции развился твёрдорядный дифтонг -ай-, а в языке западных бурят и в дербетских говорах – соответственно

мягкорядный долгий гласный -әә-. Это хорошо прослеживается при сравнении соответствующих примеров: др.-монг. **ayinat* > х.-монг. *айна*, вост.-бур. *айна*, зап.-бур. *әәна*, дерб.К. *әәнәә*, дерб.М. *әәнә* «боится»; др.-монг. **ayil* > х.-монг. *айл*, вост.-бур. *айл*, зап.-бур. *әәл*, дерб. *әәл* «двор; хозяйство»; др.-монг. **tayilaqu* > х.-монг. *тайлах*, вост.-бур. *тайлаха*, зап.-бур. *тәәлха*, дерб. *тәәлхә* «развязывать, отвязывать, снимать одежду»; др.-монг. **bayinat* > х.-монг. *байна*, вост.-бур. *байна*, зап.-бур. *бәәна*, дерб.К. *бәәнәә*, дерб.М. *бәәнә* «имеется, есть»; др.-монг. **dayin* > х.-монг. *дайн*, вост.-бур. *дайн*, зап.-бур. *дәән*, дерб. *дәән* «война».

Комплекс *-oyi- дает либо твёрдорядный дифтонг –ой- в халха-монгольском языке и в восточнобурятских говорах, либо долгий мягкорядный -өө- в западнобурятских и в дербетских говорах, например, др.-монг. **oyira* > х.-монг. *ойр*, вост.-бур. *ойро*, зап.-бур. *өөра*, дерб. *өөрә* «близко, поблизости»; др.-монг.**noyir* > х.-монг., *нойр*, вост.-бур. *нойр*, зап.-бур. *нөөр*, дерб. *нөөр* «сон», др.-монг. **qoyina* > х.-монг. *хойно*, вост.-бур. *хойно*, зап.-бур. *хөөна*, дерб. *хөөнә* «после».

Комплекс *-uyi- в халха-монгольском языке и восточнобурятских говорах дает дифтонг –уй-, в западных бурятских говорах здесь развился долгий мягкорядный үү, в дербетских говорах – твердорядный уу, например, др.-монг. **uyilaqu* > х.-монг. *уйлах*, вост.-бур. *уйлаха*, зап.-бур. *үүлаха*, дерб. *уульхә* «плакать»; др.-монг. **uyidaqu* > х.-монг. *уйдах*, вост.-бур. *уйдаха*, зап.-бур. *үүдха*, дерб. *удьхә* «скучать, грустить».

Комплекс *-eyi- в халха-монгольском дал дифтонг –ий-, в бурятских говорах, как в восточных, так и западных, а также в дербетских говорах дал долгий –ии-, например, др.-монг. **deyilekü* > х.-монг. *дийлэх*, зап.-бур., вост.-бур. *дишлэхэ*, дерб. *дишлхә* «победить»; др.-монг. **eyimü* > х.-монг. *ийм*, вост.-бур., зап.-бур. *ишмэ*, жерб. *Ишмә* «такой».

Комплекс *-üyi- в халха-монгольском языке и в восточных бурятских говорах трансформировался в мягкорядный дифтонг –үй-, в западных бурятских говорах, и в языке дербетов – в долгий мягкорядный –үү-, например, др.-монг. **üyisün* > х.-монг. *үйс // үйсэн*, вост.-бур. *үйһэн*, зап.-бур. *үүһэн*, дерб. *үүсә́н* «кора березы»; др.-монг. **tüyimer* > х.-монг. *түймэр*, вост.-бур. *түймэр*, зап.-бур. *түүмэр*, дерб. *түүмә́р* «лесной пожар». В не-

которых случаях этот комплекс в дербетских говорах, как и в западных говорах бурятского языка, вместо долгого мягкого –үү- развился в долгий -ии-, например, др.-монг. **küyiten* > х.-монг., вост.-бур. *хүйтэн*, зап.-бур. *хиитэн*, дерб. *киитӗн* «холодный»; др.-монг. **küyisün* > х.-монг. *хүйс* // *хүйсэн*, вост.-бур. *хүйһэн*, зап.-бур. *хиихэн*, дерб. *киисӗн* «пупок»; др.-монг. **süyike* > х.-монг. *сүйх*, бур. *hиихэ*, дерб. *сиикӗ* «серьги».

Комплекс –iya-, зафиксированный как таковой в старописьменном монгольском языке, развился в современном монгольском языке и во всех бурятских говорах в долгий гласный -аа- с палатализацией предшествующего согласного, например, стп.-монг. *tariyan* > х.-монг. *тариа(н)*, бур. *таряан* «хлеб, зерно; урожай»; стп.-монг. *takiya* > х.-монг. *тахиа*, вост.-бур. *тахяа*, зап.-бур. *тахяа~тасяа* «курица». В языке же дербетов на месте этого комплекса развился долгий -әә-, например, дерб. *такәә* «курица», дерб. *тәрән* «хлеб, зерно; посев». Здесь прослеживается влияние гласного -i-, поскольку в этих словах наблюдается переход твёрдорядного слова в его мягкорядный вариант под действием гласного -i-, как это наблюдается и в словах без долготного комплекса, например, дерб. *бәрүүл* «рукоятка» (< стп.-монг. *bariγul* > х.-монг. *бариул*, бур. *барюул* id.).

Комплекс -iye-, зафиксированный как таковой в старописьменном монгольском языке, развился в современном монгольском языке и во всех бурятских говорах в долгий мягкорядный -ээ-, а в языке дербетов в долгий -әә-, например, стп.-монг. *küliyekü* > х.-монг. *хүлээх*, бур. *хүлеэхэ*, дерб. *күләәхӗ* «ждать, ожидать»; стп.-монг. *üniyen* > х.-монг. *үнээ(н)*, бур. *үнеэн*, дерб. *үнәән* «корова».

Дифтонги, стоящие в ауслауте монгольских древних слов хорошо сохранились в халха-монгольском языке и восточных бурятских говорах, но перешли в долгие гласные в языке дербетов и в западных бурятских говорах. При этом твёрдорядные дифтонги зачастую дают здесь долгие монофтонги согласно принятой гармонии гласных. В ойратском ареале вместо дифтонгов произносятся долгие широкие гласные, причём во многих случаях наблюдается в данном случае наряду с твёрдорядными долгими гласными также мягкорядные гласные, то есть либо *аа*, дибо *әә*. Примеры: др.-монг. **dalai* > х.-монг., вост.-бур. *далай*, зап.-бур. *далээ*, дерб.К. *даләә* //

дәлгә, дерб.М. *далаа* «океан»; др.-монг. **yaqai* > х.-монг., вост.-бур. *гахай*, зап.-бур. *гахээ*, дерб.К. *гахәә*, дерб.М. *гахаа* «свинья»; др.-монг. **delekei* > х.-монг. *дэлхий*, вост.-бур. *дэлхэй*, зап.-бур. *дэлхээ*, дерб. *делкәә* «вселенная»; др.-монг. **begelei* > х.-монг. *бээлий*, вост.-бур. *бээлэй*, зап.-бур. *бээлээ*, дерб. *беелә* «рукавицы»; др.-монг. **oi* > х.-монг., вост.-бур. *ой*, зап.-бур. *өө*, дерб. *өө* «лес»; др.-монг. **qïrγui* > стп.-монг. *kirγui* > дерб.К. *kurhγγ* «кобчик, перепелятник», ср. х.-монг. *хяргуй* id.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что в языке дербетов Калмыкии, как и у дербетов Монголии наблюдаются одни и те же процессы развития долготных комплексов и дифтонгов и превращение их в монофтонги, которые опередняются, если в словоформе присутствует гласный *i*.

В области консонантизма отличий в составе и артикуляции согласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии почти не выявилось. Среди них обнаруживается почти полное сходство. Нет принципиальных различий и между системами согласных общедербетского и халха-монгольского языков. единственным отличием здесь является употребление свистящего щелевого согласного *з* в языке дербетов Калмыкии вместо свистящей аффрикаты *дз* халха-монгольского языка и языка дербетов Монголии, развившейся из шипящей аффрикаты *ǯ* древнемонгольского языка, которая произносится в анлауте, видимо под влиянием халхаского языка, например, др.-монг. **ǯirγuγan* > х.-монг. *дзургаа(н)*, дерб.М. *дзургаан*, дерб.К. *зургаан* «шесть»; др.-монг. **ǯiγasun* > х.-монг. *дзагас*, дерб.М. *дзагӑсӑн~дзагӑс*, дерб.К. *загӑсӑн* «рыба». В позиции же инлаута у дербетов Монголии, как и у дербетов Калмыкии, в основном представлен щелевой *з*, например, др.-монг. **baǯa* > х.-монг. *бадз*, бур. *база*, дерб. *базӑ* «свояк»; др.-монг. *eǯen* > х.-монг. *эдзэн*, бур. *эзэн~эжин*, дерб. *эзӗн*. Появление аналогичного согласного *з* вместо *дз* характерно и для бурятского языка. Например, сравни соответствующие бурятские слова *зургаан* «шесть», *загаһан* «рыба», *база* «свояк».

Кроме того, система согласных в языке дербетских говоров отличается

от таковой халха-монгольского языка и тем, что в них, как и в древнемонгольском языке, сохраняется смычный глухой мягкорядный заднеязычный согласный *к*, который в халха-монгольском и бурятском языках превратился в мягкорядных словах в глухой щелевой согласный *х*, например, др.-монг. **köke* > х.-монг. *хөх*, бур. *хүхэ*, дерб. *көкĕ*; др.-монг. **keüken* > х.-монг., бур. *хүүхэн*, дерб. *кӱӱкĕн* «девочка, девушка».

В твёрдорядных словах смычный глухой увулярный древнемонгольский «q» во всех указанных современных монгольских языках перешел в глухой щелевой увулярный «*х*», например, др.-монг. **aqa* > х.-монг. *ах*, бур. *аха*, дерб.. *ахă* «старший брат»; др.-монг. **buqa* > х.-монг. *бух*, бур. *буха*, дерб. *бухă* «бык»; др.-монг. **čouqur* > х.-монг. *цоохор*, бур. *соохор*, дерб.К. *цоохăр*, дерб.М.. *цоохŏр* «пестрый». В языке дербетов в одном случае наблюдается отклонение в употреблении увулярного «х», выразившееся в том, что этот согласный употребляется и в мягкорядных словах, но только в форме причастия будущего времени, имеющего в древнемонгольском языке в мягкорядных словах форму **-kü*, в твёрдорядных словах **-qu*. При этом в языке дербетов, как в монгольском и бурятском языках, это причастие регулярно имеет согласный «х» как в твёрдорядной, так и в мягкорядной форме, например, стп.-монг. *irekü* - х.-монг. *ирэх*, бур. *ерэхэ*, дерб. *ирхĕ* «приходить»; стп.-монг. *yabuqu* - х.-монг. *явах*, бур. *ябаха*, дерб. *йовхă* «уходить».

Отдельные древнемонгольские согласные тоже претерпели в процессе развития звукового строя монгольских языков некоторые изменения. Так, смычный звонкий губной согласный **b (*б)* в языке дербетов, как и в халхаском, сохраняет свой смычный характер, как правило, лишь в анлауте. В середине слова между гласными и перед гласными, а также в конце слова он теряет смычность и превращается в щелевой звонкий *v (в)*. В бурятском языке древний согласный **b* сохраняется во всех позициях, например, др-.монг. **batayana* > х.-монг. *батгана*, бур. *батханаан*, дерб. *батгăнă* «муха»; др.-монг. **arban* > х.-монг. *арав // арван*, бур. *арбан*, дерб. *арвăн* «десять»; др.-монг. **qob* > х.-монг. *хов*, бур. *хоб*, дерб. *хов* «сплетня».

В древнем монгольском языке в системе консонантизма были представлены лишь две аффрикаты: глухая шипящая **č (ч)* и звонкая шипящая **ǯ*

(дж). В халха-монгольском языке в ряде слов на месте этих шипящих аффрикат появились четыре аффрикаты – *ч, ц, дж* и *дз*, в бурятском языке все эти четыре аффрикаты утратили смычку и превратились в обычные щелевые согласные *ш, ж, с, з*. Язык дербетов Калмыкии употребляет вместо двух древнемонгольских и четырех халха-монгольских аффрикат лишь три аффрикаты *ч, җ (дж)* и *ц*. Вместо четвёртой монгольской аффрикаты «*дз*» здесь используется обычный щелевой «*з*», о чем было сказано выше. Примеры: др.-монг. **ǯirγal* > х.-монг. *джаргал*, бур. *жаргал*, дерб. *җиргәл* «счастье»; др.-монг. **čaγaγan* > х.-монг. *цагаан*, бур. *сагаан*, дерб. *цагаан* «белый»; др.-монг. **činua* > х.-монг. *чоно*, бур. *шоно*, дерб. *чонӧ* «волк»; др.-монг. **ǯaqa* > х.-монг. *дзах*, бур. *заха*, дерб.К. *захӑ* дерб.М. *дзахӑ* «воротник». В то же время в дербетском говоре Монголии наблюдается употребление фонемы [*дз*], как уже говорилось, во всех случаях там, где язык дербетов Калмыкии использует щелевой согласный «з», например, дерб.М. *дзадӑ* - дерб.К. *задӑ* «ненастье, непогода» (ср. х.-монг. *дзад*, бур. *зада* < др.-монг. *ǯada* id.); дерб.М. *дзагәсән~дзагәс* - дерб.К. *загәсән* «рыба» (ср. х.-монг. *дзагас//дзагасан*, бур. *загаһан* < др.-монг. *ǯiγasun* id.).

Прочие древние монгольские согласные хорошо сохраняются как в халха-монгольском, так и в языке дербетов Калмыкии и Монголии. Здесь мы имеем те же губные «м», «б, «в», «п», «ф», переднеязычные «т», «д», «ш», «н», «л», «р», среднеязычный «й», заднеязычный «к», «г», «х», «ң», увулярные «х», «г», «ң»

Из явлений, связанных с историческим развитием древнего гласного **i(u)*, следует отметить то, что в языке дербетов Калмыкии и Монголии, как и в халха-монгольском и бурятском, в определенный период их исторического развития произошел так называемый перелом гласного **i (u)*, на месте которого под влиянием регрессивной ассимиляции образовался гласный звук другого качества, подобный гласному слога, следующего за этим **i (u)*. При этом следует особо отметить то, что общедербетский язык, как и халха-монгольский, претерпели перелом раннего типа еще на стадии, когда в твёрдорядных словах вместо средневекового **i (u)* был представлен твёрдо-

рядный **ï (ы)*, что подтверждается отсутствием палатализации у согласных, стоящих перед **ï (ы)*. В отличие от этих языков в бурятском языке перелом произошел уже на той стадии, когда **ï (ы)* в твёрдорядных словах перешёл в мягкорядный **i (и)*, что подтверждается палатализацией предшествующего согласного. Примеры: др.-монг. **mïqan* > х.-монг. *мах // махан*, дерб. *махăн* «мясо», стп.-м. *miqan* > бур. *мяхан* «мясо»; др.-монг. **qïmusun* > х.-монг. *хумс // хумсан*, дерб.К. *хумсăн*, дерб.М. *хумӱсӱн~хумсӱн* «ноготь», стп.-монг. *kimusun* > бур. *хюмhан* id. Как уже говорилось выше, под влиянием гласного *i (и)*, стоявшего в твёрдорядных словах, развилось опереднение гласного первого слога, вследствие чего все слово из разряда твёрдорядных перешло в мягкий ряд. Сам *i (и)* при этом исчез. Это явление обычно хорошо прослеживается в языке дербетов Калмыкии. В ойратских говорах Монголии, в том числе и в языке дербетов, тоже происходит опереднение твёрдорядных согласных, но *i (и)* при этом может и сохраняться. Примеры: др.-монг. **qorin* > х.-монг. *хорь // хорин*, бур. *хорин*, дерб.*К хөрĕн*, дерб.М. *хөрĕн // хөрĭн* «двадцать»; др.-монг. **sabkin* > х.монг. *савхи // савхин* «тонкая выделанная кожа», бур. *сабхи* «обувь, сапоги», дерб.К. *сәвкĕн*, дерб.М. *севкĭн* «тонкая, выделанная кожа»; др.-монг. **qubi* > х.-монг. *хувь*, бур. *хуби*, дерб.К. *хөвĭ*, дерб.М. *хувĭ* «часть, доля».

Относительно гармонии гласных, или сингармонизма, следует отметить, что как в языке дербетов Калмыкии и Монголии, так и в халха-монгольском и бурятском языках сохраняется два типа гармонии гласных: палатальной и лабиальной. Палатальный сингармонизм определяет отношение слова либо к твёрдому, либо к мягкому ряду, например, др.-монг. **taqa* «подкова» – **teke* «козел»; др.-монг. **tayaqu* «отгадывать» – **tegekü* «перевозить, нагружать воз». Аналогичный статус этих слов сохраняется и в современных монгольских языках, ср. например, х.-монг. *тах*, дерб. *тахă*, бур. *таха* «подкова» – х.-монг. *тэх*, дерб.К. *текĕ*, бур. *тэхэ* «козел»; х.-монг. *таах*, дерб.К. *таахă*, бур. *тааха* «отгадывать» – х.-монг. *тээх*, дерб.К. *теехĕ*, бур. *тээхэ* «нагружать воз, перевозить».

Губной же сингармонизм в этих языках неодинаков. Если в халха-монгольском и бурятском языках после гласного «*о*» первого слога в последующих слогах употребляется либо краткий «*о*» либо долгий «*оо*», то в

языке дербетов Калмыкии и Монголии после «*о*» первого слога регулярно употребляется долгий «*аа*», например, др.-монг. **doluγan* > х.-монг. *долоо // долоон*, бур. *долоон*, дерб. *долаан* «семь»; др.-монг. **noγuγan* > х.-монг. *ногоо // ногоон*, бур. *ногоон*, дерб. *ногаан* «зелень». В мягкорядных словах в халха-монгольском языке после «*ө*» первого слога согласно закону губной гармонии следует такой же огубленный «*ө*», долгий либо краткий, например, *төлөө* «для, ради», *өгсөндөө* «когда дал». В языке дербетов Калмыкии и Монголии в аналогичной позиции после начального «*ө*» всегда следует широкий гласный «*ə*», краткий или долгий, например, *төлəə* «для, ради», *өгсёндəəн* «когда дал».

Как можно было видеть из представленного выше анализа, историческое развитие фонетики языка дербетов Калмыкии и Монголии и сложение современного состояния их звукового строя происходило под влиянием различных фонетических процессов, среди которых можно выделить следующие: переход **ï (ы)* > *i (и)*, перелом **ï (ы)* и **i (и)*, ассимиляция и диссимиляция гласных, опереднение твёрдорядных гласных и переход твёрдорядных слов в мягкорядные, появление неясных гласных и их редукция, ослабление напряженности артикулирующих органов, что повлекло за собой выпадение интервокальных смычных *«-γ-»*, *«-g-»* и щелевого *«-γ(й)-»*, благодаря чему развились долгие гласные, дифтонги перешли в монофтонги, смычный увулярный *«q»* ослабился и перешел в щелевой *«х»*. При этом характерной чертой звукового строя современного языка дербетов Калмыкии и Монголии является сохранение древнего смычного *«к»* в мягкорядных словах и отдельных твёрдорядных, развитие под влиянием **i (и)* в твёрдорядных словах на месте первослоговых *«а»*, *«ай»*, мягких гласных *«ə»* и *«əə»*. Для общедербетского языка характерно также сохранение древнемонгольского типа губной гармонии гласных, при которой за огубленными *«о»* и *«ө»* следуют широкие гласные *«а»*, *«аа»* и «*ə*», «*əə*».

ГЛАВА II. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ДЕРБЕТОВ РОССИИ И МОНГОЛИИ

2.1. Классификация частей речи

Вопрос о классификации частей речи в монголоведении далеко не нов, но до сих пор остается дискуссионным и окончательно нерешенным. Его историю можно с полным правом начать с первой грамматики монгольского, точнее - старописьменного монгольского, языка, составленной И.Я. Шмидтом [1831, §29, 156], в которой он, опираясь на опыт исследования индоевропейских языков, выделил и описал в монгольском языке девять основных типов слов - частей речи: 1) имя существительное; 2) имя прилагательное; 3) местоимение; 4) имя числительное; 5) глагол; 6) послеречие; 7) наречие; 8) союз; 9) междометие. Вслед за И.Я. Шмидтом аналогичный состав частей речи монгольского языка привел в своей грамматике и О.М. Ковалевский [1835, §30].

Оригинальную классификацию частей речи монгольских языков (старомонгольского и ойрато-калмыцкого) предложил после них А.А. Бобровников [1849, с. 52-55], который положил в ее основу не морфолого-семантический признак, как это сделали вслед за европейскими грамматистами И.Я. Шмидт и О.М. Ковалевский, а формальные признаки грамматической изменяемости слов. А.А. Бобровников наметил три разряда монгольских слов: 1) склоняемые - имена, в состав которых включил имена предметные, качественные, относительные, числительные и местоимения; 2) спрягаемые - глаголы; 3) неизменяемые - частицы. Такую же по сути дела классификацию частей речи, что и у А.А. Бобровникова, привел в своей ранней работе и В.Л. Котвич [1902, с. 52-60], хотя в дальнейшем он отказался от принципа, предложенного А.А. Бобровниковым [Котвич, 1915, с. 33-35; 1929], и выделил в калмыцком языке традиционные (для европейских грамматик) части речи: 1) имена (существительные и прилагательные); 2) числительные; 3) местоимения; 4) глаголы; 5) наречия (включая послелоги и союзы); 6) междометия. Следует отметить, что по стопам А.А. Бобровникова и раннего В.Л. Котвича пошел и А.Д. Руднев [1905, с. 29, 56-57, 60],

внесший в их схему свои поправки и установивший для монгольского языка шесть частей речи, разбив их на три группы: 1) глагол; 2) имя (имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение); 3) наречие, включая частицы. Н.Н. Поппе в своих ранних работах в общем принял схему А.А. Бобровникова - раннего В.Л. Котвича - А.Д. Руднева и выделил в монгольском языке три группы слов: имя, глагол, неизменяемые слова (междометия, частицы) [Поппе, 1929, с. 34; 1936, с. 14-17] . В своих последующих работах [Поппе, 1937, с. 50-51; 1938, с. 72-77, 101, 106, 181, 188, 198, 262] он, сохраняя в принципе эту схему, несколько детализирует группу имен, разбив их на имена с полной изменяемостью и с неполной изменяемостью. В составе первых он выделил имя в собственном смысле (предметное и качественное), а также местоимение и числительное.

В специальной статье о частях речи в монгольском языке [1940, с. 147-173] Н.Н. Поппе дает новую схему классификации частей речи, введя в нее наречие и установив десять равноправных частей речи:

1) имена предметные;

2) имена качественные;

3) имена числительные;

4) местоимения;

5) глаголы (включая причастия и деепричастия);

6) наречия (включая наречие-послелог как переходную категорию);

7) послелоги;

8) союзы;

9) частицы: препозитивные и постпозитивные;

10) междометия (квлючая образные и звукоподрпажательные слова).

Не менее интересна эволюция взглядов на классификацию частей речи монгольских языков у Г.Д. Санжеева, который принял термины «имя предметное» и «имя качественное», употребив их в своей ранней синтаксической работе [Санжеев, 1934, с. 40-41]. В своих грамматиках калмыцкого [Санжеев, 1940, с. 26-38] и бурятского [Санжеев, 1941, с. 22-41] языков он использует эти термины и приводит схему классификации частей речи, в принципе схожую с той, которая была выработана Н.Н. Поппе в его вышеприведенной статье, с той лишь разницей, что Г.Д. Санжеев устанавливает девять частей речи (кроме союзов).

Впоследствии Г.Д. Санжеев развил несколько иные взгляды на классификацию частей речи в монгольских и вообще в алтайских языках [Санжеев, 1952, с. 84-102; 1953, с. 124-126]. Он предложил выделять в монгольских и тюркских языках двенадцать частей речи:

1) имя существительное;
2) имя предметное;
3) имя прилагательное;
4) имя качественное;
5) имя числительное;
6) наречие;
7) местоимение;
8) глагол;
9) послелог;
10) союзы;
11) частицы;
12) междометия.

Как можно видеть, Г.Д. Санжеев в принципе поддержал выделение предметных и качественных имен, предложенных в свое время А.А. Бобровниковым, но ввел в то же время термины «имя существительное» и «имя прилагательное», поясняя, что их отличие от предметных и качественных имен состоит в том, что существительные могут только получать определения, а предметные имена, получая определения, сами могут выступать в роли определения, а прилагательные могут только определять, но не могут субстантивироваться, качественные же имена могут и определять и субстантивироваться. Так, в калмыцком языке слова типа *ухан* 'ум', *газр* 'земля', *гар* 'рука', *гер* 'дом', *хаалһ* 'дорога; путь' являются существительными, поскольку в форме своей основы не могут определять другое слово, а лексемы типа *усн* 'вода; водный', *төмр* 'железо; железный', *модн* 'дерево; деревянный' - имена предметные, так они не только принимают определение, но и сами выступают в качестве его, например: *гүн усн* 'глубокая вода' - *усн теерм* 'водяная мельница', *хату төмр* 'твердое железо' - *төмр хаалһ* 'железная дорога', *өндр модн* 'высокое дерево' - *модн гер* 'деревянный дом'.

Имена прилагательные - это слова, которые только определяют *(ухаата* 'умный', *зөргтэ* 'смелый' и т. п.), а имена предметные могут и определять, и быть названиями свойств, качеств, признаков, ср. например, в калмыцком языке: *хату төмр* 'твердое железо' - *төмрийн хатун чинр* 'твердость железа', *сән Бадмин сәәнинь* 'доброта доброго Бадмы'.

Свои версии классификации частей речи монгольских языков выдвигали и другие монголоведы, причем как отечественные, например, Д.А. Алексеев [1955], Т.А. Бертагаев [1968, с. 240-243], Б.Х. Тодаева [1951], так и зарубежные, например, Ш. Лувсанвандан [1968], Ц. Онорбаян [1998, с. 23-36]. Поскольку здесь мы не ставим цель дать обзор всех точек зрения на данную проблему, ибо это достаточно большой вопрос, требующий особого внимания и к тому же уже подробно освещен в литературе, то считаем уместным отослать читателя к соответствующим исследованиям. Так, например, довольно подробно изложены различные взгляды на классификацию частей речи в монголоведении в работе Н.Н. Поппе, посвященной частям речи в монгольском языке [Поппе, 1940, с. 147-173]. Неплохой обзор классификаций слов в русском и советском монголоведении, а также в языкознании МНР приведен В.М Наделяевым [1988, с. 76-88]. Имеется также обзор классификаций слов монгольских языков и в работе Е.А. Кузьменкова [1991, с. 48-63].

В связи с тем, что в монголоведении до сих пор так и не выработан единый подход к классификации частей речи монгольских языков, не опредеен четкий критерий для их выделения, как до конца не выяснено и само их количество, то нам хотелось бы высказать здесь свой взгляд на данную проблему, поделиться своим пониманием критериев классификации слов монгольских языков, к которым мы пришли в результате внимательного исследования.

То, что существующие классификации языков нелогичны, ученые заметили достаточно давно. Однако наиболее четко и ясно это было изложено Ю.С. Масловым [1975, с. 200-219], который долго занимался этой проблемой и впоследствии обосновал ее более убедительно, предложив свой вариант классификации слов различных языков мира [1997, с. 155-167]. Еще ранее В.В. Виноградов [1947, с. 38-44] предложил свою классификацию

слов русского языка, разбив их на 4 класса: 1) знаменательные; 2) служебные; 3) модальные; 4) междометия. Она была поддержана А.Н. Гвоздевым [1961, с. 145] и Ю.С. Масловым [1975, с. 205]. К монгольскому языку эту схему попытался применить В.М. Наделяев [Наделяев, 1987, с. 20-48; 1988, с. 88-109].

Хотя схема классификации слов языков Виноградова - Маслова - Наделяева достаточно прогрессивна и неплохо в общем-то учитывает специфику разных языков, все же В.М. Наделяев не до конца продумал логику организации частей речи монгольских языков. Он разделил все слова монгольского языка на три большие группы:

I. Вещественные слова (части речи):

1) слова-названия - существительные, прилагательные, глаголы, наречия, числительные;

2) слова-указания - местоимения.

II. Формальные слова (частицы речи):

1) формообразовательные частицы;

2) основообразовательньге частицы;

3) союзные частицы;

4) членооформительные частицы.

III. Экспрессивные слова (междометия):

1) эмоционально-экспрессивные слова;

2) волюнтативно-экспрессивные слова;

3) имитационно-экспрессивные слова.

Как видно, и в этой достаточно детально разработанной классификации не выделены особые группы модальных и изобразительных слов. Первые попали в класс частиц речи, вторые - в группу междометий.

Такой разнобой в традиционных классификациях и в классификациях, основанных на новых принципах, происходит, как нам кажется, от того, что не до конца продуман и выдержан критерий классификации. Применяемый в индоевропейском языкознании морфолого-семантико-синтаксический критерий для монгольских языков неприменим, поскольку в них непроизводные части речи и классы слов внешне неразличимы, да и многие производные по своей внешней форме схожи. Так, например, отдельно, вне кон-

текста, сказанные словоформы типа *хад* 'приколачивать' - *хад* 'скала', *хатн* 'жена хана, князя' - *хатн* 'высыхая' (слитное деепричастие от глагола *хат=* 'сохнуть'), неразличимы.

Этот список примеров можно продолжать до бесконечности, ибо основным критерием различения слов в монгольском языке является семантика. Причем не просто лексическое значение слова, а тип этого значения. Кроме того, необходимо четко различать уровни языка и речи, как учили еще Ф. де Соссюр и его последователи. Дело в том, что на уровне языка каждое слово, или лексема, выполняет свою, четко определенную функцию и имеет свое, строго ограниченное значение. На уровне же речи, то есть узуса, эти функции совершенно иные, хотя значение, обусловленное его типом, сохраняется. Классификации слов любого языка можно проводить как на уровне языка, так и на уровне речи. Причем успех зависит, так сказать, от «чистоты эксперимента». На уровне языка слова - это классы и части речи, на речевом уровне - это члены предложения. При этом каждая знаменательная часть речи при узусе выполняет свою главную функцию и все второстепенные. Нужно учитывать еще одно условие: членом предложения может быть только слово, относящееся к одной из знаменательных частей речи. Все имеющиеся классификации обычно начинаются с одного критерия, а завершаются другим. Логика же учит, что при любой классификации должно быть от начала до конца выдержано одно основание для деления. Применение одновременно двух и более оснований для деления не дает положительного результата.

Таким образом, В.И. Рассадин предлагает отказаться при классификации слов монгольских языков как от морфологического, так и от синтаксического критериев. За основу деления следует взять семантический критерий, об устойчивости которого при всех классификационных схемах говорил и В.М. Наделяев [1988, с. 83], причем необходимо строго учитывать тип лексического значения. Таковых бывает обычно несколько. Прежде всего существует такой тип, как вещественное значение. Он присущ словам, которые называют предметы, явления, признаки, качества, свойства, количества, обстоятельства и действия/состояния. Это так называемые назывные слова с номинативной языковой функцией. Их функция на уровне языка - назывная.

На уровне речи - совершенно иная, а именно: выражать субъект и объект действия, обстоятельство и предикат. При этом в монгольских языках в современном их состоянии вещественное значение таких слов постоянное. Они образуют отдельную лексико-грамматическую группу имен существительных, если они называют предметы в широком смысле слова (напр. калм. *күн* 'человек', *усн* 'вода', *модн* 'дерево', *гер* 'дом', соответственно старомонг. *кьтьн, usun, modun, ger*). Их категориальным значением является предметность или субстантивность. Слова, называющие признаки, качества, свойства и т.п. (напр. монг. *сән* 'хороший', *их* 'большой', *хар* 'черный', *байн* 'богатый', соответственно старомонг. *sayin, yeke, qara, bayan*), образуют лексико-грамматическую группу имен прилагательных, категориальным значением которых является адъективность или признаковость. Слова, называющие числа, количества и все, что с ними связано образуют лексико-грамматическую группу имен числительных, категориальным значением которых является количественность или нумеративность. Слова, называющие действия / состояния, составляют лексико-грамматическую группу глаголов, категориальным значением которых является действенность или вербальность. Слова, называющие различные обстоятельства, при которых совершаются действия/состояния, образуют самостоятельную лексико-грамматическую группу наречий. Их категориальным значением будет обстоятельственность или адвербиальность. Таким образом, эти пять лексико-грамматических групп слов, имеющих постоянное на данном синхронном срезе значение, образуют систему назывных слов.

Кроме слов, которые называют, в монгольских языках выработана в процессе их исторической эволюции еще одна система знаменательных слов, которая не называет, но указывает на предметы, признаки, количества, обстоятельства и действия/состояния. Эта особая группа указательных слов тоже имеет вещественное значение, но не постоянное, а окказиональное. Эти слова получают значение тех предметов, признаков, количеств, обстоятельств и действий / состояний, на которые указывают в момент речи. Если такие слова указывают на предметы или лица, то это субстантивные указательные слова или местоименные существительные, если указывают на признаки, - то адъективно-указательные слова или местоименные прилага-

тельные, если на количества, - то нумеративно-указательные слова или местоименные числительные, если на глаголы, - вербально-указательные слова или местоименные глаголы, если на обстоятельства, - то адвербиально-указательные слова или местоименные наречия. В речи функция этих слов заключается в том, чтобы замещать назывные слова и выполнять роль того члена предложения, какая была предназначена назывному слову в данном речевом акте. Эта система указательных слов соотносится с системой назывных слов, повторяя ее. Назывные и указательные слова вместе составляют самостоятельный класс знаменательных слов, имеющих вещественное значение.

В монгольских языках существуют и такие слова, которые ничего не называют и ни на что не указывают. Они имеют грамматическое значение и выполняют в речи функцию лексической грамматической связи между знаменательными словами, являясь в данном случае чисто формальными, служебными словами. Поскольку у них другой тип лексического значения, отличный от вещественного, они не могут быть приравнены к знаменательным словам, поскольку не равноправны с ними и выполняют только служебную функцию. В предложении они не могут быть его членами. Внутри себя они подразделяются на послелоги, союзы, предикативные связки, показатели подлежащего, слова-субстантиваторы, служебные глаголы. Эти слова объединяются на основе однотипного грамматического значения в самостоятельный класс служебных слов.

Существуют в монгольских языках и такие слова, которые имеют только модальное значение и выражают лишь отношение говорящего к предмету высказывания. Они относятся ко всему предложению и не могут быть его членами: ни главными, ни второстепенными. Эта группа слов состоит из различных модальных частиц, слов и словосочетаний, иногда целых выражений. Эти слова можно выделить в самостоятельный класс модальных слов.

Есть в монгольских языках и такие слова, которые имеют аффектное значение и выражают средствами монгольских языков различные эмоции, чувства, волеизъявления. Это так называемые междометия или аффектные слова. Они тоже не могут выступать в качестве членов предложения. Их мы выделяем в самостоятельный класс эффектных слов.

И, наконец, в монгольских языках представлено довольно много слов, которые ничего не называют, ни на что не указывают, не выполняют служебных функций, не выражают отношения к высказыванию и не выражают никаких чувств и эмоций. Эти слова лишь передают средствами монгольских языков различные образы, которые поступают к человеку из внешнего мира. От многих из этих слов путем специальных словообразовательных моделей образовались разные имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия. Сами же по себе изобразительные слова не являются этими частями речи. По способу восприятия человеком изобразительные слова подразделяются на: 1) изобразительные слова слухового восприятия (звукоподражательные); 2) изобразительные слова зрительного восприятия (образные); 3) изобразительные слова сенсорного (чувственного) восприятия; 4) слова образного восприятия действия. Такие слова тоже объединяются в самостоятельный класс изобразительных слов. Внутри каждого класса существует внутренняя классификация, но уже по собственным специфическим признакам. Поскольку язык достаточно гибкая система, постоянно возобновляющаяся и развивающаяся, то постоянно происходит процесс пополнения этих классов, в том числе и за счет перемещения лексем из одного класса в другой, причем используются при этом различные морфологические процессы, в которых большую роль играют аффиксация и лексикализация различных словоформ.

В обобщенном схематичном виде предлагаемая нами классификация слов монгольских языков может быть представлена следующим образом.

I-й класс. Знаменательные слова:

1. Назывные слова:

1) имена существительные;

2) имена прилагательные;

3) имена числительные;

4) глаголы;

5) наречия.

2. Указательные слова:

1) предметно-указательные;

2) качественно-указательные;

3) количественно-указательные;

4) действенно-указательные;

5) обстоятельственно-указательные.

II-й класс. Служебные слова:

1. Послелоги.
2. Союзы.
3. Предикативные связки.
4. Показатели подлежащего.
5. Слова-субстантиваторы.
6. Служебные глаголы.

III-й класс. Модальные слова:

1. Модальные частицы.
2. Модальные слова.
3. Модальные словосочетания и выражения.

IV-й класс. Аффектные слова:

1. Эмоционально-чувственные.
2. Побудительно-волеизъявительные.

V-й класс. Изобразительные слова:

1. Слухового восприятия (звукоподражательные).
2. Зрительного восприятия (образные).
3. Сенсорного (чувственного) восприятия.
4. Образного восприятия действия.

Разумеется, данная схема не претендует на исключительность, она может быть уточнена и переработана. Но если придерживаться одного решающего критерия, в данном случае типа лексического значения, и оставаться на уровне языка, то классификация получается именно такой.

2.2. Была ли категория грамматического рода в монгольских языках?

В языке дербетов Калмыкии и Монголии как и во всех других монгольских языках отсутствует категория грамматического рода. Речь может идти только об обозначении пола живых существ, которые выражаются разными способами.

На протяжении истории развития грамматической категории рода постоянно действовали экстралингвистические принципы родовой отнесенности. В современных языках экстралингвистические причины создали предпосылки для развития так называемого общего рода у части личных имен существительных. Таковы, например, слова *врач*, *преподаватель*, *адвокат*, *директор* и другие агентивные, обозначающие деятеля, имена, в монгольских, в частности в языке дербетов Калмыкии и Монголии, *багш* "учитель", *эмч* "врач", *номт* "ученый", *адууч* "табунщик", *саалч* "дояр" и многие другие. Подобные слова, наблюдаемые в современных языках в связи с изменением условий жизни, и в частности с изменением положения женщины в современном обществе, могут реализовать свою родовую принадлежность только в предложении, то есть синтаксически.

С семантической точки зрения монгольская основа имени связана со способностью обозначать лишь биологический пол. Однако эта способность обозначать биологический пол непосредственно проявляется только у названий лиц и частично у названий некоторых видов животных.

В монгольских языках категория рода проявляется в биологическом делении живых существ по полу. Это отмечено в трудах почти всех монголистов, начиная с зарождения научного монголоведения. Я. Шмидт указывал на то, что "исключая оживленных существ, ни в каком слове не означается различие рода" [1832, с. 23]. Этого мнения придерживался и О. М. Ковалевский, который отметил, что "монголы определяют различие пола в именах оживленных только существ" [1835, с. 29].

Почти все исследователи первых монгольских грамматик не только проявляли интерес к данному вопросу, но и указывали на некоторые следы грамматического рода [Бобровников, с. 67; Ковалевский, с. 29; Шмидт, с. 24; Котвич, с. 73; Руднев, с. 68; Цыбиков, с. 61; Попов с.43; Владимирцов, с. 31-34; Пеллио, с. 51; Дерфер, с. 219-267; Одзава Сигэо, с. 106; Санжеев 1956, с. 74; Гарьд 1996; Орловская 1999, с. 25].

Так, например, Б.Я. Владимирцов [1925] на сессии Российской Академии наук сделал небольшое сообщение о том, что в монгольских языках словообразовательные суффиксы *-гчін*, *-джін*, *-хан* и *-гуі* представляют собою следы былого выражения грамматической категории женского рода

типа *алаг* “пестрый” - *алагчін* “пеструха”, *гунан* “самец трехлетка” - *гунаджін* “самка трех лет”, *нояан* “князь, господин” - *нояхан* “молодая девица, барышня”, *худа* “сват” - *худагуі* “сватья”. Сюда же он отнес такие лексемы, как *аха* “старший брат” и *еке* “матушка, старшая”, где используется сингармонизм для различения мужского и женского полов. Б.Я. Владимирцов не только рассмотрел следы грамматического рода в монгольском языке, но и наметил методику изучения этого вопроса. Также в системе терминов двенадцатилетнего цикла, обозначаемых животными, различают года и дни недели по пяти наименованиям цветов, например, *улагчин* “красная”, *шарагчин* “желтая”.

П. Пеллио также предлагает различать в монгольских языках имена, обозначающие живые существа мужского и женского рода, и в подтверждение этому приводит примеры типа *суту* “император” - *сутаі* “императрица”, *хутугту* “святой” - *хутугтаі* “святая” и женские собственные имена на *-тані ~ -тені* [Pelliot, p. 51]. Далее П. Пеллио высказывает предположение, что следы грамматического рода якобы сохраняются в суффиксах форм прошедшего времени изъявительного наклонения *-ba* и *-bi*, а для обозначения лиц женского пола используется аффикс *-jin*. Эти аффиксы зарегистрированы в XIII веке в текстах “Сокровенного сказания” [Pelliot, p. 51, Гарьд].

Японский монголист Одзава Сигэо [1955, с. 106], исследуя тексты “Сокровенного сказания”, устанавливает, что суффиксы *-ба ~ -бе ~ -бі, -ла’а ~ -ле’е ~ -ла’аі ~ -ле’аі ~ -лаі ~ -ла’у ~ -ле’у ~ -лу’а ~ -лу’е ~ -лу’аі ~ -лугаі ~ -лігі ~ -лі’і* в системе монгольских глагольных форм также обнаруживают следы грамматического рода, тогда как эти суффиксы считались лишь фонетическими вариантами одних и тех же показателей названных изъявительных форм.

Наш материал показывает, что в “Сокровенном сказании” широко употребляются суффиксы *-ба*, *-бі* и *-лігі ~ -лі’і*, которые являются формами выражения женского рода и в указанных временах противопоставляются всем прочим перечисленным здесь суффиксам, являющимися формами мужского рода. Глагольные сказуемые, выраженные описываемыми здесь изъявительными формами, соответственно согласовываются с подлежащими мужского или женского рода [Одзава, с. 106].

Как пишет Г.Д. Санжеев: "...Б.Я. Владимирцов и П.Пеллио склонны были видеть следы категории грамматического рода и считали, что для выражения этой категории используются, во-первых, специальные словообразовательные суффиксы и, во-вторых, гармония гласных" [Санжеев 1956, с. 74]. Сингармонизм в монгольских языках, по мнению Б.Я. Владимирцова, "производил различие по родам" [1929, с. 133].

Таким образом, можно смело утверждать, что современное монголоведение располагает данными о наличии грамматического рода в древнемонгольском языке, как это видно из текстов древнемонгольского литературного памятника "Сокровенное сказание монголов" [Владимирцов 1925, с. 31-34; Санжеев 1956 с. 73-74; Орловская 1999, с. 25-31].

В языке дербетов Калмыкии и Монголии и сейчас широко употребляются основы имени, обозначающие особей женского пола:

1) показатели *-җн* служит для обозначения возраста самок животных. Примеры: дерб.К., дерб.М. *гунҗн*, монг. *гунж(ин)*, бур. *гунжан* "корова-трехлетка" от общемонгольской основы *γurban* "три"; дерб.К., дерб.М. *донҗн*, монг. *дөнж(ин)*, бур. *дүнжэн* "корова-четырехлетка" от общемонгольской основы d*o*r*ben* "четыре", дерб.К., дерб.М. *туулҗн* "корова-пятилетка" от *тавн* < *tabun* "пять";

2) показатели дерб.К., дерб.М. *-гчн*, монг. *-гч(ин)*, бур. *-гшан/-гшон/-гшэн* служат для обозначения масти животных, например, дерб.К., дерб.М. *харгчн*, монг. *харагч(ин)*, бур. *харагшан* "черная" от общемонгольской основы *qara* "черный"; дерб.К., дерб.М. *цаһагчн*, монг. *цагаач(ин)*, бур. *сагаашан* "белая" от общемонгольской основы *čaγan* "белый"; дерб.К., дерб.М. *күрңчн*, монг. *хүрэнгч(ин)*, *хүригшэн* "буренка" от общемонгольской основы *kuren* "коричневый"; дерб.К., дерб.М. *кеегчн*, монг. *хээрэгч(ин)*, бур. *хээгшэн* "гнедая" от общемонгольской основы *keger* "гнедой";

3) показатели дерб.К., дерб.М. *-н*, монг., бур. *-ан/-эн/-өн* служат для обозначения возраста самцов животных. Примеры: дерб.К., дерб.М. *гунн*, монг., бур. *гунан* "трехгодовалый", дерб.К., дерб.М. *дөнн*, монг., *дөнөн*, бур. *дүнэн* "четырехгодовалый".

Но в тоже время следует признать, что современные монгольские языки

в общем-то и исчерпывают вышеприведенными примерами свои способности различить пол. В основном они не в состоянии выразить разницу полов, так как не обладают такими грамматическими средствами. Например, слова дерб.К., дерб.М. *багш* "учитель", *эмч* "врач" и другие в монгольских языках применяются как по отношению к женщине, так и к мужчине. Это создает аналогичную картину с русским языком, когда слова данного типа обозначают лиц, не дифференцируя их по принадлежности к какому-то полу. Эта форма настолько устойчива в русском языке, что в строгой речевой ситуации слово, относящееся к женскому полу, сохраняет "мужскую форму". Мы должны обратить внимание на то, что слова типа *багш* "учитель" обозначают лицо, никак не связанное с биологическим полом, сама же эта лексема, имея два означаемых, является одним обозначающим. В литературных монгольских языках используются следующие средства, служащие как бы своеобразными морфемами для выражения пола: дерб.К., дерб.М. *күүкд күн,* монг., бур. *эмэгтэй* "женщина"; дерб.К., дерб.М. *залу күн*, монг., бур. *эрэгтэй* "мужчина".

В языке дербетов Калмыкии и Монголии имеются, в частности, лексические параллели, обозначающие принадлежность родственников к определенному полу. Примеры: дерб.К., дерб.М. *аав* "дедушка", *ээж* "бабушка", *эцк* "отец", *эк* "мать", *ах* "старший брат", *эгч* "старшая сестра", *күүкн* "девочка", *гиҗгтә күүкн* "девушка на выданье", *нойхн* "барышня", *көвүн (арвт)* "мальчик", *герн күн (баавһа*) "женщина", *залу күн* "мужчина", *залу* "муж", *герн* "жена", *күрн* "жених", *бер* "невестка" (*берн* "жена старшего брата"), *худ өвгн* "сват", *худ эмгн* "сватья", *хадм эцг* "свекор (тесть)", *хадм эк* "свекровь "теща", *авһ* "дядя со стороны отца", *һаһа* "тетя со стороны отца", *нахц* "дядя со стороны матери", *нахц эгч* "тетя со стороны матери", *ач көвүн* "племянник со стороны брата (внук со стороны сына)", *ач күүкн* "племянница (внучка) со стороны сына", *зе көвүн* "племянник со стороны сестры (внук со стороны дочери)", *зе күүкн* "племянница со стороны сестры (внучка со стороны дочери)"; монг. *өвгөн* "старик", *өвөг эцэг* "дед по отцу", *нагац өвөг* "дед по матери", *эмгэн* "старуха", *эмээ, эмгээ* "бабушка", *эх*

“мать”, *эцэг, ав* “отец”, *ах* “старший брат”, *эгч* “старшая сестра”, *охин дүү* “младшая сестра”, *хүүхэн (охин, бүсгүй)* “девочка (девушка)”, *хүү (хөвгүүн, нуган)* “мальчик”, *эрэгтэй (эр, эр хүн)* “мужчина”, *нөхөр (хар хүн, эр нөхөр)* “муж”, *эмэгтэй (бүсгүй, эхнэр, эм хүн)* “женщина”, *эхнэр (авгай, гэргий)* “жена”, *хүргэн* “зять”, *бэр (бэргэн, дүү бэр,)* “невестка”, *авьсан* “жена старшего брата по отношению к жене младшего брата”, *худ (зууч)* “сват”, *худгай (зууч эхнэр)* “сватья”, *хадам эцэг (аав)* “свекор (тесть)”, *хадам эх (ээж)* “свекровь (теща)”, *авга ах* “дядя по отцу”, *нагац ах* “дядя по матери”, *авга эгч (авгай)* “тетя по отцу”, *нагац эгч* “тетя по матери”, *ач хүү* “племянник со стороны брата (внук по сыну)”, *зээ хүү* “племянник со стороны сестры (внук по дочери)”, *ач охин* “племянница со стороны брата (внучка по сыну)” *зээ охин* “племянница со стороны сестры (внучка по дочери)”.

Роль родовых показателей (морфем) наиболее ярко проявляется в формально-грамматических вариантах слов - существительных, обладающих одним лексическим значением, но различающихся формой и соответственно родом. Так, например, показатель рода, оформляющийся в терминах родства, проявляется в двух формах: ∅ ~ *-i*, главным образом в словах, различающих родственников по полу, хотя в большинстве случаев различие лексическое, ср. например, слова << *ečige* “отец”, *eke* “мать”, *ebüge* “старик”, *emege* “старуха”, *aq=a* “старший брат”, *egeči* “старшая сестра”>>. Иногда женский и мужской род различается по оформлению, например, <<*degü*>> “младший брат” имеет ∅ и обозначает мужской род.

Показатель же *-i*, присоединяемый к некоторым терминам родства указывает на женский род, например, *döi* “младшая сестра”. В памятниках средневекового монгольского письма устойчиво различаются термины родства по полу. Примеры: *degü* “младший брат”, *döi* “младшая сестра”. В средневековом монгольском языке эти слова получили повсеместное распространение. В древних монгольских языках эти слова выглядели как **degü* ~ **degüi* затем у них произошло фонетическое изменение по следующей схеме:

**degü* > **de'ü* > *deü* > *dü:* “младший брат”

**degüi* > * *de'üi* > *deöi* > *döi* “младшая сестра”.

При этом ступени *de'ü ~ deü, döi ~ döyi* “младшая сестра” наблюдаются в средневековый период.

Кроме того, в словах типа *<<aq=a* “старший брат”, *abaγ= a* “тетя”, *keüken* “девочка”, *quda* “сват”>> в период до средних веков были различия по полу, о чем говорят сохранившиеся сейчас формы:

*aqa (aq-a): *aqai ~ *aqayi (aγai ~ aγa:)* “младший брат”;

*abaqa (abaqa-a): *abaqai ~ *abaqayi (awxai)* “тетя”;

** keüke (xü: ~ xü: xen) : *keükei ~ *keükeyi (oki ~ okin)* “девочка”;

** qudaγa (xuda): qudaγayi* “сват”.

Мы считаем, что есть все основания утверждать, что и для этих существительных имеются объективные формальные родовые показатели. Так, средневековый материал, которым мы располагаем, показал, что существительные мужского рода могут оканчиваться на все согласные и гласные, включая дифтонги, кроме *-i*. Существительные женского рода почти всегда оканчиваются на показатель *-i*.

В монголистике существует мнение, что разделение существительных на родовые классы связано с четким разделением конечных элементов: *-i:* не *-i*. Как считает С. Гарьд, наличие показателя *-i* в древнемонгольском языке может рассматриваться как морфологическая примета существительных женского рода, тогда как его отсутствие - как морфологическая примета существительных мужского рода [Гарьд, с. 19].

Мы видим, что разделение существительных в древнемонгольском языке на родовые классы связано с четким разделением конечных элементов. Наличие *-i* может рассматриваться как морфологическая примета существительных женского рода, тогда как его отсутствие - как морфологическая примета мужского рода. Таким образом, формант *-i* может быть признан родовым морфологическим показателем или морфемой женского рода. Отсутствие элемента *-i,* то есть показателя женского рода, является нулевым показателем или нулевой морфемой мужского рода.

Роль родовых показателей - морфем наиболее ярко проявляется в формально-морфологических вариантах слов - существительных, обладающих одним лексическим значением, но различающихся формой, и соответствен-

но родом. Вышеприведенные примеры являются довольно многочисленными в древнемонгольском языке. Подобные формально-морфологические варианты слова представляют своего рода "минимальные пары", в которых отчетливо проявляется значение родовых морфем: наличие морфемы женского рода *-i* маркирует существительное женского рода, наличие морфемы мужского рода -∅ маркирует существительное мужского рода.

Таким образом, присутствие и отсутствие морфемы женского рода *-i* является значимым, так как служит для противопоставлений форм мужского и женского рода. Значащее противопоставление конечных элементов мы определяем как противопоставление родовых морфем или родовых показателей. В древнемонгольском языке показателем женского рода признается *-i*, показателем мужского рода признается нулевая морфема или отсутствие *-i*.

Хотя в этих словах в языке дербетов Калмыкии и Монголии род почти не проявляется, все же в некоторых случаях он отражается, например, в говорах монгольских языков различаются *авга* "дядя" - *авгай* (< общемонг. *abaγai*) ~ *авхай* "замужняя женщина". Ср. *ах* "старший брат" - *ахай* "замужняя женщина", *авхай* "барышня", *худ* "сват" - *худагуй* "сватья". Такие примеры довольно многочисленны в древнемонгольском языке.

Подобные формально-грамматические варианты слов представляют своего рода "минимальные пары", в которых отчетливо проявляется значение родовых морфем: наличие морфемы женского рода *-i* маркирует существительное женского рода, наличие морфемы мужского рода -∅ маркирует существительное мужского рода.

Таким образом, присутствие и отсутствие морфемы женского рода *-i* является значимым, так как служит для противопоставления форм мужского и женского рода. Значащее противопоставление конечных элементов мы определяем как противопоставление родовых морфем или родовых показателей.

Что касается собственных имен в монгольских языках, то в прошлом трудно было разграничить мужские и женские имена, так как каждое имя было мотивировано. Как отмечает А.М.Позднеев: "...женские имена у монголов в сущности нисколько не должны разниться от мужских и действительно почти не разнятся" [Позднеев, с. 418].

Вместе с тем в монгольских языках существует некоторая дифферен-

циация, отличающая женские имена от мужских с помощью специальных показателей, например, показатель *-маа*, восходящий к санскритскому корню *matar*, либо к санскритскому слову со значением "мать", характерен для женских имен, например, монг. *Доржмаа, Дулмаа, Норжмаа*; для языка дербетов Калмыкии и Монголии характерен показатель *-ла* в женских именах, например, *Харла*, *Hohала.*

Распределение существительных по родам является мотивированным либо лексически, либо морфологически, либо лексически и морфологически одновременно. Выделенные нами лексико-морфологические средства выражения родового значения охватывают абсолютное большинство одушевленных имен существительных и позволяет говорить о системности средств выражения родового значения.

2.3. Система грамматических падежей

Именительный падеж, как известно, выделяется всеми исследователями и, как правило, противопоставляется все косвенным падежам, как падеж немаркированный - маркированным, как падеж неопределенный - определенному, как падеж подлежащего, определения, именного сказуемого падежам прямого или косвенного дополнения, обстоятельства и т.д. Именительный падеж представляет собой категориальную форму падежа, обозначающий предмет в действии или субъект действия и выражается полной основой с сохранением неустойчивого *–н*, например, *мөрн* «лошадь», *нерн* «имя», *усн* «вода», *нарн* «солнце». Падеж употребляется для выражения подлежащего и субъекта действия.

Родительный падеж. Форма родительного падежа образуется посредством следующих аффиксов:

1) в классическом языке, как свидетельствует Г.Д. Санжеев [1953, с. 159], *-и/-ӣ, -ин/- ӣн, -yin;*

-и/- ӣ получают имена с конечным согласным *-н* типа *morin-и* "коня";

-ин/- ӣн получают основы с прочими согласными: *ger- ӣн* "дома";

-yin получают имена с любым гласным типа *noqai-yin* "собаки", *aqa-yin* "брата";

2) в калмыцком *-а/-ә,-ән, -ин/-гин, -ын, -н*:

-а/-ә получают слова типа *модн-а* “дерева”, *күн* “человек, *күнә* “человека”;

-ән ставится после *-н* и неустойчивого *-н* в мягкорядных словах типа *мор(н)* “конь”- *морән* “коня”, *хө(н)* “овца” - “*хөһән*”, где на месте *-н* появляется соединительный согласный *-һ*. Также после долгих гласных в конце слова при наращении данной формы появляется *-һ*: *тоо* “счет” - *тооһин* “счета”, *зее* “внук”- *зееһин* “внука”;

-ин в словах типа *һар-ин* “руки”, *эмәл-ин* “седла”;

-ын в словах, оканчивающихся на заднеязычные гласные после согласных *-л, -н, -д, -т: һал* “огонь” - *һал-ын* “огня”, хад “скала” - *хад-ын* “скалы”; *багш* “учитель” - *багшын* “учителя”;

-гин в словах с конечным *-ң: аң* “зверь” - *аң -гин* “зверя”;

-н в словах на конечный гласный типа *ноха* “собака” - *нохан* “собаки”, *делкә* “мир” - *делкән* “мира”;

3) в монгольском языке *-ын/-ийн, -ы/-ий, -н, ∅:*

-ын присоединяется к основам на согласный, кроме шипящих *-ш, -ж, -ч, н(г)* и заднеязычного *-г* в твердорядных словах: *ном* “книга” - *номын* “книги”, *ах* “брат” - *ахын* “брата”;

-ийн присоединяется после согласных в мягкорядных словах, кроме *-н*, а также шипящих *-ш, -ж, -ч*, мягких согласных, конечного *-и* и заднеязычного *-г* в твердорядных словах: *эмээл* “седло” - *эмээлийн* “седла”, *гэр* “дом” - *гэрийн* “дом”, *багш* “учитель” - *багшийн* “учителя”, *багаж* “инструмент” - *багажийн* “инструмента”, *анги* “группа” - *ангийн* “группы”, *тараг* “кефир” - *таргийн* “кефира”, *сурагч* “ученик” - *сурагчийн* “ученика”;

-ы ставится после *-н* и скрытого *-н* в твердорядных словах типа *ус(н)* “вода” - *усны* “воды”, *хаан* “хан” - *хааны* “хана”, *мор*ь(*ин*) “конь” - *морины* “коня”;

-ий после конечного *-н* и скрытого *-н* в мягкорядных словах: *хүн* “человек” - *хүний* “человека”, *үнэн* “правда” - *үнэний* “правды”;

-н после дифтонгов типа *нохой* “собака” - *нохойн* “собаки”, *тэмээ(н)* “верблюд” - *тэмээний* “верблюда”, *гахай* “свинья” - *гахайн* “свиньи”;

-гийн после долгих гласных: *Дулмаа - Дулмаагийн, Москва - Москвагийн*;

- ∅ ставится в том случае, когда родительным падежом оформляются однородные члены, при этом падеж присоединяется к последнему члену: *Хүн малын ундаа болсон тойром бүрд уснууд* “Вода в каждом водоеме стала напитком для человека и скота”;

4) в бурятском *-иин/-ын, -ай/-ой/-эй, -гай/-гой/-гэй, -н*:

-иин получают слова, оканчивающиеся на краткие гласные типа: *һургуули* “школа” - *һургуулиин* “школы”;

-ын получают основы на все гласные, кроме кратких гласных типа *тэргэ* “телега” - *тэргын* “телеги”, *хада* “гора” - *хадын* “горы”;

-ай/-ой/-эй получают слова, оканчивающиеся на твердые согласные: *арад* “народ” - *арадай* “народа”, *ном* “книга” - *номой* “книги”, *эмээл* “седло” - *эмээлэй* “седла”, *мори*(*н*) “конь” - *мориной* “коня”, *мод(он)* “дерево” - *модоной* “дерева”, *ном* “книга” - *номой* “книги”, ср. *ан(г)* “зверь” - *ангай* “зверя”, *дэн(г)* “свеча ” - *дэнгэй* “свечи”;

-гай/-гой/-гэй получают слова, оканчивающиеся на долгие гласные или заднеязычный *-н(г)*: *буу* “ружье” - *буугай* “ружья”, *дохео* “сигнал” - *дохеогой* “сигнала”;

-н присоединяется к основам, оканчивающимся на дифтонг и *-ы*: *нохой* “собака” - *нохойн* “собаки”, *харгы* “дорога” - *харгын* “дороги”.

Основным значением родительного падежа является значение субъекта: он употребляется при определяемом, выраженном отглагольным именем существительным, например, дерб.К, дерб.М. *усна урсхл*, бур. *уһанай урадхал* “течение воды”. Родительный субъекта может употребляться в причастных и деепричастных оборотах: калм. *мини умшсн дегтр*, бур. *миниі уншаһан ном* “книга, прочитанная мною”; родительный объекта употребляется для выражения косвенного дополнения при отглагольном или процессном имени, например, дерб.К, дерб.М. *усна һурвн бәәдл*, бур. *уһанай гурбан байдал* “три вида воды”. Существительные в родительном падеже имеют назначение предмета: дерб.К, дерб.М. *усна суулһ* “ведро для воды”, бур. *сайны аяга* “чайная чашка”. В роли определения чаще всего выступает имя существительное в родительном падеже типа дерб.К, дерб.М. *ахин махлә*, монг. *ахын малгай*, бур. *ахын малгай* “братова шапка” или дерб.К, дерб.М.

мини дегтр, монг. *миний ном*, бур. *минии ном* “моя книга”. Имя существительное в родительном падеже в монгольских языках также может выражать отношение части и целого, то есть выполнять функцию партитива, например, дерб.К, дерб.М. *морнә толһә*, монг. *морины толгой*, бур. *мориной толгой* “голова лошади”, также обозначать коллектив, организацию или лицо, к которому имеет отношение другой предмет типа дерб.К, дерб.М. *дунд суһулин ахлач*, монг. *дунд сургуулийн дарга*, бур. *дунда һуургуулиин директор* “директор средней школы”, дерб.К, дерб.М. *балһсна суһульч* “городской ученик”, монг. *хотны оюутан* “городской студент”, бур. *заводой хүдэлмэришэд* “рабочие завода”.

Винительный падеж. Форма винительного падежа образуется посредством аффиксов:

1) в классическом языке, как отмечает Г.Д. Санжеев [1953, с. 162], *-i, -yi*:

-i получают имена на любой согласный: *morin* “лошадь” - m*orin-i* “лошадь”, *ger* “юрта” - *ger-i* “юрту”;

-yi получают имена на любой гласный: *noqai* “собака” - *noqai-yi* “собаку”, *aqa* “старший брат” - *aqa-yi* “старшего брата”;

2) в калмыцком *-ыг/-иг, -г*:

-иг получают имена с конечными согласными и редуцированными гласными, а также с конечным неустойчивым *-н,* но с предшествующими согласными: *гер* “дом” - *гериг* “дом”, *толь* “зеркало” - *толиг* “зеркало”, *мөрн* “конь” - *мөриг* “коня”;

-ыг принимают имена с неустойчивым *-н,* с гласными заднего ряда с конечными *-л, -н, -д, -т* в основе слова: *мал* “скот”- *малыг* “скот”, *модн* “дерево”- *модыг* “дерево”;

-г присоединяется к именам с конечным ясным гласным и неустойчивым *-н*, но с предшествующим ясным гласным: *така* “курица” - *такаг* “курицу”, *зее* “внук” - *зеег* “внука”, *яма(н)* “коза” - *ямаг* “козу”, *ноха* “собака” - *нохаг* “собаку”;

3) в монгольском *-ыг/-ийг, -г, ∅* :

-ыг присоединяется к основам на согласный в твердорядных словах, кроме шипящих *-ш, -ж, -ч, н(г)*: *ном* “книга” - *номыг* “книги”, *ах* “брат” - *ахыг* “брата”, *арга* “способ” - *аргыг* “способа”, *хана* “стена” - *ханыг* “стены”;

-ийг присоединяется после согласных в мягкорядных словах, кроме *-н*, а также шипящих *-ш, -ж, -ч*, мягких согласных, конечного *-и*, в твердорядных словах, а также заднеязычного *-г* в твердорядных словах: *эмээл* "седло" - *эмээлийг* "седла", *гэр* "дом" - *гэрийг* "дом", *багш* "учитель" - *багшийг* "учителя", *тараг* "кефир" - *таргийг* "кефира", *араг* "корзина" - *аргийг* "корзины";

-г после долгих гласных и дифтонгов и скрытого *-н*: *нохой* "собака" - *нохойг* "собаки", *тэмээ(н)* "верблюд" - *тэмээг* "верблюда", *хун* "человек" - *хууг* "человека", *морь*(*ин*) "конь" - *морийг* "коня";

∅ ставится в том случае, когда винительным падежом оформляются однородные члены, при этом падеж присоединяется к последнему члену: *Хумуууc узэсгэлэн тавьсан зураг, баримал, сийлбэр, хатгамалыг их сонирхов* "На выставке люди интересуются фотографией, резьбой, вышивкой";

4) в бурятском *-ые, -ие, -гые, -е*:

-ые получает основа имени, оканчивающаяся на краткий гласный, кроме *-и* или неустойчивый *-н*, или согласный, кроме *-н*: *хана* "стена" - *ханые* "стену", *шоно* "волк" - *шоные* "волка", *хэрэг* "дело" - *хэрэгые* "дело", *нуур* "озеро" - *нуурые* "озеро";

-ие получает основа имени, оканчивающаяся на краткий гласный *-и* или неустойчивый *-н*, которому предшествует краткий *-и*, а также с конечным переднеязычным *-н*, кроме того, с палатализованным согласным в заимствованных словах: *хуули* "закон" - *хуулие* "закон", *hони(н)* "новость " - *hонише* "новость", *тетрадь* - *тетрадие*;

-гые присоединяется к основе с заднеязычным *н(г): дэн(г)* "свеча"- *дэнгые* "свечу", *hан(г)* "казна" - *hангые* "казну";

-е принимает основа имени, оканчивающаяся на дифтонг, долгий гласный, а в заимствованиях - на ударный гласный, а также на неустойчивый *-н*, которому предшествует долгий гласный: *гахай* "свинья"- *гахайе* "свинью", *улаа* "подвода" - *улаае* "подводу", *шууяа(н)* "шум" - *шууяае* "шум".

Винительный падеж в языке дербетов обозначает прямой объект, на который направлено действие. Во многих языках есть винительный падеж - такая категориальная форма падежа, которая "представляет собой морфологическое образование, которое применяется для обозначения определенного объекта; для обозначения неопределенного объекта или объекта вообще

обыкновенно используется основная форма слова, не имеющая окончания, то есть форма именительного падежа" [Рамстедт 1957, с. 36].

Противопоставления винительного оформленного и именительного падежей должно быть проведено посредством противопоставления именительного падежа подлежащего винительному оформленному падежу прямого дополнения. Ср. дерб.К, дерб.М. *гал шатах* "разводить огонь", монг. *ном унших* "читать книгу", бур. *сай ууха* "пить чай", где оформление прямых дополнений в речи не наблюдается. Но в случаях типа дерб.К, дерб.М. *Тер күүкиг бәрж авв* "Он поймал девушку" оформленность прямого дополнения аффиксом винительного падежа наблюдается регулярно, видимо, потому, что одного порядка расположения членов предложения как средства разграничения подлежащего и дополнения в подобных случаях недостаточно. Оформленность прямого дополнения в тех нередких случаях, когда субъект и объект выражены различными местоимениями ("я тебя", "ты меня", "он его", "мы вас", "вы нас", "мы их", "они нас", "вас" и т. д.), наблюдается регулярно.

Анализируя соответствующие монгольские показатели, Г.Д. Санжеев писал: "Заслуживает внимание и то обстоятельство, что в дагурском, монгорском и могольском языках формативы родительного падежа соответственно единственные для всех основ, полностью совпали с формативами винительного падежа, также единственным для всех основ ... Это говорит об определенном единстве категорий родительного и винительного падежей, и недаром во многих монгольских языках и диалектах (кроме бурятских) эти падежи в равной степени оказываются средствами выражения субъекта в причастных и деепричастных оборотах" [Санжеев 1953, с. 160-161].

С последним заключением о выражении субъекта в притяжательных, или поссесивных, словосочетаниях формой винительного падежа, то есть как падежа прямого дополнения, согласиться нельзя. Возможно, именно в этом пункте смешение ставших омофоничными двух совершенно разных по своему значению или функции падежных показателей достигло своей кульминации. Если причастие или реже деепричастие являются глагольными формами транзитивными или интранзитивными, то они управляют в подобных случаях не формой имени в винительном падеже, а только и всегда

притяжательной формой. Эта форма может совпадать и с именительным падежом без показателя.

В роли прямого дополнения могут выступать субстантивированные причастия в форме винительного падежа, например, дерб.К, дерб.М. *кен энд бәәснig би меднәв*, бур. *хэнэй эндэ сугларhые би мэдэнэб* "я знаю, кто собрался здесь". Личные имена в значении прямого объекта всегда оформляются винительным падежом: дерб.К, дерб.М. *Бадмаг байрлулв*, монг. *Бадмийг баярласан*, бур. *Бадмае урмашуулбад* "Обрадовали Бадму".

2.4. Система обстоятельственных падежей

Дательно-местный (дательно-местно-временной) падеж в монгольских языках, в частности в языке дербетов России и дербетов Монголии наряду с исходным, совместным, орудным, направительным, относится к обстоятельственным падежам. В древности обстоятельственные падежи были более конкретными и более дифференцированными. Как известно, обстоятельственные падежи могут выражать пространственные и временные отношения, оформляя косвенное дополнение и обстоятельство.

Грамматическая многозначность дательно-местного падежа в монгольских языках связана с фонетическими типами основ склоняемых слов и фонетическими вариантами падежных форм. Различия в значении одних и тех же падежных форм обусловлены в какой-то мере лексическим значением склоняемого слова, а также значением того слова, с которым эта падежная форма связана синтаксически. Так, например, один и тот же аффикс дательно-местного падежа, например, в языке дербетов *-д/-т* оформляет имена существительные и субстантивированные слова при глагольных основах со значением "движение", "направление" или "местонахождение". Субстантивированное причастие в форме этого же падежа имеет значение времени, например, *йовсн-д* "когда поехал".

На примере одного из обстоятельственных падежей можно проследить функциональную многозначность форм дательно-местного падежа, переплетение значений разных по форме и связанную с этим их взаимозависимость. По сложившейся традиции, обстоятельственные падежи именуются

обычно лишь по одной из их функций, признаваемой наиболее характерной, хотя при этом отмечаются и их другие, иногда весьма различные, свойственные к тому же не одному, а двум или нескольким разноименным падежам. Ниже рассмотрим этот падеж более подробно.

Форма *дательно-местно-временного падежа (Dativ)* в классическом монгольском образуется с помощью аффиксов: *-du(r)/-dü(r), -tu(r)/-tü(r).* Так, например, аффикс *-tu(r)/-tü(r)* употребляется при основах с конечными согласными *-b, -g, -d, -r, -s: ulus-tur* "к стране", "в страну", "стране", *jüg-tür* "в сторону", "на стороне", *-du(r)/-dü(r)* употребляется во всех остальных случаях*: morin-dur* "к коню", "на коне", "коню". Для языка дербетов России и языка дербетов Монголии аффикс *-т* присоединяется к именам с конечными согласными *-р, -г, -б, -д, -с, -ш: гер* "дом"- *герт* "дому", *цаг* "время" - *цагт* "во время", *клуб* - *клубт* "в клубе", *эд* "материя" - *эдт* "материи", *орс* "русский" - *орст* "русскому", *багш* "учитель"- *багшт* "учителю"; *-д* присоединяется к именам с неустойчивым *-н*, конечными гласными и сонорными согласными *-л, -м*, а также согласными *-ң, -х, -к, -р, -т, -з, -ч, -ц*, в том числе редуцированными, не обозначаемыми на письме: *мал* "скот" - *малд* "скоту", *сам* "гребень" - *самд* "гребню", *хөн* "овца" - *хөнд* "овце", *аң* "зверь" - *аңд* "зверю", *ноха* "собака" - *нохад* "собаке", *зее* "племянник" - *зеед* "племяннику", *ах* "брат" - *ахд* "брату", *эмал* "седло" - *эмальд* " седлу";

Посредством дательно-местно-временного падежа выражаются различные синтаксические функции косвенного дополнения, обстоятельства места и времени. Этот падеж в языке дербетов России и языке дербетов Монголии выражает локализацию в пространстве и времени, что дает нам право называть его дательно-местно-временным падежом. Местные значения дательно-местно-временного падежа дают нам основание предполагать, что он был когда-то направительным падежом со значением цели, причины, обстоятельства. Он как бы является общенаправительным местным падежом. Тем не менее основным его значением является значение субъекта и объекта.

Объектное значение проявляется в обозначении лица или предмета, для которого (не) совершается действие, например, дерб.К, дерб.М.: *Намаг сурһульд йовулх саната* "Меня хотят отправить в школу".

Дательно-местно-временной падеж, кроме субъектно-объектных отношений, передает и обстоятельственно-определительные отношения, например, *Тер сән тоод* “Он на хорошем счету”.

Дательно-местно-временной падеж в языке дербетов России и языке дербетов Монголии представляет собой многозначную единицу. Выявление семантики и его функционирование в речи представляют интерес не только для калмыковедения, но и для монголоведения в целом. Данные формы передают значения, относяшиеся к широкому масштабу различных ступеней абстракции. Дательно-местно-временной падеж, вступая в отношения с глаголами движения, обозначает, что предмет может быть объектом, в направлении которого совершается действие, которого достигает, в который вторгается. Примеры: *Күүкд кинд йовсн* “Дети пошли в кино”, *Эн дегтрийг багшд өг* “Эту книгу передай учителю”. Из данных примеров видно, что значение падежа указывает на то, что предмет есть объект, в направлении которого совершается движение. Действительно, в первом примере представлены глаголы, обозначающие действия, которые могут совершаться как в направлении к предмету, так и в направлении от предмета. В подобных случаях форма дательно-местно-временного падежа несет основную смысловую нагрузку и его значение проявляет себя независимо от глагольных значений. Такие случаи функционирования падежных форм говорят в пользу субстантности грамматических значений.

Здесь представлены наиболее типичные значения, передаваемые посредством дательно-местно-временного падежа:

Дательно-местно-временной падеж объекта-адресата, с которым связано совершение действия, например: *Күүнд бичә нук малт - эврән унхч* “Не копай другому яму - сам упадёшь”, *Ах нь дүүдән нөкд болҗана* “Старший брат помогает младшему”, *Мини дүүд гэр өгчәна* “Моему брату дана квартира”;

Дательно-местно-временной падеж обозначает лицо или предмет, по направлению к которому совершается действие, например: *Тедүкн бәәсн хөвчд золһад һартн* “Проведайте чабана, находящегося в отдалении”, *Мини ачм сургууль орсн* “Мой внук поступил в школу”;

3. Дательно-местно-временной падеж прямого объекта при глаголе “любить”, например: *Ямаран чиг амтә юмн экдән дурта* “Любое живое существо любит свою мать”, *Бадма боорцогт дурта* “Бадма любит борцоги”;

4. Дательно-местно-временной падеж объекта-причины, например: *Догшн салькнд модд хамхрв* “Деревья ломались от сильного ветра”;

5. Дательно-местно-временной падеж превращения, например: *Орҗасн хур генткн цаснд хуврв* “Дождь мгновенно превратился в снег”;

6. Дательно-местно-временной падеж указывает на место совершения действия, например: *Сар уга чилгр теңгрт олн одд бигшрв* “В безлунном ясном небе множество звёзд”, *Голын эргд бәәсн* “На берегу моря находился”;

7. Дательно-местно-временной падеж указывает на время совершения действия, например: *Мартин арвнд ирх* “Приедет десятого марта”, *Ачм 1995 онд төрсн* ”Мой внук родился в 1995 году”, *Би 1984 онд ирүв* “Я приехал в 1984 году”;

8. Дательно-местно-временной падеж обстоятельства цели действия, например: *Би уснд одлав* “Я пошёл за водой”;

9. Дательно-местно-временной падеж цены, например: *Эн гериг дала мөңгнд үнлв* “Этот дом дорого оценили”;

10. Имя в дательно-местно-временном падеже встречается в качестве именного члена составного сказуемого, например: *Көлнь - шорад, санань - ширәд* “Ноги - в грязи, а помыслы на престоле”;

11. Дательно-местно-временной падеж оформляет грамматическое косвенное дополнение, выражающего в то же время реального исполнителя действия при глаголах в форме страдательного и побудительного залогов, например: *Мөндрт цокгдсн цецг* “Цветок, побитый градом”.

Таким образом, форма дательно-местно-временного падежа в языке дербетов России и языке дербетов Монголии содержит в себе семантику дательного и местного падежей с пространственно-временным значением и указывает на локализацию предмета или его действия, состояния в пространстве и времени.

Пространственное значение данной падежной формы зависит прежде

всего от семантики основы, к которой она присоединяется. Примеры: основа с предметным значением, называющая реальный предмет (*герт*, "в доме", *булңгд* "в углу"). Основа с временным значением, например, *тер цагт* "в то время", *тэр өдөрт* "в тот день", *хаварт* "весной". Собственно же локативное значение в основном создаётся не формальным показателем падежа, а послелогами.

Следовательно, в самой падежной форме значение места, видимо, ослаблено. Это значение передается именными локативными группами с послелогами *деер*; *дор*; *хөвн*; *ца*; *дунд; дотр*; *хажуд*; *һаза*; *тус*; *өвр*. Примеры: *гер деер* "над домом"; *гер дотр* "в доме"; *гер дор* "под домом"; *герин хөвн* "с северной стороны дома"; *герин ца* "за домом, позади дома"; *герин дунд* "в середине дома"; *герин хажуд* "около дома"; *герин һаза* "у дома"; *гер тус* "напротив дома"; *герин өвр* "около дома".

Кроме того, дательно-местно-временной падеж обозначает лицо, предмет или пункт, по направлению к которому или на (в) котором совершается действие: *баньд одх* "пойти в баню". Данное значение передаётся и более дифференцированно посредством послелогов *тал*; *деер*; *күртл*. Примеры: *бань тал одх* "пойти к бане".

Таким образом, при материальной общности форм дательно-местно-временной падеж в языке дербетов России и в языке дербетов Монголии существенных различий не наблюдается, что позволяет возвести равнозначные по функции падежные формы к единым архетипам.

Исходно-временной падеж в монгольских языках обозначает локализацию не только в пространстве, но и во времени. Основное значение исходно-временного падежа обозначать отправную точку любого действия или состояния в пространстве, от которой происходит движение или точку отсчета времени, от которого начинается действие. Фактически он выполняет определительно-обстоятельственное значение, в предложении выступает в роли косвенного дополнения.

Показатель исходно-временного падежа в монгольских языках по своему происхождению является составным и образуется с помощью следующих аффиксов:

1) в классическом монгольском языке Г.Д. Санжеев отмечает [1953, с. 169] *-ača/-eče*, иногда *-ča/ -če*:

Показатели данного падежа *-ača/-eče, -aac/-ээс, -aaca/-ээс, -aaha ~ -ha (← -aaha)* является многофункциональным и этимологически членимым, где первый компонент *-a/-e* < местный падеж и *-c (a) ~ -h* (← *-*ча* - исходный падеж, который был засвидетельствован в средневеком монгольском языке;

2) в калмыцком *-ac/-әc ~ -hac/-hәc ~ -гас/-гәс*:

-ac/-дс присоединяется при именах с конечными согласными и редуцированными гласными: *hарас* "из руки", *дерәс* "из подушки", *хотнас* "из деревни";

-hac/-hәс, где *-h* - интерфикс, получают имена с конечными гласными типа *такahас* "курицы", *тогәhәс* "от колеса";

-гас/-гәс, где *-г* - интерфикс, получают имена с конечным носовым *-н* типа *аң* "зверь" - *аң гас* "зверя", *доң* - *доңгәс* "от помощи";

3) в монгольском языке *-aac/-ээс/-ooc/-өөс,-иас/-иос, -∅:*

-aac/-ээс: *гар* "рука" - *гараас* "из руки", *гэр* "дом" - *гэрээс* "из дома";

-ooc/-өөс: *өглөө* "утро" - *өглөөнөөс* "с утра", *хот* "город" - *хотоос* "из города";

-иас, иос: *толь* "зеркало" - *толиос* "от зеркала", *анги* "группа" - *ангиас* "из группы";

4) в бурятском языке *haa/-hээ/-hoo/ -hөө,-гhaa/-гhээ/-гhoo/-гhөө:*

-haa/-hээ/-hoo/-hөө получает основа имени с любым гласным, а также согласным, кроме *-н(г):* *yhан* "вода" - *yhанhaa* "из воды", *гэр* "дом" - *гэрhээ* "от дома", *модон* "дерево" - *модонhoo* "от дерева";

-гhaa/-гhээ/-гhoo/-гhөө получает основа имени с конечным заднеязычным согласным *-н(г),* (фонетическое написание *-н*): *булан(г)* "угол" - *булангhaa* "от угла", *үзэсхэлэн(г)* "выставка" - *үзэсхэлэнгhөө* "с выставки".

Исходно-временной падеж обозначает место, из которого берется или извлекается что-либо: дерб.К, дерб.М *сумкас hаhх*, монг. *цунхноос гаргах*, бур. *сумкahаа гаргаха* "вытащить из сумки"; калм. *орчәс hаhх*, монг. *өврөөс авах*, бур. *үбэрhөө абаха* "вынуть из-за пазухи".

Это же значение передается посредством послелогов дерб.К, дерб.М. *деерэс* монг. *дээрээс*, бур. *дээрэһээ*; дерб.К, дерб.М. *дорас*, монг. *доороос*, бур. *дорохоо*; дерб.К, дерб.М. *дундас*, монг. *дундаас*, бур. *дундаһаа*; дерб.К, дерб.М. *дотр*, монг. *дотроос*, бур. *соохоо//дотороо*; дерб.К, дерб.М. *ур-дас*, монг. *урдаас*, бур. *урдаһаа*. Примеры: дерб.К, дерб.М. *стол деерэс*, монг. *ширээн дээрээс*, бур. *стол дээрэһээ* "со стола"; дерб.К, дерб.М. *һазр дорас*, монг. *газар доороос*, бур. *газар дорохоо* "из-под земли"; дерб.К, дерб.М. *адуна дундас*, монг. *адууны дундаас*, бур. *адуунай дундаһаа* "из табуна"; дерб.К, дерб.М. *бәәшңг дотрас*, монг. *байшин дотроос*, бур. *байшан дотороо//соохоо* "из здания"; дерб.К, дерб.М. *герин урдас*, монг. *гэрийн урдаас*, бур. *гэрэй урдаһаа* "с передней стороны дома".

Кроме того, исходно-временной падеж обозначает пункт, откуда начинается действие, движение, например, дерб.К, дерб.М. *һолас ирх*, монг. *голоос ирэх*, бур. *голһоо ерэхэ* "прийти с реки"; дерб.К, дерб.М. *белчрәс хәрх*, монг. *бэлчээрээс буцах*, бур. *бэлшээриһээ бусаха* "вернуться с пастбища". Данное значение также может передаваться именной группой с послелогом дерб.К, дерб.М. *деерәс*, монг. *дээрээс*, бур. *дээрэһээ:* дерб.К, дерб.М. *һол деерәс ирх*, монг. *гол дээрээс ирэх*, бур. *гол дээрэһээ ерэхэ* "прийти с реки".

1. Исходно-временной падеж имеет обозначает исходное место действия типа дерб.К, дерб.М. *Балһснас һарв*, монг. *Хотоос гарав*, бур. *Городһоо гараба* "Выехали из города";

2. Исходно-временной падеж обозначает время начала действия типа дерб.К, дерб.М. *хаврас авн*, бур. *хабарһаа эхилжэ*, монг. *хавраас эхэлнэ* "начиная с весны";

3. Исходно-временной падеж обозначает отношение части к целому типа дерб.К, дерб.М. *Махнас идв* "Съел немного мяса", монг. *Энэ сурагчдаас хамгийн сайн нь тэр*, бур. *Эдэ һурагшадһаа бэрхэнь тэрэ* "Из этих учеников лучший тот";

4. Исходно-временной падеж обозначает действующее лицо типа дерб.К, дерб.М. *Багшас бичг ирсн*, монг. *Багшаас захиа ирсэн*, бур. *Багшаһаа бэшэг ерээ* "От учителя пришло письмо";

5. При образовании сравнительной конструкции предмет, с которым сравнивается другой предмет, ставится в исходно-временном падеже типа

дерб.К, дерб.М. *Келн утхас хурц* “Язык острее ножа”, монг. *Эхийн сэтгэл сүүнээс цагаан*, бур. *Эхын сэдхэл һүннөө сагаан* “Душа матери белее молока”;

6. Исходно-временной падеж указывает на причину действия типа дерб.К, дерб.М. *Киитнэс гарм даарв*, монг. *Миний гар хүйтнээс даарав*, бур. *Минии гар дарараба* “Мои руки замерзли из-за холода”.

Характерной особенностью языка дербетов является то, что глаголы “бояться”, “просить”, “брать”, “взять” требуют, чтобы имя стояло в исходно-временном падеже.

Орудный падеж. Как известно, орудному падежу как в языке дербетов России, так и языке дербетов Монголии характерно значение орудия или средства, при помощи которого производится действие. Отсюда и название “орудийный”. Форма орудного падежа выражается аффиксами *-ар/-яр/-әр, һар/-һәр, гар/-гәр* (*- гаар/-гәәр*). Рассмотрим каждый аффикс в отдельности, так, например, *-ар/-яр/-әр* присоединяются к именам с конечными согласными и редуцированными гласными по закону гармонии гласных. Неустойчивый *-н* при склонении выпадает: дерб.К. *гесн,* дерб. М. *гессен* “живот, брюхо” и соответственно *гесәр – гессээр* “животом, брюхом”, дерб.К. *модн,* дерб. М. *модан* - “дерево” – соответственно *модар- модаар* “деревом”; дерб.К. *-һар/-һәр* // дерб.М. *–гар/-гääр*, где *–һ/г* является соединительным согласным: *така* “курица” - *такаһар* “курицей” и соответственно *такää - такäägäär*; дерб.К. *зее* “внук” - *зеehәр* “внуком; дерб.М. *зээ – зээгäär*; дерб.К. *-гар/-гәр* присоединяются к именам с конечными *–ң аң* “зверь” - *аңгар* “зверем”, *дөң* “помощь” – *дөңгәр* “помощью”, дерб.М. *äнги* “класс” - *äнгигäär* “классом”. Орудный падеж в указанных языках многофункционален. Основная функция этого падежа в предложении - выражать объектные, темпоральные и локальные отношения.

Таким образом, орудный падеж в языке дербетов Калмыкии и Монголии обозначает место или пространство, где передвигается (или находится) предмет: дерб.К. *хаалһар*”по дороге” *огтһуһар*, “по небу”, *герәр* “по дому”, дерб.М. *нутугаар* “по родному кочевью”. Это же значение передается именными локативными группами с послелогами, например, дерб.К. *деегур*,

дорахур и т.п., дерб.М. *дээгүүр, дораагуур.* Примеры: дерб.К. *усн дээгүр*, "над водой", *усн дорахур,* "под водой", *герин урдар,* "перед домом", *герин цаахар,* "за домом", *герин дундар,* "посередине дома", *гер дотрахар*, "по всему дому".

Что касается формы орудного падежа типа дерб.К. *хаалһ-ар* "дорогой", *салькэр* "ветром", дерб.М. *цаг-аар* "временем", *мал-аар* "скотом", то долготу гласного в языке дербетов Монголии в составе падежного аффикса можно объяснить тем, что в его составе в прошлом был согласный *-г* со значением определенности. В ходе развития языка этот *-г* исчез, образуя вторичную долготу. Ср. *хада* "скала": *хада-га-р* > *хада-ар* "скалой".

В указанных языках орудный падеж обозначает субъект действия при сказуемом в форме страдательного или побудительного залога типа дерб.К. *нертэ зурачар зургдсн зург* "картина, написанная известным художником", Орудный падеж богат различными обстоятельственно-определительными значениями. Этот падеж имеет значение продольности или транзитива.

1. При обозначении разных средств передвижения, например, дерб.К. *йовһар ирх*, "придти пешком"; дерб.М. *мориор ирэх* "приехать на лошади";

2. При обозначении материала, посредством которого совершается действие или из которого что-либо делается, например, дерб.К. *тоосхар тосхх*, "строить из жженого кирпича"; *торгоор уйсан дээл* "дели, сшитое из шелка";

3. При обозначении орудия действия или средства для совершения какого-либо действия, например, дерб.К. *алхар цокх*, "бить молотком"; дерб.М. *гараар цоких* "бить рукой";

4. При обозначении времени и временного состояния, например, дерб.К. *хаврар ирв*, "прибыли весной"; дерб.М. *хавраар ирэв* "прибыли весной";

5. Орудный падеж обстоятельства места или пространства, где находится или совершается действие, например, дерб.К. *шин хаалһар йовна*, дерб.М. *шинэ хаалгаар явав* "идут по новой дороге";

6. Орудный падеж цены, обозначающий стоимость чего-либо, например, дерб.К. *арслңгар авув*, дерб.М. *нэгэн төгрөгөөр авав* "купил за рубль";

7. Орудный падеж меры или объема, например, калм. *аһар дуурңгчи*, "полная чашка вишен";

8. Орудный падеж в сочетании с именем прилагательным выступает в роли ограничителя какого-либо признака, например, дерб.К. *малар байн күн*, дерб.М. *малаар баян хүн* “Человек, богатый скотом”;

9. Орудный образа действия, например, дерб.К. *сүкәр мод чавчв*, дерб.М. *сүкээр модо хаглах* “колоть дрова топором”;

10. Орудный падеж обозначает субъект или реального исполнителя действия при побудительном залоге, например, дерб.К. *Бадмаһар цә халулх*, дерб.М. *Бадмагаар цай халуулах* “Заставить Бадму подогреть чай”.

В зависимости от контекста орудный падеж выполняет различные значения.

Совместный падеж как категориальная форма падежа выражает лицо или предмет, которые принимают участие в общем действии с другими лицами или предметами. А.Попов и А.А. Бобровников соединительный и совместный падежи рассматривали как формы одного падежа.

В.Л. Котвич [1915, с. 82] впервые рассматривал эти падежи как два самостоятельных падежа, назвав их как соединительный I и соединительный II. Б.Б. Бадмаев [1966, с. 49] называет соединительный II совместным, что соответствует общей интерпретации этих падежей в общемонгольском плане.

Форма совместного падежа во всех монгольских языках, кроме халхамонгольского, представлена одинаково:

1) в классическом языке *-tai/-tei,* например, *moritai* “с конем” или “имеющий коня”, *ger-tei* “имеющий дом”;

2) в калмыцком языке *-тә/-тә*:

Следует обратить внимание на то, что в калмыцком языке образование формы совместного падежа имеет ряд особенностей: в именах нарицательных неустойчивый *-н* при наращении аффикса выпадает, например, *модн* “дерево”, но *модта* “с деревом”. В именах собственных при наращении аффикса совместного падежа *-н* сохраняется, например, ср. *кермн* “белка”, *кермтә* “с белкой”, но *Кермн* (женское имя), *Кермнтә* “с *Кермен*”;

3) в монгольском языке *-тай/-той/ -тэй*:

-тай/-той/-тэй, например, *хад* “скала” - *хадтай* “скалой”, *мод(он)* “дерево” - *модтой* “деревом”, *үйлдвэр* “предприятие” - *үйлдвэртэй* “предпри-

ятием". В монгольском языке к этому падежу могут быть присоединены формы диминутива: *-втар/-втор/-втэр*, например, *морьтойвтор* "с лошадкой", а также *-дуу/-дуу*, например, *морьтойдуу* "с лошадкой";

4) в бурятском языке *-тай/-тэй/-той* присоединяется ко всем основам независимо от конечного звука, например, *таха* "подкова" - *тахатай* "с подковой", *шэрээ* "стол" - *шэрээтэй* "со столом". Если основа оканчивается на неустойчивый *-н*, то при наращении данной формы к основе этот *-н* исчезает, например, *мор(ин)* "конь" - *моритой* "с конем".

Совместный падеж в языке дербетов выражает комитативные отношения, являясь косвенным дополнением. Ему характерна двойственная природа: он обозначает объект обладания, например, дерб.К., дерб.М. *дегтртә күүкн* "девушка с книгой" и признак субъекта, например, дерб.К., дерб.М. *күчтә күн* "сильный человек". Такая двойственность природы данного падежа, по всей вероятности, вызвана тем, что омертвевший аффикс прилагательного *-т*, который восходит к *-ту/-тү*, семантически слился с аффиксом *-та/-тә*. В современном языке произошло отпочкование и образование особого аффикса прилагательного *-та/ -тә*, составляющего с последним омоним. Можно констатировать, что отвлеченные имена существительные с аффиксом *-та/-тә* должны рассматриваться как имена прилагательные. Предметные же имена пока сохраняют значение объекта. Следует четко разграничить, в каком случае, например, аффикс калм. *-та/-тә* имеет статус словообразовательного форманта. По нашему мнению, этот аффикс выражает совместность лишь в случае наращивания его к именам перед глаголами. А в случае наращивания к именам перед существительными, он образует прилагательное.

Совместный падеж в монгольских языках имеет следующие значения:

1. Имя в совместном падеже обозначает предмет или лицо, с которым действующее лицо совершает какое-либо действие, например, дерб.К., дерб.М. *Багшта ирв*, монг. *Багштай ирэв*, бур. *Багшатай ерэбэ* "Я пришел с учителем";

2. Совместный определительный обладания типа дерб.К., дерб.М. *Мана багш гертән олн дегтртә*, монг. *Манай багшийнх гэртээ олон номтой* "У

нашего учителя дома много книг"; бур. *Доржо бэлэгтэй, ухаатай хүн байһан юм* "Доржи был одаренным, умным человеком";

3. Совместный падеж может указывать на внешний вид, одежду, украшение например, дерб.К., дерб.М. *һартан чачрта, торһн бишмүдтэ* "в руке с зонтиком, в красивом платье"; монг. *Нүдэнд шилтэй, цагаан сайхан царайтай*, бур. *Нюдэндөө шэлтэй, сэбэр сагаан шарайтай* "В очках, с чистым белым лицом";

5. Совместный падеж обозначения тары, какой-либо посуды, в которой что-либо содержится, например, дерб.К., дерб.М. *үстэ суулһ*, монг. *сүүтэй хувин* "ведро с молоком", бур. *хүнэгтэй һүү* "ведро с молоком";

6. Совместный падеж широко оформляет именное сказуемое, как бы заменяя собой глагол, например, дерб.К., дерб.М. *Күн ахта, девл захта бәәдг*, монг. *Хүн ахтай дээл захтай*, бур. *Хүн ахатай, дэгэл захатай юм* (пословица) "У человека есть старший, а у шубы - воротник".

Соединительный падеж, форматив которого представлен в памятниках классического монгольского языка в виде *-luγa/ -lüge*, из современных языков в ордосском диалекте *–ла/-ле/-ло/-лө*, в могольском - *-леі*, в монгорском - *-ла*, в дербетском языке - *-ла/-лә*. Аффикс *-luγa/-lüge*, по сравнению с синонимичным *-tai/-tei*, не может образовывать имена прилагательные и никогда не выступает в качестве определения. Основная функция - косвенное дополнение. Примеры: дерб.К., дерб.М. *Хөөдлә ямад хәрүлнә* "Вместе с овцами пасут и коз". Широко употребляется форма соединительного падежа в дербетском языке при выражении обстоятельства времени, как бы заменяя дательно-местный падеж обстоятельства времени, например: *Арвн тавн часла поезд ирх* "Поезд прибудет в пятнадцать часов".

Направительный падеж. Появление этого падежа связано с переходом послелога *уруу* со значением "к", "вниз" в падежный аффикс. Так, лексема *уруу*, наряду с его употреблением в качестве самостоятельного слова, в результате исторического развития теряет анлаутное "у" и превращается в словоизменительный аффикс, подчиняясь закону сингармонизма, принимает варианты *-руу/-рүү*. С появлением этого падежа часть функций дательно-

местного падежа перешла к направительному падежу, также сузилось употребление послелогов дерб.К., дерб.М. *тал*, монг. *тийш*, бур. *тээшэ*. За дательно-местным падежом сохранились значения, связанные с нахождением и приближением, а понятия же, связанные с внешней стороной направления, перешли к направительному падежу:

1) в классическом языке функционировал послелог *uruyu*, например, *qota uruyu* “в город”, “в сторону города”;

2) в калмыцком языке *-ур/-үр, -һур/-һүр, -гур/-гүр*:

-ур/-үр присоединяется к основе с конечными согласными и редуцированными гласными по закону гармонии гласных: *һар* “рука” - *һарур* “к руке”, *гер* “дом” - *герүр* “к дому”;

-һур/-һүр присоединяется к основе с конечными ясными гласными: *така* “курица” - *такаһур* “к курице”;

-гур/-гүр присоединяется к основе с конечными *-ң: савң* “мыло” - *савңгур* “к мылу”;

3) в монгольском языке *-руу/-рүү, -луу/-лүү:*

-луу/-лүү получают основы на *-р: гер-лүү* “к дому”, *гол руу* “к реке”;

-руу/-рүү получают основы на гласные и согласные, кроме *-р*: *уул руу* “к горе”, *ширээ рүү* “к столу”;

4) в бурятском языке, как уже нами было сказано выше, *уруу* не образовал падежного аффикса и остался послелогом со значением “в, по, на” для обозначения направления действия [Черемисов 1973, с. 477]. В разговорном бурятском языке он может сливаться с основой и утрачивать начальный *у-*, например, *модон уруу* наряду с *модо руу* “к дереву”. В нормативной бурятской грамматике он рассматривается как послелог [Грамматика бурятского языка, с. 31], в орфографии допускается двоякое написание: *уруу* и *рүү* [Буряад бэшэгэй дурим ба словарь..., с. 307, 375].

Имя в направительном падеже употребляется в положении косвенного дополнения, обозначая лицо, предмет, к которому направлено действие типа дерб.К., дерб.М. *багшур одв* “, монг. *багш руу очив* “пошел к учителю”. Имя в форме направительного падежа обозначает пункт назначения дейст-

вия типа дерб.К., дерб.М. *би балһсур орв* “я поехал в город”, монг. *байшин руу оров* “вошел в дом”.

Направительный падеж может выражать обстоятельство времени при наличии временных слов и глаголов движения типа дерб.К., дерб.М. *Сар харңһуд чон хашаһур өвөрдв* “В безлунную ночь волки приблизились к кошаре”.

Падежи ограниченного употребления (Реликтовые падежи) в монгольских языках выделяется несколько падежей, которые называются либо редуцированными (застывшая форма наречия), либо редко употребляемыми. Следует отметить, что Г.Д. Санжеев выделяет особо падежи так называемого “ограниченного распределения”: падеж предела в ойратском языке с формантом *-цаа/-цоо*, в монгольском *-цаа/-цээ/-цоо/-цөө*, в бурятском *-саа/-сээ/-соо/-сөө*. Данные аффиксы принимают единичные слова. В древнем же языке этот падеж с формой *-ča/-če* использовался широко [см. Godzinski, с. 94-95].

В монгольских языках в свое время был неопределенно-местный или расширительный падеж с формантом *-уур/-үүр, -гуур/-гүүр -уур/-үүр*, например, монг. *доогуур* “по низине”, *хойгуур* “стороной”, *дотуур* “по низине”, *гадуур* “снаружи”, *дээгүүр* “поверху”, *хөдөөгүүр* “по степи”. В современных монгольских языках формы этого падежа, лексикализовавшись, перешли в наречия места, например, монг. *цаагуур*, дерб.К., дерб.М. *цаһур*, бур. *саагуур*, “по той стороне”, монг, бур. *наагуур*, дерб.К., дерб.М. *наһур* “по этой стороне”, “перед чем-то”, дерб.К., дерб.М. *дорагур*, бур. *доогуур* “низом”, *дээгүүр* “поверх”, *үглөөгүүр* “утром”.

Многие из падежей функционировали в разные периоды развития средневекового и классического монгольского языка, но в процессе эволюции строя монгольских языков некоторые падежи отмирали, выходили из активного употребления и уже отсутствуют в современных монгольских языках, как, например, местный падеж с формативом *-а/-е: газар-а* “в стране”, соединительный падеж с формантом *-luγa/-lüge: yabuqu-luγa* “когда пошли”, падеж предела: дерб.К., дерб.М. *тергэ* “высотой с телегу”, монг. *шагайцаа* “по щиколотку”, бур. *хоолойсоо* “по горло” и неопределенно-местный или расширительно-местный монг. *ходоогуур* “по степи”, выдвига-

лись на периферию, превращались в наречия, что произошло, например, с транзитивом. В последующих работах монголистов указанные падежи, за исключением направительного, не нашли своей ниши в падежной системе.

Таким образом, в монгольских языках имеются реликты древней падежной системы:

дерб.К., дерб.М. *-hур/-гур*, монг., бур. *-гуур/-гүүр*, стп..-м. *-γur/-gür* со значением транзитива в пространстве и времени, например, дерб.К., дерб.М. *деегур*, монг., бур. *дээгүүр*, стп.-м. *degegür* "поверху"; дерб.К., дерб.М. *дорahур*, монг., бур. *доогуур*, стп.-м. *douγur*, *doγuγur*. [Болд, с. 110-111; Дондуков 1964, с. 115; Орловская 1974, с. 186; Рассадин 1999, с. 82];

дерб.К., дерб.М. *ца* "там", "по ту сторону", стп.-м. *ñaγan-a*, монг., бур. *наана* "здесь", "на этой стороне", монг. *дорана* "внизу", стп.-м. *emine* "впереди" [Дондуков 1964, с.115; Орловская 1974, с. 185-186; Рассадин 1999, с.81-82];

дерб.К., дерб.М. *дор*, монг. *доор*; стп.-м. *doru*, *dour-a* "внизу", бур. *дээрэ*, ср. калм. *деер*, монг. *дээр*; стп.-м. *deger-e* "наверху" [Дондуков 1964, с. 115; Рассадин 1999, с. 82];

дерб.К., дерб.М. *-аран* со значением пространства на эту сторону, по ту сторону: *нааран* "сюда", *цааран* "туда", *альдаран*, *хамаран* "куда".

2.5. Имя прилагательное

Как известно, имя прилагательное в монгольских языках рассматривается как самостоятельная часть речи, называющая признак в каком-то предмете. Имени прилагательному характерна подчиненность от зависимых слов. Тип связи в монгольских языках между прилагательным и зависимым словом выражается посредством примыкания. Положение прилагательного в составе атрибутивной группы всегда препозиционно. Основная функция прилагательного - функция определения, дополнения, именной части сказуемого, в орудном падеже выступает в роли обстоятельства образа действия, что позволяет им в этой форме лексикализоваться в виде наречия. Это связано прежде всего с тем, что в монголоведении вопрос о частях речи не получил должного освещения.

К числу спорных вопросов относятся имена прилагательные, которые не обладают внешними морфологическими показателями, отличающими их от других частей речи, в частности, от имени существительного и наречия. Также имена прилагательные не имеют специфических синтаксических средств связи с определяемым словом. Связь между определением и определяемым осуществляется посредством закона синтаксической связи примыкания.

В современных монгольских языках, как и в древнем языке, когда именные основы выступают в качестве определения, как правило, появляется неустойчивый *-н* в халха-монгольском и скрытый *-н* в дербетском и бурятском языках. Ср. монг. им. п. *мод(он)* "дерево", *чулуу(н)* "камень", *морь(ин)* "конь", *хонь(ин)* "овца", соответственно дерб.К., дерб.М. им. п. *модн, чулун, мөрн, хөн* и бур. *модон, шулуун, морин, хонин.* Появление *-н* в атрибутивных сочетаниях вносит новую смысловую нагрузку: дерб.К., дерб.М. *модн гер*, монг., бур. *модон гэр* "деревянный дом". А.А. Бобровников отмечает, что формант *-т*, выполняющий функцию определения, ср. *буянт хүн* "добродетельный человек", но не *буян хүн.*

Качественные прилагательные с семантической точки зрения могут рассматриваться как: а) параметрические прилагательные; б) оценочные прилагательные; в) прилагательные, обозначающие цвет или форму; г) прилагательные, обладающие отрицательным признаком.

1. Параметрическими прилагательными называют прилагательные, которые образуют антонимические пары типа дерб.К., дерб.М. *хар - цаһан* "черный - белый", *хату - җөөлн* "твердый - мягкий", *ик - бичкн* "большой - маленький", *ут - ахрхн* "длинный - короткий", *хуучн - шин* "старый - новый", *сән - му* "хороший - плохой", *халун - киитн* "горячий - холодный", *бүдүн - нәрхн* "толстый - тонкий", *өндр - маштг* "высокий - низкий" и т.д., различие между которыми может быть возведено к противопоставлению "больше нормы" - "меньше нормы". Прилагательные *бичкн*, *маштг*, выражают недостижение нормы, а их антонимы - превышение нормы.

2. К оценочным прилагательным относятся прежде всего слова типа дерб.К., дерб.М. *сән* "хороший", *му* "плохой", как было замечено выше, выражающие общую оценку. Оценка требует соотнесения с нормой, которая в

данном случае отражает определенные стандарты и требования. Оцениваемые свойства объекта зависят от его типов. Ср. одно из толкований слова "хороший": "такой, какой хотели бы, чтобы стал", например, дерб.К., дерб.М. *сән күн* "хороший человек", *сән өдр* "хороший день", *сән мөрн* "хороший конь". Норма для общеоценочных прилагательных является положительной: хороший выражает соответствие норме, а плохой - несоответствие (недостижение нормы).

Выражение усиления или ослабления степени качества в монгольских языках может совмещаться с прагматическими задачами, а иногда и вытесняться ими. Средства выражения усиления степени качества используются для повышения убедительности высказывания, а средства, выражающие ослабление признака, - для снижения категоричности утверждения. Соотношение этих двух целей отчасти зависит от значения прилагательного. Так, аффиксальные образования с аффиксом: дерб.К., дерб.М. *-втр/-вр, -цр*, монг. *-втар/-втэр/-втор/-втөр, -дуу/-дүү*, бур. *-бтар/-бтэр/-бтор, -бар/-бэр/-бор* от цветообозначений используются именно для выражения ослабленной интенсивности, например, монг. *хар* "черный" - *харавтар* "черноватый", *шар* "желтый" - *шаравтар* "желтоватый, *хөх* "синий" - *хөхөвтөр* "зеленоватый"; *цоохор* "пестрый" - *цоохордуу* "пестроватый", *хар* "черный" - *хардуу* "черноватый", *хөх* "синий" - *өохдүү* "синеватый", *ногоон* "зеленый" - *ногоондуу* "зеленоватый"; дерб.К., дерб.М. *цаһан* "белый" - *цаһавтр* "беловатый", *улан* "красный" - *улавр* "красноватый", *цаһан* "белый" - *цаһавр* "беловатый", *хар* "черный" - *харцр* "черноватый", *шар* "желтый" - *шарцр* "желтоватый"; бур. *сahаан* "белый" - *сahаабтар*, *ногоон* "зеленый" - *ногообтор* "зененоватый", *хүрин* "коричневый" - *хүрибтэр* "коричневатый", *улаан* "красный" - *улабар* "красноватый".

Особенности степени качества и их формы были подробно разработаны М.Н. Орловской, которая выделяла в современном монгольском языке сравнительные конструкции, выражающие только качественное различие в обладании каким-то признаком.

Мы разделяем точку зрения М.Н. Орловской, и, руководствуясь положением, выработанный ею, мы можем выделить в монгольских языках три формы сравнения качественных прилагательных, не считая основную фор-

му прилагательного, от которой образуются все остальные: а) форма ослабленной степени качества; б) форма усиленной степени качества; в) форма сравнительной конструкции.

Форма ***ослабленной степени*** качества выражает уменьшение, ослабление качества по отношению к тому, что обозначается основой имени прилагательного. Данная форма образуется путем присоединения к основе прилагательного аффиксов, которые могут взаимозаменяться, например, дерб.К, дерб.М. *-вр, -цр, -хн*, например, *улан* "красный" - *улавр* "красноватый", *цаһан* "белый" - *цаһавр* "беловатый", *хар* "черный" - *харцр* "черноватый", *шар* "желтый" - *шарцр* "желтоватый", *киитн* "холодный" - *киитцр* "холодноватый", *дулан* "теплый" - *дулахн* "тепленький", *бичкн* "маленький" - *бичкхн* "малюсенький"; монг. *-втар/-втэр/-втор/-втөр, -дуу/-дүү, -хан/ -хэн/-хон/-хөн* и *шиг*. Примеры: *хар* "черный" - *харавтар* "черноватый", *шар* "желтый" - *шаравтар* "желтоватый, *хөх* "синий" - *хөхөвтөр* "зеленоватый"; *цоохор* "пестрый" - *цоохордуу* "пестроватый", *хар* "черный" - *хардуу* "черноватый", *хөх* "синий" - *хөхдүү* "синеватый", *ногоон* "зеленый" - *ногоондуу* "зеленоватый"; *нарийн* "тонкий" - *нарийхан* "тоненький", *шинэ* "новый" - *шинэхэн* "новенький", *урт* "длинный" - *уртшиг* "длинноватый"; бур. *-бтар/-бтэр/-бтор, -бар/-бэр/-бор, -шаг,/шэг/-шог/-шиг*, например, *сahаан* "белый" - *сahаабтар*, *ногоон* "зеленый" - *ногообтор* "зеленоватый", *хүрин* "коричневый" - *хүрибтэр* "коричневатый", *улаан* "красный" - *улабар* "красноватый", *хүйтэн* "холодный" - *хүйтэбэр* "холодноватый", *һарюу* "кривой" - *һарюушаг* "слегка кривой", *үндэр* "высокий" - *үндэршэг* "высоковатый", *боро* "серый" - *борошог* "сероватый".

Форма усиленной степени качества в монгольских языках передается различными способами. Основные из них следующие.

1. Самый распространенный - использование различных наречий или словосочетаний со значением меры, например, дерб.К, дерб.М. *авр, дегад, йир, маш, зөвәр* "очень", например, *сән* "хороший" - калм. *авр сән - дегад сән - йир сән* "очень хороший", *халун* "холодный" - *зөвәр халун* или *дегад халун - йир халун* "очень холодный", *улан* "красный" - *маш улан* или *авр улан - дегад*

улан - йир улан ≈ чис улаан “очень красный”; монг. *маш*, *тун*, *дэн*, *нэн*, *цэл*, *час* ”очень”, например, *бүдүүн* “толстый” - *маш бүдүүн*, *муу* “плохой” - *тун муу* “очень плохой”, *догшин* “свирепый” - *нэн догшин* “очень свирепый”, *их* “большой” - *нэн их* “очень большой”, *хөх* “синий” - *цэл хөх*, *улаан* “красный” - *час улаан* “очень красный”; бур. *аяр*, *шад*, *угаа*, *лаг* “очень”, *тон*, *шэб* “совсем”, *пад*, *шал* “совершенно”, *сэб* “исключительно”, *дан* “чересчур”, *яһала* “довольно”, например, *сэсэн* “умный” - *угаа сэсэн* “очень умный”, *ноерхуу* “высокомерный” - *дан ноерхуу* “слишком высокомерный”, *улаан* “красный” - *шад улаан* “очень красный”, *хара* “черный” - *пад хара* “очень черный”, *өндөө* “другой” - *тад өндөө* “совершенно другой”, *тэнэг* “глупый” - *шал тэнэг* “очень глупый”, *хүйтэн* “холодный” - *сэб хүйтэн* “очень холодный”, *хүхэ* “синий” - *сэл хүхэ* “очень синий”. Иногда в роли усилителя выступает лексема дерб.К, дерб.М. *ик*, монг. *их*, бур. *ехэ* “большой”, например, дерб.К, дерб.М. *ик сән*, монг. *их сайн*, бур. *ехэ һайн* “очень хороший”. При этом лексемы дерб.К, дерб.М, *маш*, *йир*, монг. *маш*, *бур*, *их*, *маш их*, бур. *угаа*, *тон*, *айхабтар*, *ехэ*, *бузар* весьма продуктивны и образуют аналитическую форму усиленной степени качества от любого качественного прилагательного, например, дерб.К, дерб.М *дегд ухата күн* “очень умный человек”.

2. Для выражения усиления степени качества используется усилительное местоимение, например, дерб.К, дерб.М. *хамгин, кецу* и *даву*, монг. *хамгийн* ”, бур. *эгээн* с общим значением “самый”. Примеры дерб.К, дерб.М. *бат* “крепкий” - х*амгин бат*, *кецү бат*, *даву бат* “самый крепкий”; монг. *хайрт* “любимый” - *хамгийн хайрт* “самый любимый”, *сайн* “хороший” - *хамгийн сайн* “самый лучший”; бур. *һайн* “хороший” - *эгээн һайн* “самый лучший”.

3. Усиленная степень качества может выражаться путем удвоения основы имени прилагательного, то есть частичной редупликации, причем одна из них усекается до первого слога, к которой добавляется монг. *-в*, например, дерб.К, дерб.М. *-б*, например, *хар* “черный” - *хаб хар*, “совсем черный”, *цаһан* “белый” - *цаб цаһан* “совсем белый“, *ценкр* “голубой”- *цеб ценкр* “самый голубой”; *хар* “черный”- *хав хар* “совсем черный”, *шар* “желтый” - *шав шар* “совсем желтый”, *цагаан* “белый” - *цав цагаан* “совсем белый”, *улаан* “красный” - *ув улаан* “совсем красный”; бур. *хара* “черный” -

хаб хара “совсем черный”, *сahаан* “белый” - *саб сahаан* “совсем белый”. Данный способ передачи степени качества может, видимо, рассматриваться как определенный вид звукоподражания, или звуковой символики.

4. Весьма употребителен в калмыцком языке и такой способ выражения усиления степени качества, который можно назвать редупликационным, то есть использование удвоения прилагательного, например, дерб.К, дерб.М *ик* “большой” - *ик-ик* “очень большой”, “пребольшой”, *хурдн* “быстрый” - *хурдн-хурдн* “очень быстрый”, “быстрый-быстрый”.

5. Особым вариантом редупликации является конструкция “повтор основы, но с фонетической трансформацией начального звука” и иметь значение интенсива, например, дерб.К, дерб.М. *баахн* “небольшой”, *баахн-саахн* в значении “малое”, *бичкн* “маленький”, *бичкн-сичкн* “в общем-то маленькие”. Явление это широко представлено в монгольских языках.

6. Усиленная степень качества выражается конструкциями: *исх. п.* + *им. п. ед. ч.*, например, дерб.К, дерб.М. *икәснь ик* “самый большой”, *сәәнәснь сән* “лучший из лучших” или *род. п. ед. ч.* + *им. п. ед. ч*, например, монг. *ихийн их* “самый большой”, *сайны сайн*, бур. *һайнай һайн* “лучший из лучших”. Последняя конструкция явно лексически ограничена и притом наполнима только прилагательными с положительным значением.

Семантической основой *формы сравнительной конструкции* в монгольских языках является количественная оценка меры признака. Мера может быть присуща не любому признаку, а только тому, который допускает количественные изменения. Изменяющийся признак допускает упорядочение по нарастанию или убыванию интенсивности и задается, как правило, параметрическим прилагательным типа дерб.К, дерб.М. *ик*, *бичкн* “большой”, “маленький”, *сән, му* “хороший”, “плохой”, образующим основу непрерывности градаций соответствующего класса объектов. По мнению Э. Сепира, градуироваться может все, что допускает различение в каких-либо отношениях по признаку “больше/меньше”: предметы, действия, признаки предметов и признаки действий. Между тем в монгольских языках форма сравнительной степени является средством выражения качественной определенности предмета, связанным с двумя основными типами интерпретации степени качества, например, дерб.К, дерб.М. *сәнәсн сән*, монг. *сайнаас сайн*, бур.

һайнһоо һайн. “лучший из лучших” дерб.К, дерб.М. *цаснас цаһан* “белее снега”, *салькнас хурдн* “быстрее ветра”, монг. *морь үнээнээс өндөр* “конь выше коровы” или *алт зэснээс хүнд* “золото тяжелее меди”; выражается синтаксически с использованием исходного падежа, при этом основа прилагательного остается без изменения. Данная форма показывает различие в степени одного и того же качества. Этот тип сравнительной конструкции в монгольских языках является наиболее продуктивным.

Большинство прилагательных в монгольских языках образуются путем присоединения словообразовательных аффиксов к именным и глагольным основам. Аффиксы делятся на продуктивные и непродуктивные [подробнее о них см. Грамматика калмыцкого языка, 1983 с. 132-146; Грамматика бурятского языка, 1962, с. 100-126; Орловская 1961, с. 91-95; Дондуков 1964, с. 1-97; Каляев 1969, с. 160-179; Рассадин, 1999, с. 72-75].

дерб.К, дерб.М. *-та/-тә*, монг. *-т*, бур. *-та/-тэ/-то*, стп.-м *-tu/-tь* образуют адъективы со значением обладания предметом или качеством, названному в производящей основе. Прилагательные, образованные данными аффиксами могут иметь при себе свои определения. Примеры: дерб.К, дерб.М. *элсн*, монг. *элс*(*эн*) “песок” - дерб.К, дерб.М. *элстә*, монг. *элст*, “песчаный”; дерб.К, дерб.М. *нарн*, бур. *наран* “солнце” - дерб.К, дерб.М. *нарта*, бур. *нарата* “солнечный”; дерб.К, дерб.М. *сахл*, монг. *сахал*, бур. *һахал* “борода” - дерб.К, дерб.М. *сахлта*, монг. *сахалт*, бур. *һахалта* “бородатый”.

дерб.К, дерб.М. *-та/-тә*, монг., бур. *тай/-тэй/-той*, стп.-м. *-tai/-tei* со значением обладания чем-либо или отношения к тому, что выражено в производящей основе, например, дерб.К, дерб.М. *чиг*, монг. *чийг*, бур. *шиг* “влага” - дерб.К, дерб.М. *чигтә*, монг. *чийгтэй*, бур. *шигтэй* “влажный”; дерб.К, дерб.М *күчн*, монг. *хүч*, бур. *хүсэн* “сила” - дерб.К, дерб.М. *күчтә*, монг. *хүчтэй*, бур. *хүсэтэй* “сильный”.

Как известно, данный аффикс может служить показателем совместного падежа имен существительных со значением принадлежности. Об этом аффиксе Т.А. Бертагаев пишет: “...в монгольских языках в далеком прошлом суффикс *-тай* не относился к падежным формам. Он выражал идею принадлежности чего-нибудь предмету вообще, не только лицу. Однако в со-

временных монгольских языках этот суффикс выступает уже в ином качестве - как суффикс совместного падежа имени существительных" [Бертагаев 1956, с. 98]. Идея принадлежности в процессе эволюции языка трансформировалась в значение признака, присущего данному предмету. Имена существительные в совместном падеже могут выполнять функцию определения, например, дерб.К, дерб.М. *мөртә күн*, монг. *морьтой хүн*, бур. *моринтой хүн*. Выступая в функции сказуемого, имена существительные в совместном падеже сохраняют свое основное значение предметности, например, дерб.К, дерб.М. *Эн күн мөртә* "Этот человек с конем". Прилагательные могут сочетаться с усилительными словами и участвовать в образовании сравнительных конструкций, например, дерб.К, дерб.М. *дегд уурта*, монг. *хамгийн ууртай* "очень злой", бур. *яһала ууртай* "довольно злой";

дерб.К, дерб.М. *-к*, монг., бур. *-хи*, стп.-м. *-ki* со значением места и времени: дерб.К, дерб.М., монг. *энд*, бур. *эндэ* "здесь" - дерб.К, дерб.М. *эндк*, монг. *эндэх*, бур. *эндэхи* "находящийся здесь"; дерб.К, дерб.М. *тенд*, монг. *тэнд*, бур. *тэндэ* - дерб.К, дерб.М. *тендк*, монг. *тэндэх*, бур. *тэндэхи* "находящийся там"; дерб.К, дерб.М. *өрүн*, монг. *өглөө*, бур. *үглөө* - дерб.К, дерб.М. *өрүнәк*, монг. *өглөөгүүрхи* , бур. *үглөөгүүрхи* "утренний".

Характерной особенностью монгольских языков является то, что отрицательные частицы дерб.К, дерб.М. *уга*, *эс*, *биш*, монг. *гүй*, *үгүй*, бур. *гүй*, стп.-м *-ьgei* (ср. *цаг ьgei* "недогадливый") имеют самостоятельное значение "нет" и могут образовывать имена прилагательные со значением отрицательного качества. Образованные имена прилагательные антонимичны прилагательным с общемонгольским аффиксом *-tai/-tei*. Примеры: дерб.К, дерб.М. *керг*, монг., бур. *хэрэг* "дело" - *керг уга*, монг., бур. *хэрэггүй*; дерб.К, дерб.М. *иткл*, монг. *итгэл*, бур. *этигэл* "надежда" - дерб.К, дерб.М. *иткл уга*, монг. *итгэлгүй*, бур. *этигэлгүй* "ненадежный";

дерб.К, дерб.М. *-ск*, *-мг*, монг. *-саг/-сог/-сөг*, бур. *ша/-шо/-шэ*, выражающие пристрастие к чему-нибудь: дерб.К, дерб.М. *цә*, *цай* "чай" - дерб.К, дерб.М. *цәәсг*, монг. *цайсаг* "любящий пить чай"; дерб.К, дерб.М. *мах(н)*, монг. *мах*, бур. *мяхан*. "мясо" - дерб.К, дерб.М. *махсг*, монг., *махасаг*, бур.

мяхаша “любящий поесть мясо”; бур. *бэлэг* “подарок” - *бэлэгшэ* “любящий делать подарки”; дерб.К, дерб.М. *шудрх* “терпеть” - *шудрмг* “ловкий”;

дерб.К, дерб.М. *-льг/-рльг*, монг. *-лаг/-лэг*, бур. *-лиг* со значением подобия по форме, а также обладания чем-либо: дерб.К, дерб.М. *өвр*, монг. *эвэр* “рог” - дерб.К, дерб.М. *өврльг*, монг. *эверлэг* “роговидный”; бур. *торгон* “шелк” - *торгонлиг* “шелковистый”;

дерб.К, дерб.М *-у/-ү*, монг. *-уу/-үү*, бур. *-уу/-үү/-юу*, стп.-м. *-γu/-gь* со значением качества, приобретенного в результате действия или может обозначать недостаток или отрицательное качество, например, дерб.К, дерб.М. *хатх*, монг. *хатх*, бур. *хатаха* “сушить” - дерб.К, дерб.М. *хату*, монг. бур. *хатуу*; монг. *яд-* , бур. *яда* “бедствовать” - монг, бур. *ядуу* “бедный” [см. Орловская 1961, с. 86; Дондуков 1964, с. 82-83; Каляев 1969, с. 166; Болд, с. 98-101; Рассадин 1999, с. 74];

дерб.К, дерб.М. *-ха/-хә*, монг. *-хай/-хой/-хий*, бур. *-хай/-хэй/-хой*, стп.-м. *-qai/-kei* обозначает различные отрицательные свойства и качества, их внешний вид и форму, например, дерб.К, дерб.М. *му*, монг., бур. *муу* “плохо” - дерб.К, дерб.М. *мууха*, монг., бур. *муухай* “плохой”; дерб.К, дерб.М. *эвдр*, бур. *эбдэр* “ломайся” - *эвдрхә*, бур. *эбдэрхэй* “испорченный”; монг. *эц* “уставать” - *эцэнхий* “усталый” “сломанный”;

дерб.К, дерб.М. *-мл*, монг. *-мал/-мэл/-мол/-мөл*, *-рхай/-рхой/-рхий*, *-хой*, бур. *-мал/-мэл/-мол*, *-хой* образуют качественные прилагательные со значением обладания качествами и признаками, полученными в результате действия, выраженного в производящей основе глагола, например, дерб.К, дерб.М., монг. *буд*, бур. *буда* “красить”- дерб.К, дерб.М. *будмл*, монг. *будмал*, бур. *будамал*; дерб.К, дерб.М. *бич*, монг. *бичих*, бур. *бэшэ* “писать” - дерб.К, дерб.М. *бичмл*, монг. *бичмэл*, бур. *бэшэмэл* “написанный”; монг. *тод*, бур. *тодор* “делать ясным” - монг., бур. *тодорхой* “ясный”;

дерб.К, дерб.М., бур. *-г* со значением качества, приобретенного в результате действия, например, дерб.К, дерб.М. *тен*, бур. *тэнэ* “дурачиться” - дерб.К, дерб.М. *тениг*, бур. *тэнэг* “глупый”;

дерб.К, дерб.М. *-ң*, монг. *-н*, бур. *-нгир*, стп.-м. *-ng* характеризуют предмет по значению, связанному с действием, выраженным в основе глагола,

например, дерб.К, дерб.М. *доһл*, монг. *догол* “хромать” - дерб.К, дерб.М. *доглң*, монг. *доголон*; бур. *гажа* “кривой” - *гажангир* “искривленный”;

дерб.К, дерб.М. *-мг*, монг. *-маг/-мэг/-мог/-мөг*, бур. *-маг/-мэг/-мог* обозначают обладание качеством, например, дерб.К, дерб.М. *хурмлх* “лениться”, монг. *хуур*, бур. *хуура* “обманывать” - дерб.К, дерб.М. *хуурмг*, монг., бур. *хуурмаг* “ленивый”;

дерб.К, дерб.М. *-һр*, монг. *-гар/-гэр/-гор/-гөр*, бур. *-гар/-гэр/-гор* дают образное описание человека, частей его тела, черт характера, например, дерб.К, дерб.М. *котих* “морщить” - *котһр* “курносый”; монг. *дорвой* “оттопыриваться” - *дорвогор* “оттопыренный”; бур. *хилай* “косить” - *хилагар* “косоглазый” [Орловская 1961, с. 88-89; Дондуков 1964, с. 72-74; Рассадин 1999, с. 74];

дерб.К, дерб.М., монг. *-д*, бур. *–да/-дэ/-до* обозначает качество или указывает направление, например, дерб.К, дерб.М. *әмн*, монг. *амь*, бур. *амин* “жизнь” - дерб.К, дерб.М. *әмд*, монг. *амьд*, бур. *амида* “живой”.

2.6. Имя числительное

Имя числительное в монгольских языках - это класс полнозначных слов, обозначающих число, количество и связанные с ним мыслительные категории порядка при счете, кратности, собирательности. В соответствии с этими значениями выделяются различные разряды числительных: количественные, порядковые, собирательные, разделительные, кратные, дробные, приблизительные, неопределенные.

Понятие числа находит отражение в количественных числительных, образующих ядро, вокруг которого группируются другие разряды числительных, обозначающих отвлеченный результат счета. В структурном отношении количественные числительные можно разделить на простые и сложные. К простым относятся числительные, состоящие из одного корня, например, монг. *нэг* , дерб.К, дерб.М. *негн*, бур. *нэгэн* “один”, монг. *гурав*, дерб.К, дерб.М. *һурвн*, бур. *гурбан* “три”, монг. *дөрөв*, дерб.К, дерб.М. *дөрвн*, бур. *дүрбэн* “четыре”, монг. *тав*, дерб.К, дерб.М. *тавн*, бур. *табан* “пять”,

монг. *зургаа*, дерб.К, дерб.М. *зурһан*, бур. *зургаан* “шесть”, монг. *долоо*, дерб.К, дерб.М. *долан*, бур. *долоон* “семь”, монг. *найм*, дерб.К, дерб.М. *нәәмн*, бур. *найман* “восемь”, монг. *ёс*, дерб.К, дерб.М. *йисн*, бур. *юһэн* “девять”, монг. *арав*, дерб.К, дерб.М. *арвн*, бур. *арбан* “десять”, монг. *хорь*, дерб.К, дерб.М. *хөрн*, бур. *хорин* “двадцать”, монг. *гуч*, дерб.К, дерб.М. *гучн*, бур. *гушан* “тридцать”, монг. *дөч*, дерб.К, дерб.М. *өочн*, бур. *дүшэн*, “сорок”, монг. *тавь*, дерб.К, дерб.М. *тәвн*, бур. *табин* “пядьдесят”, монг. *жар*, дерб.К, дерб.М. *җирн*, бур. *жаран* “шестьдесят”, монг. *дал*, дерб.К, дерб.М. *далн*, бур. *далан* “семьдесят”, монг. *ная*, дерб.К, дерб.М. *найн*, бур. *наян* “восемьдесят”, монг. *ер*, дерб.К, дерб.М. *йирн*, бур. *ерэн* “девяносто”, монг. *зуу*, дерб.К, дерб.М. *зун*, бур. *зуун* “сто”.

К сложным числительным относятся числительные, состоящие из сочетания двух и более основ по модели: монг. *арван*, дерб.К, дерб.М. *арвн*, бур. *арбан* “десять + единицы первого десятка”, например: *арвн негн* «одиннадцать», *арвн долан* «семнадцать» и т.д. Количественные числительные второго, третьего, четвертого, и последующих десятков образуются по аналогии с числительными первого десятка, например, *хорн негн* «двадцать один», *хөрн хойр* «двадцать два» и т.д.

Монгольские языки очень богаты своими формами числительных и разрядами числительных. Для обозначения чисел более высокого порядка монголоязычные народы пользовались числительными, заимствованными из тибетского и санскритского языков. Ср. монг. *түм*, дерб.К, дерб.М. *түмн*, бур. *түмэн*, монг. *арван мянга*, дерб.К, дерб.М. *арвн миңһн*, бур. *арбан мянга* “десять тысяч”; дерб.К, дерб.М., монг., бур. *бум*, монг., бур *зуун мянга*, дерб.К, дерб.М. *зун миңһн* “сто тысяч”; монг., бур. *живаа*, дерб.К, дерб.М. *җиваа*, монг. *арван сая*, дерб.К, дерб.М. *арвн сай*, бур. *арбан сая* “десять миллионов”; монг. *дүнчүүр*, калм. *дуңшур*, бур. *доншуур*, монг., бур. *зуун сая*, дерб.К, дерб.М. *зун сай* “сто миллионов”. От этого типа числительных не образуются другие разряды числительных.

Характерной особенностью дербетских простых числительных, оканчивающихся на неустойчивый *-н*, является то, что они в сочетании с другими

числительными не утрачивают конечный *-н*, исключение составляет числительное дерб.К, дерб.М. *негн*, бур. *нэгэн* “один”, которое при обозначении количества сотен, тысяч в сложных количественных числительных утрачивает *-н*, например, дерб.К, дерб.М. *нег миңһн*, бур. *нэгэ мянга* “одна тысяча”.

Количественные числительные, выражающие понятие отвлеченного числа могут уподобляться именам существительным и могут принимать аффиксы падежа, числа, принадлежности, которые свойственны субстантивам. При этом количественные числительные могут быть теми же членами предложения, что и существительные. В роли подлежащего эти числительные могут принимать притяжательные частицы, например, дерб.К, дерб.М. *Негнь тохан чигэ торха болад зогсв* “Один из них представился карликом с локоток”. В монгольском языке количественные числительные в функции подлежащего всегда употребляются в усеченной основе: *Арав тавд тэгш хуваагдана* “Десять делится на пять”.

Выступая в качестве определения, количественные числительные употребляются в полной основе с *-н*, как и существительные. Способом синтаксической связи является примыкание. Ср. монг. *булга(н)* “соболь”, но *булган малгай* “соболья шапка” и аналогично числительное, например, *гурав* “три”, но *гурван хонь* “три овцы”: *Би тэр гурвыг харав* “Я видел тех трех”, но *Би гурван хонийг харав* “Я видел трех овец”. Примеры: калм. *долан хонга болзг* “недельный срок”, бур. *зуун наян мянган километр зайтай* “триста восемьдесят тысяч километров”.

В качестве дополнения количественное числительное может принимать формы косвенных падежей, например, монг. *Найм тавд тэгшээр хуваагдахгүй* “Восемь на пять без остатка не делится”; дерб.К, дерб.М. *Хориг хойрт хувахла - арвн* “Двадцать разделить на два - десять”; бур. *Табые дүшэн табаар үдхэгты* “Пять умножьте на сорок пять”.

Количественное числительное в качестве обстоятельства могут употребляться в форме орудного падежа без *-н*, например, дерб.К, дерб.М. *Нег метринь тавар авув* “Купил метр за десять рублей”, бур. *Гурбаар хубажа абабад* “По три - на каждую”, монг. *Оюутнууд гурваараа суудаг* “Студенты живут по трое”.

Выступая в качестве сказуемого, количественное числительное всегда теряет конечный *-н*, например, монг. *Бадам дөрөвдөх нь*, дерб.К, дерб.М. *Бадм дөрвдчкнь* "Бадма - четвертый", бур. *Табан таба - хорин таба* "Пятью пять - двадцать пять".

Одним из характерных признаков количественных числительных в языке дербетов как Калмыкии, так и Монголии является то, что они не имеют категорию грамматического числа. Категория числа заложена в самой основе, но принимать показатели множественности они могут тогда, когда субстантивируются; ср. например, дерб.К, дерб.М. *наймнр* "найманы", *зуутууд* "несколько сотен", *мингад* "мингаты", бур. *табангууд* "табангуты". От числительных не образуется других частей речи. В языке дербетов название некоторых племен связано с числительными, например, дерб.К, дерб.М. *дөрвд* "дербеты" связано с *дөрвн* "четыре", *мингад* "мингаты" от *миңгн* "тысяча", *наймн* "найманы" от *нәәмн* "восемь".

Порядковые числительные в монгольских языках оформляются двумя вариантами аффиксов, например, дерб.К, дерб.М. *-дгч*, *-двар/двәр*, монг. *-дугаар/-дүгээр*, *дахь*, *дэх*, бур. *-дахи/-дэхи/-дохи*, *-дугаар/-дүгээр*., например, *негдгч ~ негдвәр* «первый», *хойрдгч ~ хойрдвар* «второй» и т.д.

Порядковые числительные в предложении, как правило, выступают в качестве определения к существительному, например, монг. *арвадугаар анги төгсөв*, дерб.К, дерб.М. *арвдгч класс чилә*в, бур. *арбадахи класс дүүргэбэ* "окончил десятый класс"; возможно употребление в функции дополнения и подлежащего, например, дерб.К, дерб.М. *Хойрдгчдан эвдрсн* "Во второй раз поссорились", *Дарунь - хойрдгчнь босад һарв* "Тут же поднялся второй и ушел"; бур. *Хоёрдохинь нэгэдэхиһээ түрүүлжээ ерээ* "Второй прибыл впереди первого".

Некоторые порядковые числительные в монгольских языках имеют синонимы. Так, синонимами числительного "первый" в определенных случаях являются слова типа монг. *тэргүүн*, *анхны*, *толгой*. Эти слова могут заменять числительное "первый" только тогда, когда оно употребляется в функции определения. При этом они имеют различные семантические оттенки.

Следует отметить, что в отдельных словах при образовании порядковых числительных в монгольских языках можно обнаружить корень слова, который является историческим. Так, например, кроме обычной формы типа монг. *гуравдугаар* "третий", *дөрөвдүгээр* "четвертый" встречаются слова *гутгаар*, *дотгоор* с теми же значениями. В этом случае **γu-*, **dų-* являются историческими корнями числительных *γurban* "три", *dųrben* "четыре". Эти краткие формы часто встречаются в письменной речи. М.Н. Орловская пишет, что в древнем языке "от числительного *qurban/γurban* "три", кроме его порядковой формы: *γurbaduγar* употреблялись и формы *qutu'ar~ quta'ar*, *γutuγar*, *γuduγar*, *γudaγar*. От *dųrben* "четыре" были формы: *dųrbedьger*, *dųtь'er*, *dųtьger*" [1999, с. 69].

Собирательные числительные обозначают совокупность предметов по количеству составляющих ее единиц. Они образуются от усеченных основ количественных числительных с помощью присоединения следующих аффиксов: монг. *-уул/-үүл*, дерб.К, дерб.М. *-улн/-үлн*, *-лулн/-лүлн*, бур. *-уулан/-үүлэн/-юулан/-луулан*, например, *негүлн* «только один», *тавулн* «впятером» и т.д.

Собирательные числительные склоняются как имена существительные и могут подобно им принимать лично-притяжательные и безлично-притяжательные частицы, например, дерб.К, дерб.М. *hурвуланднь* "всем троим", монг. *гурвууландаа*, бур. *гурбууландаа* "себе троим".

В предложении собирательное числительное может быть подлежащим, например, дерб.К, дерб.М. *Ода хоюрн hарад йовцхав* "Сейчас вдвоем поехали", монг. *Хоюулаа миний хүү* Оба мои сыновья", сказуемым - дерб.К, дерб.М. *Амн-нурhн зурhалулн* "Шейных позвонков - шесть", дополнением - *hурвлаhинь авад hарв* "Троих он вынес", обстоятельством - *Бидн хоюрн хол биш одхм* "Вдвоем пойдем недалеко".

Разделительные числительные используются для обозначения количественно однородных групп, на которые распределено данное множество. Данная группа числительных представляет собой атрибутивно-обстоятельственные формы, образующиеся посредством следующих аффиксов, например, дерб.К, дерб.М. *-ад/-әд*, монг. *-аад/-оод/-ээд*, бур. *-аад/-*

ээд/-ood/-өөд. При присоединении этих аффиксов у основы выпадает конечный *-н*, например, дерб.К, дерб.М. *hурвад*, монг. *гурваад*, бур. *гурбаад* "по три" от общемонгольской формы *γurban* "три"; монг. *дөрвөөд*, дерб.К, дерб.М. *дөрвәд*, бур. *дүрбөөд* "по четыре" от общемонгольской формы *dųrben* "четыре".

При образовании разделительных числительных дерб.К, дерб.М. *неҗәд*, монг. *нэжээд*, *нэжгээд*, бур. *нэжээд* "по одному" от общемонгольской основы *nigen;* монг. *хоёод*, дерб.К, дерб.М. *хошад*, бур. *хоёод* "по два" от общемонгольской основы *qoyar* "два" выпадают конечные согласные *-н*, *-р* и происходит чередование монг. *nije-//nijie-*, *qoyo-*(*qoe-*). Ср. *nijiel sumut ququlutqun* [СС, §19] "сломал по одной стреле", *tere nijiel sumut meть* [СС, §22] "подобно стрелам жить поодиночке", стп.-м. *nij eged* [А.Т., §166] "по одному".

Монгольские языки используют для оформления разделительных числительных удвоение основы того же разделительного числительного, где второй компонент стоит в форме орудного падежа, например, дерб.К, дерб.М. *хошад-хошадар* "по два", бур. *таба-табаар* "по пяти", ср. второй компонент в чистой основе монг. *тав таван* "по пять", бур. *таби-таби* "по пятьдесят", бур. *нэгэ-нэгэ* "по два".

Повторение одних и тех же чисел, следующих друг за другом, передает одинаковое, равномерное распределение предметов по группам, что указывает на многократность такого распределения, например, дерб.К, дерб.М. *хошад-hурвад* "по два-три" или *хошад, hурвадар* "по трое, четверо".

Разделительные числительные изменяются по падежам и могут принимать лично-притяжательные частицы, как количественные числительные. В предложении выполняют функцию обстоятельственных слов.

Кратные числительные обозначают количество повторений некоторого действия или явления, как правило, ограничены первым десятком чисел и образуются путем присоединения аффиксов, например, монг. *-таа/-төө*: *гурвантаа* "трижды" от *гурав* "три", *дөрвөнтөө* "четырежды" от *дөрөв* "четыре". Ср. дерб.К, дерб.М. *хойр дәкҗ*, монг., бур. *хоёр дахин* "дважды", дерб.К, дерб.М. *hурав дакҗ*, монг. *гурав дахин*, бур. *гурба дахин* "трижды".

Как видим из примеров, для оформления кратного числительного приходится применять специальные слова типа дерб.К, дерб.М. *дәкж*, монг., бур. *дахин* в значении "раз, крат".

В предложении кратные числительные обычно выполняют функцию обстоятельства, например, дерб.К, дерб.М. *хойр дәкж сурв*, монг. *хоёр дахин* (*удаа*) *асуув*, бур. *хоёр дахин* (*удаа*) "дважды спросил". Этот разряд числительных в грамматиках монгольских языков обычно не выделяется, за исключением академической грамматики современного монгольского языка [Орчийн цагийн монгол хэл зүй 1997], хотя кратность выражается во всех монгольских языках. По своей функции этот разряд приближается к наречиям. Для числительных вообще характерно выступление в функции существительных, прилагательных, наречий, так что это не должно быть препятствием для выделения кратных числительных в калмыцком и бурятском языках, тем более имеются специальные слова для образования этих числительных.

Дробные числительные обозначают дробные величины и являются всегда компонентами: количественное числительное + порядковое числительное в форме родительного падежа. Компонент в форме родительного падежа всегда препозитивен, например, монг. *тэг бүхэл аравны тав* "Ноль целых пять десятых", дерб.К, дерб.М. *хоосн бүкл миңһнә зун арвн хойр* "Ноль целых сто двенадцать тысячных", бур. *табанай гурбан* "три пятых". Кроме того, в монгольских языках встречаются слова, которые по своему употреблению идентичны дробным числительным, например, монг. *тал*, *тэн хагас*, дерб.К, дерб.М. *өрәл*, *дундур*, бур. *хахад* "половина", монг. *бүтэн хагас*, калм. *күсдундур* "полторы", монг. *дөрөвний нэг*, дерб.К, дерб.М. *дөрвнә* "четверть" и образуются сочетанием двух количественных числительных.

Дробные числительные склоняются как количественные числительные, при этом изменяется вторая часть компонента, а первая часть остается без изменений - в форме родительного падежа.

Числительные приблизительного счета обозначают приблизительно, примерное, точно не подсчитанное количество предметов.

Приблизительные числительные образуются с помощью присоединения к количественным числительным, обозначающим только целые де-

сятки тех же аффиксов, которые образуют разделительные числительные, монг. *-аад/-ээд/-оод/-өөд*, *гаад/-гээд/-гоод/-гөөд*, дерб.К, дерб.М. *-аад/ад*, бур. *-аад/-оод/-ээд/-өөд/-яад/-еод*, *-гаад/-гоод/-гээд*, например, монг. *жараад*, дерб.К, дерб.М. *җирәд* "около шестидесяти", бур. *зуугаад* "около ста".

В монгольских языках приблизительность количества выражается также повторением разных числительных, при котором наименование меньшего числа ставится перед наименованием большего числа, например, монг. *тав-зургаа хоног*, дерб.К, дерб.М. *тавн-зурһан хонг*, бур. *таба-зургаан хоног* "пять-шесть дней". Также приблизительное числительное образуется аналитическим способом с особыми служебными словами, например, монг. *орчим*, *хир*, *барагцаа* в значении "около" путем перестановки компонентов: *арав орчим хүн* или *арав гаруй хүн* "человек десять", *гурван цаг орчимд* (*хирд*) "часа в три". Количественные и разделительные числительные, сочетаясь с послелогами, например, дерб.К, дерб.М. *шаху* "около", *һар* "более", выступают в значении приблизительных числительных. Примеры: долан шаху "более семи", *дал һар* "более семидесяти".

Неопределенные числительные выражают неопределенное число и несоотносимы в морфологическом плане ни с порядковыми, ни с собирательными числительными. Способность человека оперировать приблизительными множествами находит отражение в том, что к определенно-количественным числительным примыкает группа слов, обозначающих неопределенные количества, например, дерб.К, дерб.М. *олн*, *кесг* "много", *далә* "очень много", *цөн*, *цөөкн* "несколько", "немного"; монг. *олон*, *зүндөө* "много", *цөөн үй түмэн* "уйма": *олон дэвтэр* "много тетрадей", *цөөхөн* (*цөөн*, *хэдэн*) *мөнгө* "немного денег", монг. *хэд*, *хэдэн*, *хэд хэдэн* "несколько", *хэдэн мянга* "несколько тысяч". Неопределенные числительные могут сочетаться с усилительными словами, например, дерб.К, дерб.М. *дегд олн* "очень много".

Итак, имена числительные в монгольских языках обладают специфическим набором грамматических свойств, позволяющим выделять их как особую знаменательную часть речи. В основе числительных лежит их особое отношение к грамматическому числу. Числительное, выражая понятие

числа, не может соотноситься с грамматической категорией числа. Числительное не может принимать аффиксы множественности. Лексическое значение числительного связывается с понятием множества. Числительные могут сочетаться с именами существительными и обозначать считаемые предметы. Характерной особенностью дербетских числительных является изменение по падежам.

2.7. Служебные слова

Как известно, класс служебных слов в составе лексики монгольских языков, в том числе и в диалектах, занимает особое место. Этот класс отличается от класса знаменательных слов тем, что у них на уровне языка отсутствует языка как номинативная функция, так и указательная функция. То есть эти слова ничего не называют и ни на что не указывают в отличие от знаменательных слов, хотя внешне они на них и похожи, а во многих случаях от них и произошли. Так, например, в языке дербетов как Калмыкии, так и Монголии слово *болтл* в одном случае является формой деепричастия предела на *–тл* от глагола *болх* ‘быть, стать’, а в другом – послелог *болтл* со значением ‘до, пока’. Аналогичным образом послелог *күртл* ‘до, вплоть до’ внешне совпадает с формой того же деепричастия предела *күртл* от глагола *күрх* ‘достигать, доходить, доезжать’.

Положение служебных слов среди частей речи не только в монгольских языках, но в их диалектах окончательно не установлено и их статус и состав являются пока спорными. В монголоведении в отношении этих слов выработаны различные точки зрения. Остановимся на двух точках зрения.

Так, например, в научной грамматике калмыцкого языка, созданной калмыцкими лингвистами, состав частей речи калмыцкого языка определен следующим образом: «Самостоятельных частей речи в калмыцком языке шесть: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие. Служебных частей речи четыре: послелоги, частицы, союзы, междометия. Особое место в системе частей речи занимают модальные и подражательные слова» [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 66].

В последнее время в монголоведении появилась новая, более адекватная, на наш взгляд, точка зрения на состав и классификацию частей речи монгольских языков, высказанная В.И. Рассадиным [2003, с. 3-13], который предложил, основываясь на критерии типа лексического значения, а также с учетом языковой и речевой функции, распределить слова монгольских языков на пять классов: 1) знаменательные слова, в состав которых входят назывные и указательные слова с вещественным лексическим значением; 2) служебные слова, обладающие грамматическим значением и служебной речевой функцией; 3) модальные слова, содержащие модальное значение и выражающие лишь отношение говорящего к предмету высказывания; 4) аффектные слова (междометия), имеющие аффектное, эмотивное значение и выражающие средствами конкретного языка различные чувства, эмоции, волеизъявления, побуждения; 5) изобразительные слова, которые средствами конкретного языка передают различные образы, воспринимаемые человеком из внешнего мира (звуковые, зрительные и т. п.).

Класс служебных слов В.И. Рассадин [2003, с. 10] определяет так: «В монгольских языках существуют и такие слова, которые ничего не называют и ни на что не указывают. Они имеют грамматическое значение и выполняют в речи функцию лексической грамматической связи между знаменательными словами, являясь в данном случае чисто формальными, служебными словами. Поскольку у них другой тип лексического значения, отличный от вещественного, они не могут быть приравнены к знаменательным словам, т. к. не равноправны с ними и выполняют только служебную функцию. В предложении они не могут быть его членами. Внутри себя они подразделяются на послелоги, союзы, предикативные связки, показатели подлежащего, слова-субстантиваторы, служебные глаголы. Эти слова объединяются на основе однотипного грамматического значения в самостоятельный класс служебных слов».

Принимая эту схему частей речи, мы считаем, что она вполне может быть применима не только к калмыцкому языку, но и е языкам дербетов Калмыкии и Монголии, в которых тоже фактически представлены все перечисленные в этой цитате виды служебных слов, хотя калмыковеды по традиции среди слов с чисто служебной функцией выделяют лишь послелоги и

союзы [Илишкин 1977, с. 165-185; Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 276-283, 295-301], остальные же слова помещают среди частиц.

Среди служебных слов калмыцкого языка наиболее изученными являются послелоги. О их значении, функции, происхождении подробно писали калмыковеды в упомянутых выше работах, но и Г.Д. Санжеев [1953, с. 204-238]. Достаточно подробно мы писали об использовании послелогов в падежно-послеложных конструкциях [Трофимова 2001, с. 178-232]. Общепризнано, что послелоги образовались в основном в результате лексикализации и грамматикализации наречий и различных падежных форм (в том числе и именительного падежа) существительных, а также деепричастных форм глаголов. К непроизводным можно отнести, например, *тал* 'к, по направлению' (< *тал* 'бок, сторона'), *дотр* 'в, внутри' (< *дотр* 'внутренность; внутренняя часть'), *тус* 'напротив', *ца* 'за, по ту сторогу', *на* 'перед, по эту сторогу'; к производным - *ард* 'за, позади' (< *ар* 'задняя, тыльная, северная сторона'), *һаза* 'вне, снаружи' (от наречия *һаза* 'снаружи, на улице, вне дома'), *болтл, күртл* 'до' (деепричастия от глаголов *болх* 'быть, стать', *күрх* 'достигать').

Что касается союзов и союзных слов, то они во многом представляют собой производные словоформы от глаголов *яах* 'что делать, как быть', *ишгх, тиигх* 'так делать', *гих* 'говорить', *болх* 'быть', от вопросительных и указательных местоимений, наречий, послелогов, частиц, например: *болв* 'но, однако', *болвчн* 'хотя', *болхла* 'если', *яаһад гихлә* 'потому что', *тиисн бишһь, тиигв чиг* 'но, однако, хотя и так', *чиг* 'хоть, хотя', *учрар, учрас* 'потому что, из-за того что', *альд, хама* 'где', *альдаран, хамаран* 'куда' и т. п.

В грамматике калмыцкого языка [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 283-295] в состав частиц включены явно служебные слова, оформляющие предикат и в то же время придающие всему высказыванию коннотацию усиления, выделения, подтверждения. Но все же основная их роль – употребляясь с именными словами и причастиями, придавать им предикативность. В этом их служебная функция. К таким словам относятся, например, такие как *билә, санҗ, мөн, юмн*. При этом *мөн, юмн* употребляются в настоящем времени, а *билә, санҗ* – прошедшим. Такое разграничение их

функций обусловлено их происхождением. Так, *мөн* восходит к старомонгольской предикативной частице настоящего времени *mön,* а *билә* - к старомонгольской предикативной частице прошедшего времени *bölüge*, происходящей от формы пршедшего времени от древнего неполного глагола *bö=* ‘быть’. Эта предикативная связка, как и *mön*, хорошо сохранилась и в других современных монгольских языках – ср. халха-монг. *мөн, билээ*, бур. *мүн, бэлэй* в тех же функциях. Общеойратская частица *юмн,* как и халха-монгольская *юм,* восходит к древнему общемонгольскому существительному *уаγита* ‘вещь, нечто’, застывшему в служебной функции показателя предиката. В то же время в ойратских диалектах и халхаском сохранились и существительные *юмн, юм* со значением ‘вещь, нечто’, так например, частица *санҗ*, как и халхаская *санжээ, юмсанжээ, сан*, является по происхождению составной, в которой слились элементы *сан* и *җ*. При этом *сан* – это редуцированная форма причастия прошедшего времени на *=сан* от архаичного глагола *а=* ‘быть’, а *җ* – остаток формы калмыцкой формы прошедшего времени на *=җ* от того же глагола *а=*, то есть *санҗ* – это слияние **асан аҗ*. Значение прошедшего времени заложено в самих ее составных элементах. Такими же производными являются и показатели подлежащего *болхла, гисн, гидг* и т. п.

Сравнительно-исторический анализ показывает, что язык дербетов Калмыкии и Монголии сохраняет общемонгольскую систему служебных слов.

ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКА ДЕРБЕТОВ РОССИИ И МОНГОЛИИ

3.1. Скотоводческая лексика калмыцкого языка

Как известно, основные современные монголоязычные народы - монголы (живущие в Монголии и Китае), ойраты (вместе с калмыками) и буряты (вместе с баргутами), - издавна обитающие на территории обширного степного пояса Евразии, традиционно считаются классическими кочевыми скотоводами, разводящими пять основных видов скота – верблюдов, лошадей, коров, овец и коз. В монгольских языках с этими животными связан целый комплекс хорошо разработанной лексики, отражающий как сами разнообразные половозрастные названия скота и его масти, так и слова, называющие формы и приемы содержания и выпаса скота, характеристику пастбищ, хозяйственное использование скота и т.п.

Опираясь на тезис А. Рона-Таша [1974, с. 37] о том, что монгольские языки многие животноводческие термины заимствовали из протобулгарского языка, мы попытались провести комплексное сравнительное исследование тюркских и монгольских терминов внутри целого пласта скотоводческой лексики на материале конкретных языков – из монгольских языков взят калмыцкий. При этом основным критерием тюркского происхождения рассматриваемого термина для нас послужило его наличие в пратюркском и древнетюркском языке и распространение по современным тюркским языкам и невозможность этимологизации из монгольских языков. Кроме того, специалистами по этимологии тюркских языков убедительно доказано, что все эти рассматриваемые здесь видовые и половозрастные названия пяти видов скота, бытующие также и у монгольских народов, традиционно разводятся тюрками и представлены как в древнетюркском языке, так и в современных, унаследованых языками-потомками от общетюркского праязыка [Сравнительная грамматика тюркских языков … 2001, с. 425] вместе с самим степным кочевым скотоводством, пришедшим из глубины тысячелетий. Пратюркская форма была нами взята из данного источника [СГТЯ]. Источником древнетюркских форм послужил «Древнетюркский словарь»

[1969]. Сравнительный материал по калмыцкому языку выбран из «Калмыцко-русского словаря» [1977], данные по старописьменному монгольскому языку почерпнуты из «Монгольско-английского словаря» Ф. Лессинга [1960], по другим современным монгольским языкам – из имеющихся опубликованных словарей.

В результате осуществленного сравнения были получены следующие результаты.

Удалось установить, что в области верблюдоводства вся основная терминология калмыцкого и других современных монгольских языков, как и старописьменного, имеет тюркское происхождение. Так, общее название верблюда в калмыцком языке *темән*, ср. х.-монг. *тэмээ*, бур. *тэмээн*, староп.-монг. *temegen* и имеет прототипом др.-тюрк. *tebe* «верблюд» (< пратюрк. **teywe* id.). Др.-тюрк. *buyra* «верблюд-производитель» (< пратюрк. **buyra//*buyur* id.) в том же значении представлено в монгольских языках в виде калм. *буур* [*бууръ*], староп.-монг. *buyur-a,* х.-монг. *буур*, бур. **буура* id.; др.-тюрк. *iŋän* «верблюдица» (< пратюрк. **ingän* id.) – калм. *иңгн*, староп.-монг. *inggen*, х.-монг. *ингэ*, бур. *энгин* id.; др.-тюрк. *botuq* «годовалый верблюжонок» (< пратюрк. **botu* id.) – калм. *ботхн*, староп.-монг. *botuγun*, х.-монг. *ботго*, бур. *ботогон* id.; др.-тюрк. *taj* «жеребёнок; молодой конь» (< пратюрк. **taj* id.) – калм. *тәәлг*, староп.-монг. *tayilaγ* «самец верблюда до кастрации (*от 3-х до 4-х или 5-ти лет*)», х.-монг. *тайлаг*, бур. *тайлаг* id.; др.-тюрк. *atan* «холощеный (*рабочий*) верблюд» – калм. *атн*, староп.-монг. *atan*, х.-монг. *ат*, бур. *аман* id.

Тюркскими же по происхождению являются и некоторые названия частей тела верблюда, ср. например, др.-тюрк. *joγdu* «длинная шерсть под шеей у верблюда» – калм. *зогдр*, староп.-монг. *ǯoγdur* «грива; длинная шерсть на шее (*у верблюда или льва*)», х.-монг. *зогдор*, бур. *зогдор* id.; др.-тюрк. *taban* «ступня, подошва» – калм. *тавг*, староп.-монг. *tabaxai* «ступня, лапа (*например, верблюда*)», х.-монг. *тавхай*, бур. *табгай* «ступня, стопа верблюда»; др.-тюрк. *bük=* «сгибаться», *bükri* «кривой, изогнутый, горбатый» – калм. *бөкн*, староп.-монг. *bökü* «горб верблюда», х.-монг. *бөх*, бур. *бүхэн* id.

Если обратится к терминам, относящимся к верблюжьей сбруе, седланию, перевозке вьюков и т.п., то увидим, что калм. *бурнтг* «повод (*у верб-*

люда)», староп.-монг. *burantay*, х.-монг., бур. *бурантаг* восходят к др.-тюрк. *burunduq* id., образованного от др.-тюрк. *burun* «нос»; калм. *хом* «верблюжье вьючное седло (*состоящее из куска войлока и двух жердей*)», староп.-монг. *qom*, х.-монг., бур. *хом* id. являются адаптацией др.-тюрк. *qom* id. (< пратюрк. **qom* id.); калм. *теңнә* «вьюк, поклажа», староп.-монг. *tengnegen* «поклажа, разделенная на две части, сбалансированная на спине животного», х.-монг., бур. *тэгнээ* «вьюк, поклажа», образованные от староп.-монг. *tengne=*, х.-монг. *тэгнэ=*, бур. *тэгнэ=*, калм. *теңн=* «нагружать вьюк, вьючить, уравновешивая половинки груза», восходят к др.-тюрк. *teŋlä=* «сравнивать, приравнивать; отмерять, взвешивать; примериваться, приноравливаться, уравновешивать», образованному от др.-тюрк. *teŋ* «одинаковый, равный, соответствующий; количество, мера»; калм. *тергн*, староп.-монг. *tergen*, х.-монг. *тэрэг*, бур. *тэргэн* «телега» происходят от др.-тюрк. *tergän* id. Тюркским же по происхождению следует считать и сам возглас «Сөг! Сөг!» (староп.-монг. *sökü*), при помощи которого монголы заставляют верблюда опуститься на колени, восходящий к древнетюркскому глаголу *sök=* «преклонять колени, опускаться на колени», ср. калм. *сөгд=*, бур. *һүгэдэ=* х.-монг. *сөгдө=* «класть земной поклон; вставать на колени». Можно предположить, что древнетюркское *qamγaq* «перекати-поле» – название одного из самых распространённых кормовых растений верблюдов – лежит в основе калм. *хамхул* «перекати-поле», ср. староп.-монг. *qamqayul*, х.-монг., бур. *хамхуул* id.

Калмыцкие термины по крупному рогатому скоту показывает следующую картину: др.-тюрк. термин *öküz* «бык, вол» (< пратюрк. **(h)ökeẓ*, ср. тат. *үгез*, чув. *вăкăр* id.) - в монгольских языках представлен в виде калм. *үкр* «корова», ср. староп.-монг. *üker*, х.-монг., бур. *үхэр* «крупный рогатый скот; бык; корова»; др.-тюрк. *buqa* (< пратюрк. **buqa* id.) – калм. *бух* (*бухъ*) «бык-производитель», ср. староп.-монг. *buqa*, х.-монг. *бух*, бур. *буха* «бык-производитель»; (< др.-тюрк. *inäk~iŋäk* «корова» < пратюрк. **in(i)gäk* id.) – калм. *үнән* «корова», ср. староп.-монг. *üniyen* «дойная корова» (< др.-монг.**ünigen* < ***inük-en* id.), х.-монг. *үнээ*, бур. *үнеэн* id. Калм. *туһл* «теленок (*до одного года*)», ср. староп.-монг. *tuγul*, х.-монг., бур. *тугал* id., не удается этимологизировать, опираясь на монгольские языки, но оно хорошо

расшифровывается, исходя из тюркских языков: в нем явственно прослеживается тюркский глагольный корень *tuγ=* «рождаться», имеющий вариант *toγ=* (< пратюрк. **toγ=* «рождать», «рождаться»; ср. др.-тюрк. *toγ=* «рождаться; возникать, появляться; восходить – *о светилах*», при этом *–ul* является ни чем иным, как ламбдаирующим вариантом тюркского отглагольного имяобразующего аффикса *–iš*. Именно эту тюркскую словообразующую модель можно проследить в слове *тоғуш* у барабинских тюрков, означающем «детеныш козули» [РСл III, 1165]. Др.-тюрк. *buzaγu* «теленок» (< пратюрк. **buzaγγ*//**buzaγu*, ср. тат. *бызау*, чув. *быраў* id.) – калм. *бүрү* «бычок (*в возрасте от года до двух*)», ср. староп.-монг. *birayu* (< др.-монг. **bïrayu*), х.-монг. *бяруу*, бур. *буруун* id.

Калм. *делң* «вымя», ср. староп.-монг. *deleng*, х.-монг., бур. *дэлэн(г)* id., восходит к пратюрк. **jelin* «вымя» [см. также ЭСТЯ 1989, с. 180-181]; староп.-монг. *širke* «красная вошь», х.-монг. *ширх*, бур. *шэрхэ* «вошь скота» восходят к общетюркскому слову *сирке* «гнида» [ЭСТЯ 2003, с. 268-270].

Общетюркское слово *saγ=* «доить» [ЭСТЯ 2003, с. 137-140], как и др.-тюрк. *saγ=* «доить», прослеживается в калм. *саа=* «доить», ср. староп.-монг. *saγa=*, х.-монг. *саа=*, бур. *һаа=* id.; др.-тюрк. *saγït* «удой, надой молока» – калм. *саам* «удой, надой», ср. староп.-монг. *saγat*, х.-монг. *саам* «кобылье молоко; удой, надой», бур. *һаам* «удой, надой»; тюркские *быш=//биш=* [Севортян 1978, с. 309-310], башк. *беше=* «пахтать, сбивать кумыс, масло», кирг. *быш=* «доводить до готовности; взбивать, взбалтывать, сбивать, пахтать», др.-тюрк. *bïš=* «доводить до готовности» (*er qïmïz bïšdï* «мужчина [встряхиванием] довел кумыс до готовности») представлены в ламбдаирующей форме в монгольских языках: калм. *бүл=*, староп.-монг. *büli=*, х.-монг., бур. *бүлэ=* «пахтать, взбивать кумыс, масло».

Многие названия молочных продуктов, широко распространённые среди монгольских народов, в том числе и калмыков, хорошо этимологизируются на материале тюркских языков. Так, например, калм. (бузав.) *аарц*, староп.-монг. *ayarča*, х.-монг., бур. *аарса* «род творога; творожистая масса, остающаяся после перегонки молочной водки»; староп.-монг. *ayaruul*, х.-монг. *ааруул*, бур. (диал.) *аарюул* «сушеные изделия из аарсы» по всей вероятности являются производными от общетюркского глагола *акар= ~ агар=* «бе-

леть» [Севортян 1974, с. 117] < общетюрк. *ак* «белый»; калм. *әәрг* «род кислого молока», староп.-монг. *ayiray*, х.-монг., *айраг* «кумыс», бур. *айраг* id. по всей вероятности являются адаптацией тюркского *айран* < общетюрк. *айыр=* «отделяться» [Севортян 1974, с. 111]; ойр. *башлаг ~ башлиг* «сыр домашнего приготовления», ср. староп.-монг. *basilaq~ biλlaq* «род сыра», х.-монг. *бяслаг, бяшлаг*, бур. (*диал.*), *биһалаг // бяһалаг* id., имеют тюркское происхождение, ср. алт., тув., тоф. *быштак* «род домашнего сыра» (< *быш=* «зреть, спеть; вариться»), хак. *пызлах* «род прессованного творога» (< *пыс=* «зреть, поспевать»), кирг. *бышtак* «творог из кипяченого молока» (< *быш=* «созревать, доходить до готовности»), уйг. *пишлак* «творог» (< *пиш=* «поспевать, спеть, зреть»), ср. также саг. *пыслак* «сыр из творога» [РСл IV, 1320], шор. *пышлак* «сыр из творога» [РСл IV, 1323]. Об общетюркском характере глагольной основы *быш=* «поспевать; вариться» см. [Севортян 1978, с. 161-162]. Калм. *хурсн* «сушёный творог (*в виде круглых лепешек*)», ойр.Синьцз. *хурсан* «сушеные лепешки из бозо (*бозо – гуща, остающаяся после перегонки молочной водки*)» [Тодаева 2001], бур. *хурһан* «самодельные пряники (*изготовленные из квашеного молока и ягод черемухи*)» содержат тюркский глагол *куру=* «сохнуть», от которого образованы и староп.-монг. *qurud*, х.-монг. *хурууд* «сушеный, прессованный творог», бур. *хурууд* «спрессованный творог; самодельный сырок», восходящие к др.-тюрк. *qurut* «курут, высушенный творог» (< пратюрк. **qurut* «сушёный творог, сыр» < др.-тюрк. *quru=* «сохнуть». Др.-тюрк. *tar* «пахта», якут. *тар* «замерзшая простокваша (*приготовленная из снятого кипячёного молока*)», прослеживаются в калм. *тарг* «род простокваши (*из снятого молока*)», ср. староп.-монг. *taraг*, х.-монг., бур. *тараг* id. Калм. *тосн* «сливочное масло», ср. староп.-монг. *tosun*, х.-монг. *тос*, бур. *моһон* id., не имеет этимологии на материале монгольских языков, в то время как его корневой компонент **to=*, остающийся после вычленения именного суффикса *–sun*, находит возможное соответствие в древней тюркской глагольно-именной синкретической основе **to=* с семантикой «насыщаться», которая прослеживается в древнетюркских словоформах *to* «жидкая мучная похлебка», *toq* «сытый» (< **to=* «насыщаться»), *toj* «пир, пиршество», *tod=*, *toд=*, *toz=*, *toj=* «насыщаться». Калм. *кимр* «смесь молока с водой», ср. староп.-монг. *kiram*, х.-

монг. *хярам*, бур. (диал.) *хямар сай* «очень слабый чай, забеленный молоком», восходит к др.-тюрк. *qnmnz* «кумыс» (< пратюрк. **qymyz* id.), являясь его ротацирующим вариантом. Калм. *уург* «молозиво» являются ротацирующей формой др.-тюрк. *огиz* «первое молоко, молозиво», об общетюркском характере которого см. [Севортян 1974, с. 405-407], ср. староп.-монг. *игиrаг*, х.-монг., бур. *уураг* id.

Общемонгольские термины по мелкому рогатому скоту показывают, что калм. *хөөн*, дерб.М. *хөй ~ хоин ~ хөөн* [Цолоо 1988], ойр.Синьцз. *хөөн ~ хоин* «овца» и являются адаптацией др.-тюрк.*qojïn ~ qojun ~ qoj ~ qon* id. (< пратюрк. **qoni* id.), ср. староп.-монг. *qoniп*, х.-монг. *хонь*, бур. *хонин* id. Калм. *хуц* [*хуцъ*] «баран-производитель», ср. староп.-монг. *quша*, х.-монг. *хуц*, бур. *хуса* «баран-производитель», восходит к тюркскому корню *qou* «баран», зафиксированному в древнетюркском языке наряду со словоформами *qouŋar* «баран-производитель», *qouisar, qouqar* «баран» (< пратюрк. **qousar//*qou* «баран-производитель»). Калм. *хурhн* «ягненок до года», ср. староп.-монг. *qurаган*, х.-монг. *хурга*, бур. *хурьган* id., восходит к ротацирующей форме др.-тюрк. *qozn~ quzn* «ягненок» (< пратюрк. **qozy* id.), широко распространённому в современных тюркских языках. Калм. *кенз* «родившийся осенью, поздно (о молодняке скота); отава, вторая трава», ср. староп.-монг. *kenǯe*, х.-монг. *хэнз*, бур. *хэнзэ* id., восходит к др.-тюрк. *kenu* «детёныш животных; ребенок» (< пратюрк. **kenu~kenǯe* «младший из детей»; подробнее о тюркском характере этого слова см. [ЭСТЯ 1997, с. 44; Севортян 1980, с. 20-21]). Калм. *яман* «домашняя коза», ср. староп.-монг. *iтаган*, х.-монг. *ямаа*, бур. *ямаан* id., восходит к др.-тюрк. *ntга* «коза», ср. др.-тюрк. *jntга* «самка дикого горного козла» (< пратюрк. **jytга* id.). Калм. *тек* [*тэке*] «козел; самец дикого горного козла», ср. староп.-монг. *teke*, х.-монг. *тэх*, бур. *тэхэ* id., восходит к др.-тюрк. *tekд* «козел» (< пратюрк. **tdkd* «козёл; дикий козёл»). Калм. *ишк*, ойр.Синьцз. *ишге ~ ишиген* «козленок до года», ср. староп.-монг. *iльigen*, х.-монг. *ишиг*, бур. *эшэгэн* id., восходит к др.-тюрк. *euki ~ euкь* «коза» (< пратюрк. **dǯikd* > *duki* id.). Калм. *төл* «приплод; молодняк», ср. староп.-монг. *tųl*, х.-монг., бур. *тул* «приплод; молодняк» восходит к др.-тюрк. *tųl* «детеныш; момент родов», которое имеет генетиче-

скую связь своим элементом **tц=* с древнетюркским глаголом *тцгъ=* «происходить, возникать, рождаться, появляться» – ср. калм. *төр=*, староп.-монг. *тцгъ=*, х.-монг., бур. *тӯрэ=* id.

Тюркскими по происхождению оказываются, по нашему мнению, и монгольские названия некоторых самых распространенных у монгольских народов мясных кушаний, изготавливаемых как из мяса, так и из внутренностей домашних животных. К таким кушаньям, прежде всего, следует отнести отваренную толстую кишку скота, по-калмыцки *киим [киимэ]*, либо изготовленную из неё домашнюю колбасу, которая в старомонгольском языке называется *kim-a*, при этом у Лессинга *kim-a* – сырое мясо оленя или рыбы, у О. Ковалевского *kim-a* – мясо или рыба, нарезанные пластинками, ср. бур. (диал.) *хиима* || *шиима* «вареная колбаса из рубленого мяса», отмечается в эхирит-булагатском говоре как слово, отсутствующее в литературном бурятском языке [Матхеев 1968, с. 32], у К.М. Черемисова [1973] слово *хиимэ* приводится как синоним к слову *эреэлжэ* «самодельная колбаса из крови, печени и жира», к сожалению, без указания на говор. Калм. *киимэ* «толстая кишка у коровы», х-монг. *хям* «колбаса» имеют прототипом тюрк. *qïjma* «нарезанный на мелкие кусочки», ср. др.-тюрк. *qïjma* в сочетании *qïjma ügre* «тесто, нарезанное мелкими кусочками», уйг. *кийма* «фарш (*измельченное мясо*)», узб. *кийма*, тур. *кыйма* «рубленое мясо, фарш», аз. *гиймэ* «фарш (*молотое мясо*)», кирг. *кыйма* «срезанный наискось»; кирг. (*южн.*) «мясо, мелкорезанное на фарш», ног. *кыйма* «домашняя колбаса», кум. *къыйма* «кусок», алт. *кыйма* «кушанье из кишок, начиненных потрохами», хак. *хыйма* «прямая кишка у лошади; кушанье из кишок, начиненных мелко рубленым мясом и жиром», якут. (по Пекарскому) *кыйма* «икра; кишки». Тюркологи считают это слово производным от общетюркского глагола *кый=* «резать на мелкие кусочки, крошить, рубить» [ЭСТЯ 2000, с. 200; РСл II, с. 702-703].

Из внутренностей забитых животных в пищу употребляют обычно вареные желудок и его части – сычуг, книжку, сетку, названия которых пришли в монгольские языки из древнетюркского языка. Так, например, др.-тюрк. *kergük* «сетка желудка овцы» (< *ker=~ger=* «распяливать, растягивать, натягивать» см. [Севортян 1980, с. 23-24]) прослеживается в староп.-монг.

kerkineg, х.-монг. *хэрхнэг*, бур. *хэрхинсэг* «сетка (*один из отделов желудка жвачных животных*)»; др.-тюрк. *sarqanïq ~ sarqajïq* «требуха» (< общетюрк. *сарқанақ~сарқынақ* «книжка – *часть желудка жвачных*; сычуг; требуха», см. [ЭСТЯ 2003, с. 205-206]) сохраняется в калм. *сәңгрцг*, ойр.Синьцз. *сәңгерцег ~ саңгирцаг* «сычуг, часть желудка жвачных», ср. староп.-монг. *sarkinay*, х.-монг. *сархинаг*, бур. *һархинсаг* id. «кишки, внутренности»

Обычно принято считать, что термины коневодства, свиноводства и собаководства, представленные в монгольских языках, не имеет тюркских соответствий. Действительно, лошадь имеет общее монгольское название *morin*, соответствующее тунгусо-маньчжурским *морин ~ мурин*, в тюркских языках это *at*, ср. калм. *мөрн* id.; свинья имеет общемонгольское название *yaqai*, тунг.-маньч. *олгиан ~ улгян*, тюрк. *toŋuz*, *layzïn*, ср. калм. *һаха* id.; собака имеет общемонгольское название *noqai*, тунг.-маньч. *ина ~ ңина*, тюрк. *it ~ ït*, ср. калм. *ноха* id. Другие половозрастные названия этих животных тоже своеобразны в монгольских языках и не совпадают с тюркскими, ср. например, калм. *гүн*, староп.-монг. *gegün*, х.-монг. *гүү*, бур. *гүүн* «кобыла» – тюрк. *бей ~ бийе* id. [Севортян 1978, с. 106]; калм. *унһн*, ср. староп.-монг. *unayan*, х.-монг. *уанага*, бур. *унаган* «жеребенок до года» – тюрк.: общетюрк. *qulun* id. [Щербак 1961, с. 91]; калм. *даахн*, ср. староп.-монг. *dayayan*, х.-монг. *даага*, бур. *дааган* «двухлетний жеребенок» – общетюрк. *tai* id. [Щербак 1961, с. 91] id.; калм. *мегж*, ср. староп..-монг. *megǯin*, х.-монг. *мэгж*, бур. *мэгэжэ* «свиноматка», др.-тюрк. *tiši toŋuz* id.; калм. *бодң*, ср. староп.-монг. *bodung*, х.-монг., бур. *бодон(г)* «вепрь», тюрк. *er toŋuz* id.; ойр.Синьцз. *тораа* «поросенок», ср. староп.-монг. *torai*, х.-монг, бур. *торой* id., тюрк. *toŋuz oylu* id.; калм. *өлгчн*, ср. староп.-монг. *ölegčin*, х.-монг. *өлөгч*, бур. *үлэгшэн* «самка собаки», тюрк. *tiši it* id.; калм. *эр ноха*, ср. староп.-монг. *gendü*, х.-монг. *гэндүү*, *эр нохой*, бур. *эрэ нохой* «самец собаки», тюрк. *er it* id.; калм. *кичг*, ср. староп.-монг. *gölüge*, х.-монг. *гөлөг* «щенок», др.-тюрк. *enük* id.

Хотя коневодческая терминология в монгольских языках, в основном, специфична, все же и здесь встречаются несколько терминов явно тюркского происхождения, ср., например, в языке западных бурят имеется слово

адаһан, означающее не только «скотина, домашнее животное; скот», но и «лошади, кони, табун» [Черемисов 1973, с. 31а], в составе которого прослеживается общетюркское слово *at* «лошадь, конь» [Севортян 1974. с. 197-198], восходящее к пратюрк. **at* id.; калм. *аҗрһ*, ср. староп.-монг. *aǯirγa* (< **adirγa* < ***adïrγa*), х.-монг. *азрага*, бур. *азарга* «жеребец» является вероятной адаптацией др.-тюрк. *adγïr* (~ *ajγïr, aδγïr* id.), образованного, по мнению Э.В. Севортяна [1974, с. 108], от тюркского глагола **aй=*, **aδ=*, **ad=*, **аз=* *«возбуждаться (*похотью*)», «покрывать (*о животных*)» (ср пратюрк. **aDγyr* «жеребец»); калм. *омрун* «грудь лошади», ср. староп.-монг. *omoruu*, х.-монг. *омруу*, бур. *оморюун* id., является адаптацией ротацирующей формы тюрк. *омуз* «плечо; спина, холка коня; грудь коня» [Севортян 1974, с.454-455]; калм. *килһсн* «конский волос», ср. староп.-монг. *kilγasun* (< др.-монг. **qïlγasun)*, х.-монг. *хялгас*, бур. *хилгаһан* id., является адаптацией общетюрк. *qïl* «волос» (ЭСТЯ 2000, с. 204-205; < пратюрк. **kylk* «волос; конский волос»); калм. *дел* «грива лошади», ср. староп.-монг. *del*, х.-монг. *дэл*, бур. *дэлһэн* id., имеет прототипом тюрк. *ǯel* «грива лошади», восходящее к пратюрк. **je:l(e)* id. (об общетюркском характере слова см. [ЭСТЯ 1989, с. 178]); калм. *далң* «подгривный жир лошади», ср. староп.-монг. *dalang*, х.-монг., бур. *далан(г)* id., имеет прототипом тюрк. *ǯal* id., восходящее к пратюрк. **ja:l* «загривок, подгривный жир лошади» (об общетюркском характере слова см. [ЭСТЯ 1989, с. 85-87]).

Тюркское происхождение имеют также некоторые части конской сбруи, например, калм. *худрһ* «подфея, подхвостная шлея седла», ср. староп.-монг. *qudary-a*, х.-монг. *худрага*, бур. *хударга* id., – восходят к древнетюркскому слову *quδurγun* «подхвостник», этимологически связанному с др.-тюрк. *qudruq~quduruq~ quδruq* «хвост» id. (< пратюрк. **kuδruk* id.; ср. пратюрк. **quδurγun, *quδurγan* «подхвостник»); ойр.Синьцз. *көмелдерге ~ көмөлдүрге* «нагрудная шлея конского седла», ср. староп.-монг. *kömüldürge*, х.-монг. *хөмөлдрөг*, бур. *хүмэлдэргэ* id., восходит к др.-тюрк. *kömüldürük* «нагрудный ремень лошади» (< пратюрк. **köŋüldürük* id. < др.-тюрк. *köŋül* «сердце»), ср. также, бытующие в тюркских языках *гөмүлдүрүк ~ көмүлдүрүк*, образованные по мнению Севортяна от общетюркского *көңүл ~ гөңүл*

«грудь» при помощи тюрк. суффикса *–туруқ* [Севортян 1980, с. 72]; калм. *олң*, ойр.Синьцз. *олоң* «подпруга конского седла», ср. староп-монг. *oluŋ*, х.-монг. *олон(г)*, бур. *олом* id., восходит к тюрк. *олоң ~ улаң* id. (<*ула=* «связывать», см. [Севортян 1974, с. 447]).

Если обратимся к монгольским терминам, относящимся к особенностям выпаса скота, характеру пастбищ, включая водные источники, кормовые травы, особенности ландшафта и т.п., и сравним их с соответствующими тюркскими, то увидим, что монгольские языки, в том числе и калмыцкий язык, во многом сохраняют эти тюркские термины. Так, например, калм. *отр* «отгонный (*о пастбище*)», ср. староп.-монг. *otur*, х.-монг. *отор* «выпас скота на отгонных пастбищах; свежая трава весною; пастбище», бур. *отор* «летник, заимка; летняя ферма; дальнее пастбище», калм. *отрч* «пастух (на отгонных пастбищах)», ср. староп.-монг. *oturla=*, х.-монг. *оторло=* «выгонять скот на отгонные пастбища, пасти скот, выгонять на подножный корм», бур. *оторло=* «перекочевывать со скотом на летние пастбища, на альпийские луга», восходят к тюрк. *отар* «пастбище», образованному по мнению Э.В. Севортяна [1974, с. 488] от древнего тюркского глагола *ота=* «пастись (*на отгонном пастбище*)» < общетюрк. *от* «трава» (< пратюрк. **от* id.), *отла=* «пастись», *отлах* «выпас», *отар=* «пасти». Ойр.Синьцз. *өлең ~ өлөң*, ойр.Монг. *өлөң* «осока», ср. староп.-монг. *ölüŋ ebesün*, х.-монг. *өлөн өвс*, бур. *үлэн үбһэн*, восходят к пратюрк. **öleŋ*, значения которого Э.В. Севортян [1974, с.528] определяет как, «трава; свежая трава; мягкая трава; ковыль, потничная трава, пырей; малопитательная трава; осока; вид травы, растущей в местах, где нет проточной воды; сочное растение; сено; лужайка; зеленый; пастбище; насаждения; топь; мокрый, влажный; степь; пустыня», ср. др.-тюрк. *öläŋ* «лужайка» (< др.-тюрк. *öl* «мокрый, влажный»). Калм. *килһ өвсн* «острец», ср. староп.-монг. *qilaγan-a*, х.-монг. *хялгана* «ковыль», бур. *хилгана* «мятлик; ковыль сибирский», сохраняет пратюрк. **qylγan* «ковыль», в основе которого лежит тюрк. *qyl* «конский волос, щетина» [ЭСТЯ 2000, с. 204-205, 208-209]; староп.-монг. *qaγana*, х.-монг. *харгана*, бур. *харгана~харганаан* «караганник, степная акация» восходят к тюрк. *қараған* id. [ЭСТЯ 1997, с. 293-294]. Калм. *балчирһн* «борщевик», ср. староп.-монг. *baldaγana~ balčiγana*, х.-монг. *балдаргана~балчиргана*,

бур. *балшаргана* id., восходит к пратюрк. **baltyryan* id., в основе которого прослеживается пратюрк. **baltyr* «икра ноги; голень», что более чем вероятно, поскольку стебель растения борщевика похож на голень животного. К названиям кормовых пастбищных трав, имеющих тюркское происхождение, следует отнести также староп.-монг. *kiyay*, х.-монг. *хиаг*, бур. *хяаг* «пырей», ср. слово *қыйақ* «осока, пырей, трава с режущими острами листьями», образованное от тюркского глагола *қый=* «резать наискось» и широко представленного в тюркских языках [ЭСТЯ 2000, с. 201-202].

К словам, характеризующим местность, на которой расположены пастбища, следует отнести староп.-монг. *tay*, х.-монг. *таг* «горное плато» (< общетюрк. *tay ~ day* «гора» < пратюрк. **ta:y* id.); калм. *худг* «колодец», ср. староп.-монг. *qudduy*, х.-монг., бур. *худаг*, сохраняюшее древнетюркскую форму *quduq ~ quduy* id., образованную, по всей вероятности, от др.-тюрк. *qud=* «лить» [ЭСТЯ 2000, с. 1190120]; калм. *булг*, ойр.Синьцз. *булаг* «родник; источник; ключ», ср. староп-.монг. *bulay*, х.-монг., бур. *булаг* id., восходящее к др.-тюрк. *bulaq* id.; данное слово является общетюркским, его значение Э.В. Севортян дает как «родник; фонтан; ручей; канал, арык; водоем; замерзшая наледь возле родника; первая трава, выросшая у воды; зеленая местность с источником; горная долина; ушная болезнь, при которой из уха течет кровь; поток из уха; золотуха» и обосновывает его тюркскую этимологию [Севортян 1978, с.257-258]; калм., ойр. *hол* «река», ср. староп.-монг. *γoul* «река; русло реки; долина; большое озеро», х.-монг., бур. *гол* «река; долина реки», связаны своим происхождением с тюркским *qol ~ qool* (< пратюрк. **qo:l~*go:l* «река») со значениями «долина; желоб для стока воды; речонка, очень маленькая речка» [ЭСТЯ 2000, с. 43], ср. др.-тюрк. *qol* «долина»; калм. *җалһ* «балка, ложбина», ойр.Монг. *җилһ* «овраг; балка», ср. староп.-монг. *ǯilya*, х.-монг., бур. *жалга* «овраг, лощина, ложбина, впадина, ров, балка, узкий лог», восходящее к тюркскому слову *yïlya* «река; ущелье, долина» [ЭСТЯ 1989, с. 277], образованному от тюркского глагола *yïl=* «извиваться», лежащего в основе тюркских слов *yïlan* «змея», *yïlγun ~yïlyïn* «тамариск», *yïldïz* «корни растений», *юлгун* «какое-то вьющееся растение»; калм. *хашa* «забор, ограда, двор», ср. староп.-монг. *qašiyan* (< **qasiyan* < ***qasïyan*) «изгородь, ограда; дамба, плотина», х.-монг. *хашаа*

«забор, изгородь, ограда, частокол», бур. *хашаа* «ограда, забор, изгородь; загон (*для скота*); столб, стойка (*в ограде*)», восходит к др.-тюрк. *qasï* «загон для скота, связанный из прутьев».

Кроме того, к тюркским по происхождению относится и староп.-монг. *alčay* и х.-монг. *алцаг*, означающее «шалаш, хижина, лачуга, балаган», а также слово *alačuk* «палатка, шатёр, шалаш», зафиксированное в «Сокровенном сказании монголов» 1240 года (§ 118: *... aduučin bidan-o alačuk-a yurtuyai*! «...для табунщиков наших шалаш готов!»), т.е. жилище пастухов и табунщиков, ср. др.-тюрк. *alači* «шатёр» (< тюрк. **alači* «временное жилище»), широко представленное в современных тюркских языках в виде *алачық, алажық, алачу* со значениями «шалаш, шатёр; лачуга, домишко, хижина», о чём подробнее см. у Э.В. Севортяна [1974, с. 130-132]. Также заимствованием из тюркских языков следует считать староп.-монг. *очиу*, х.-монг. *оцог* - своеобразный таган, состоящий из трёх камней, устанавливаемых в костре, на которые ставится котёл для приготовления пищи. Слово представляет собой адаптацию др.-тюрк. *очиq* «очаг, печь» (< др.-тюрк. *otčuq~ otči, očaq* id. < общетюрк. *ot* «огонь; костёр», см. подробнее [Севортян 1974, с. 422-425]).

Как можно видеть из приведенного здесь материала, скотоводческая лексика калмыцкого языка, как и других монгольских языков, достаточно хорошо сохраняет древние тюркские соответствующие термины, составляющие единый тематический комплекс. Появление тюркизмов этого комплекса в калмыцком и прочих монгольских языках можно объяснить тем, что часть протобулгарских племен (с самоназванием *огур*), поскольку данные тюркизмы характеризуются признаком ламбдаизма и ротацизма, кочевавших в глубокой древности в степях Центральной Азии и занимавшихся молочным скотоводством, будучи завоеваны древними монголами и включенными в их этнический состав, образовали среди них особую этническую группу, получившую смешанное название **огур монгол* (ср. современное х.-монг. *оор монгол* «настоящий монгол») и перешли, постепенно, на монгольский язык, по сути дела язык адстрата. При этом омонголенные огуры сохранили очень много элементов своего протобулгарского языка-субстрата, в том числе и свою скотоводческую терминологию, и внесли их в усвоен-

ный ими древний прамонгольский язык, который вследствие этого получил смешанный характер, а впоследствии распался на ареалы – ойратский, бурятский и монгольский, продолжающие и после распада удерживать остатки тюркского языка-субстрата, что мы и наблюдаем в калмыцком языке.

3.2. Связь калмыцкой дербетской лексики с языками племен ойратского ареала

Рассмотрение лексики языка дербетов Калмыки и языка дербетов Монголии в сравнительном аспекте показало её неоднородный состав. Прежде всего следует иметь ввиду, что она состоит из огромного количества лексических единиц общемонгольского характера, присущих всем монгольским языкам, как древним, так и современным, во всяком случае большинству из них, объединяющих эти языки в одну семью. При этом следует отметить, что данная лексика, представленная в языке дербетов Калмыкии и Монголии, произносится со своим, характерным только для него, так называемым ойратским налётом, обусловленным специфическим губным сингармонизмом, о котором было сказано выше. В составе этой общемонгольской лексики бытуют слова, представляющие все части речи и классы, относящиеся к разнообразным тематическим группам. Проиллюстрируем этот общемонгольский лексический пласт некоторыми примерами.

Так, одной из самых объёмных по количеству слов лексико-грамматических групп являются **имена существительные.** В их составе можно выделить, к примеру, нижеследующие таматические группы.

Слова, называющие человека по полу, возрасту, по отношениям родства, свойства и т.п.:

дерб.К.	дерб.М	х.-монг.	стп.-м.	значение
күн	*күмн*	*хүн*	*kümün*	человек
эр	*эректәә*	*эрэгтэй*	*er-e*	мужчина, муж
эм	*эмектәә*	*эмэгтэй*	*em-e*	женщина
гергн	*гергн*	*гэргий*	*gergei*	жена
өвгн	*өвгн*	*өвгөн*	*ebügen*	старик
эмгн	*эмгн*	*эмгэн*	*emegen*	старушка

күүкд	*күүкүт*	*хүүхэд*	*keüked*	ребёнок; дети
көвүн	*көвүүн*	*хүү*	*köbegün*	сын; мальчик
күүкн	*күүкүн*	*хүүхэн*	*keüken*	девочка; девочка
окн	*окун*	*охин*	*okin~ökin*	дочь
күргн	*күргн*	*хүргэн*	*kürgen*	зять
бергн	*берги*	*бэргэн*	*bergen*	жена старшего брата
бер	*бери*	*бэр*	*beri*	жена младшего брата
ах	*аха*	*ах*	*aq-a*	старший брат
эгч	*эгчи*	*эгч*	*egeči*	старш. сестра
дүү	*дүү*	*дүү*	*degüü*	младший брат, сестра
ач	*ачи*	*ач*	*ači*	внук по сыну
зе	*зее*	*зээ*	*ǯige*	сын дочери
наһц	*нахц*	*нагац*	*nauači*	родня матери
эцк	*эцк*	*эцэг*	*ečige*	отец
эк	*эк*	*эх*	*eke*	мать.

Слова, называющие части тела, внутренние органы, выделения:

дерб.К.	дерб.М	х.-монг.	стп.-м.	значение
бий	*бий*	*бие*	*bey-e*	тело
толһа	*толгаа*	*толгой*	*toluγai*	голова
үсн	*үсүн*	*үс*	*üsün*	волосы
чикн	*чикин*	*чих*	*čikin*	уши
нүдн	*нүдүн*	*нүд*	*nidün*	глаза
сурмсг	*сормсн*	*сормуус*	*sorimusun*	ресницы
күмсг	*көмсг*	*хөмсөг*	*kömüske*	брови
маңна	*маңнаа*	*магнай*	*mangnai*	лоб
хамр	*хамр*	*хамар*	*qamar*	нос
сахл	*сахл*	*сахал*	*saqal*	борода
амн	*амн*	*ам*	*aman*	рот
урл	*урул*	*уруул*	*uruγul*	губы
өргн	*өргүн*	*эрүү*	*eregüü*	подбородок
келн	*келн*	*хэл*	*kelen*	язык
шүдн	*шүдүн*	*шүд*	*šidün*	зубы

күзүн	*күзүүн*	*хүзүү*	*küǯügün*	шея
нурһн	*нургн*	*нуруу*	*niruγun*	спина; позвоночник
дал	*дал*	*дал*	*dalu*	лопатка
хавсн	*хавсн*	*хавьс*	*qabisun*	ребро

дерб.К.	дерб.М.	х.-монг.	стп.-м.	значение
ясн	*ясн*	*яс*	*yasun*	кость
шүрүсн	*шүрүмсүн, шүрүүсүн*	*шөрмөс*	*širmüsün*	сухожилие
гесн	*гесн*	*гэдэс*	*gedesün*	живот
чееҗ	*чееҗ*	*цээж*	*čegeǯi*	грудь
элкн	*элкен*	*элэг*	*eligen*	печень
бөөр	*бөөре*	*бөөр*	*böger-e*	почки
зүркн	*зүркн*	*зүрх*	*ǯirüken*	сердце
цусн	*цусн*	*цус*	*čisun*	кровь
ээм -	*ээм*	*эгэм*	*egem*	ключица плечо
һар	*гар*	*гар*	*γar*	руки; рука
тоха	*тохаа*	*тохой*	*toqai*	локоть
альхн	*алхан*	*алга*	*alaγ-a*	ладонь
хурһн	*хургун*	*хуруу*	*quruγun*	палец
хумсн	*хумсун*	*хумс*	*qumsun*	ноготь
нудрм	*нудрум*	*нударга*	*nidurγ-a*	кулак
көл	*көл*	*хөл*	*köl*	ноги; нога
һуй	*гуй*	*гуя*	*γuy-a*	бедро
өвдг	*өбдүг*	*өвдөг*	*ebüdüg*	колено
шүлсн	*шүлсүн*	*шүлс*	*šilüsün*	слюна
нульмсн	*нүлмүсүн*	*нулимс*	*nilbusun*	слёзы.

Бытовая лексика:

дерб.К.	дерб.М.	х.-монг.	стп.-м.	значение
гер	*гер*	*гэр*	*ger*	дом
ишкә гер	*ишгәә гер*	*эсгий гэр*	*isegei ger*	юрта
үүдн	*үүдүн*	*үүд*	*egüden*	дверь
туурһ	*туургу*	*туурга*	*tuγury-a*	войлочная стена юрты

дерб.К.	дерб.М.	х.-монг.	стп.-м.	значение
деевр	*деевир*	*дээвэр*	*degebüri*	кровля
тоон	*тона*	*тооно*	*toγun-a*	верхний круг юрты
һулмт	*гулумта*	*голомт*	*yolumta*	очаг
һал	*гал*	*гал*	*γal*	огонь
үмсн	*үмсүн*	*үнс*	*ünesün*	зола; пепел
кет	*кет*	*хэт*	*kete*	огниво
хәәсн	*хәәсан*	*хайс*	*qayisun*	котёл
түлән	*түләән*	*түлээ*	*tüliyen*	дрова, топливо
тулга	*тулга*	*тулга*	*tulγ-a*	таган
сүк	*сүке*	*сүх*	*süke*	топор
утх	*утга*	*хутга*	*kituγ-a*	нож
аһ	*аага*	*аяга*	*ayaγ-a*	чашка
шанһ	*шанага*	*шанага*	*šinaγ-a*	ковш
домб	*домбу*	*домбо*	*dongbu*	кувшин; чайник
суулһ	*суулуга*	*суулга*	*sayulγ-a*	ведро
бортх	*бортаха*	*бортого*	*bortuγu*	кожаная фляга
орн	*орун*	*ор*	*orun*	кровать
көнҗл	*көнҗил*	*хөнжил*	*könǯile*	одеяло
дер	*дер*	*дэр*	*der-e*	подушка
көшг	*көшөк*	*хөшөг*	*kösige*	занавесь
кевс	*кевс*	*хивс*	*kibes*	ковёр

ширдг	*ширдг*	*ширдэг*	*širdeg*	стёганый войлочный тюфяк
хувцн	*хувцун*	*хувцас*	*qubčasun*	одежда
терлг	*терлек*	*тэрлэг*	*terlig*	женский летний халат
дерб.К.	дерб.М.	х.-монг.	стп.-м.	значение
девл	*девел*	*дээл*	*debel*	шуба
бүс	*бүс*	*бүс*	*büse*	пояс
өөмсн	*өөмсүн*	*оймс*	*oyimusun*	чулки, носки
түрә	*түрәә*	*түрий*	*türei*	голенище
беелә	*бееләә*	*бээлий*	*begelei*	варежки
махла	*малхаа*	*малгай*	*malayai*	шапка
зах	*дзаха*	*зах*	*ǯaq-a*	воротник
өвр	*өвөр*	*өвөр*	*öbür, ebür*	пазуха
ханцн	*ханцаң*	*ханцуй*	*qanču*	рукав
хорма	*хормәә*	*хормой*	*qormai*	подол
товч	*тобчи*	*товч*	*tobči*	пуговица
утцн	*утсан*	*утас*	*утасун*	нитки
зүн	*дзүү*	*зүү*	*ǯegüü*	игла
хәәч	*хәәчи*	*хайч*	*qayuči*	ножницы
шөвг	*шөвүк*	*шөвөг*	*šibüge*	шило
хурвч	*хурупчи*	*хуруувч*	*quruyubči*	напёрсток
эд	*эд*	*эд*	*ed*	материя
торһн	*торгун*	*торго*	*tory-a*	шёлк
түңгрцг	*түңгерцег*	*түнгэрцэг*	*tünggerčeg*	кисет
өлгә	*өлгәә*	*өлгий*	*ölügei*	колыбель
авдр	*абдар*	*авдар*	*abdar-a*	сундук
хәәрцг	*хәәрцг*	*хайрцаг*	*qayirčay*	ящик
цаасн	*цаасан*	*цаас*	*čayasun*	бумага.

Дербеты Калмыкии и Монголии как и другие монгольские народы, ведя традиционный кочевой обаз жизни, издавна занимались номадным скотоводством и разводили скот пяти видов – верблюдов, лошадей, клров, овец и коз. Но если судить поналичию терминов в калмыцком языке, как и в языке ойратов, им был известон и шестой вид скота – яки. Калмыки в отличие от ойратов не разводили яков, но имели о них представление, о чём свидетельствуют оставшиеся в языке термины. Таким образом в калмыцком языке представлены нижеследующие скотоводческие термины общемонгольского характера:

дерб.К.	дерб.М	х.-монг.	стп.-м.	значение
темән	*тәмәән*	*тэмээ*	*temegen*	верблюд
иңгн	*иңгин*	*ингэ*	*inggen*	верблюдица
ботхн	*ботхан*	*ботго*	*botuγun*	верблюжонок
буур	*буура*	*буур*	*buur-a*	верблюд-самец
атн	*атн*	*ат*	*atan*	верблюд-кастрат
хом	*хом*	*хом*	*qom*	верблюжье седло
мөрн	*мөрөн*	*морь*	*morin*	лошадь
адун	*адуун*	*адуу*	*адугун*	табун
гүн	*гүүн*	*гүү*	*gegüü*	кобыла
унһн	*унаган*	*унага*	*unaγan*	жеребёнок
сарва	*сарваа*	*сарваа*	*sarbaγ-a*	жеребёнок годовалый
даahн	*дааган*	*даага*	*daγaγan*	жеребёнок двухлетний
үрə	*үрəə*	*үрээ*	*üriy-e*	трёхлетняя лошадь
дөнн	*дөнөн*	*дөнө*	*dönen*	конь 4-х лет
дөнжңн	*дөнөжңин*	*дөнж*	*döneǯin*	кобыла 4-х лет

аҗрһ	*аҗарга*	*азрага*	*aǯiry-a*	жеребец
агт	*акта*	*агт*	*ayta*	мерин
хазар	*хадзаар*	*хазаар*	*qaǯayar*	узда

дерб.К.	дерб.М.	х.-монг.	стп.-м.	значение
эмәл	*эмәәл*	*эмээл*	*emegel*	верховое седло
җола	*җолаа*	*жолоо*	*ǯiluy-a*	поводья
дөрә	*дөрәә*	*дөрөө*	*dörüge*	стремена
уна	*унаа*	*унаа*	*унаг-а*	верховое животное
терһн	*терген*	*тэрэг*	*tergen*	телега
туша	*тушаа*	*туша*	*туший-а*	путы
чөдр	*чөдөр*	*чөдөр*	*čödür*	путы-треног
үкр	*үкүр*	*үхэр*	*üker*	крупный рогатый скот
туһл	*тугул*	*тугал*	*tuyul*	телёнок
бүрү	*бүрүү*	*бяруу*	*biraγu*	бычок 2-х лет
һунн	*гунан*	*гуна*	*γunan*	бычок 3-х лет
һунҗн	*гунаҗин*	*гунж*	*γunaǯin*	корова 3-х лет
делң	*делең*	*дэлэн(г)*	*deleng*	вымя
бух	*буха*	*бух*	*buqa*	бык
цар	*цар*	*шар*	*šar*	вол
дал	*дал*	*дал*	*dal*	крытый тёплый загон
хөн	*хөөн*	*хонь*	*qonin*	овца
хурһн	*хургун*	*хурга*	*qurqγan*	ягнёнок
төлг	*төлүк*	*төлөг*	*tölüge*	годовалый ягнёнок
зусг	*дзусуг*	*зусаг*	*ǯusay*	двухлетняя овца или коза

дерб.К.	дерб.М.	х.-монг.	стп.-м.	значение
хуц	*хуцу*	*хуц*	*qučа*	баран
ирг	*ириг*	*ирэг*	*irge*	валух
яман	*ямаан*	*ямаа*	*imaγan*	коза
ишк	*ишик*	*ишиг*	*išige*	козлёнок
тек	*теке*	*тэх*	*teke*	козёл
сарлг	*сарлаг*	*сарлаг*	*sarluγ*	як
хәәнг	*хәәнаг*	*хайнаг*	*qayunuγ*	помесь яка и коровы
төл	*төл*	*төл*	*töl*	приплод
мал	*мал*	*мал*	*mal*	скот
сүрг	*сүрүг*	*сүрэг*	*sürüg*	стадо
хаша	*хашаа*	*хашаа*	*qašiy-a*	загон для скота.

В языке дербетов Калмыкии и Монголии обнаруживается большое количество слов общемонгольского характера в составе и других лексико-тематических групп по различным частям речи. Так, например, здесь мы находим названия диких животных, рыб, насекомых – *чон* «волк», *туула* «заяц», *үнгн* «лиса», *гөрәсн* «сайгак», *бар* «тигр», *арслң* «лев», *хулһн* «мышь», *моһа* «змея», *меклә* «лягушка; жаба», *гүрвлг* «ящерица», *заһсн* «рыба», *батхн* «муха», *илəсн* «мошка»; названия растений – *модн* «дерево», *бурһсн* «верба», *намч* «лист, листва», *хусм* «берёза», *өвсн* «трава; сено», *өлң* «осока», *шарлҗн* «бурьян»; названия ландшафта и атмосферных явлений - *уул* «гора», *цөл* «пустыня», *һазр* «земля», *элсн* «песок», *чолун* «камень», *усн* «вода», *мөсн* «лёд», *һол* «река», *нур* «озеро», *дала* «океан», *теңгс* «море», *намг* «болото», *салькн* «ветер», *шуурһн* «метель», *цасн* «снег», *хур* «дождь», *цəкллһн* «молния», *мөндр* «град», *манн* «туман». Общемонгольскими являются все числительные и местоимения, многие прилагательные, глаголы и наречия, служебные части речи.

Среди дербетских слов общемонгольского характера оказалось немало слов, тюркское происхождение которых не вызывает сомнений. Так, среди них выделяются тюркские лексические элементы общемонгольского характера и тюркизмы, присущие, кроме языка дербетов Калмыкии и Монголии,

какому-либо другому монгольскому языку. Примерами такого рода тюркских элементов могут служить следующие:

а) из тюркизмов общемонгольского характера:

дерб.К., дерб.М. *заль* «пламя», х.-монг. *дзаль* «горящий уголь», бур. *зали*: *сог зали* (парн.) «пыл, жар; величие», зап.-бур. *зали тумэр* «щипцы для углей», стп.-м. *ǯali* «пламя; воодушевление, жар» < тюрк., ср. др.-тюрк. *jalïn, jalïnč* «пламя» (< *jal*= «вспыхивать, воспламеняться»), кирг., к.-калп. *жалын*, хак. *чалын*, ног. *ялын*, уйг. *ялкун*, каз. *жалын*, *жалқын*, алт. *јалбыш*, тув. *чалбыыш*, *чалбыраш*, тур. *yalın, yalaz* «пламя» (см. у Рамстедта, 470а);

дерб.К., дерб.М. *зем* (*уст.*) «падаль, труп», х.-монг. *дзэмс* «часть внутренностей, которую по обычаю забирает себе человек, заколовший животное или помогавший мыть требуху», бур. *зэмһэн* «подарок, подношение при закалывании животного», стп.-м. *ǯemsün* «часть мяса и внутренностей, которые забирает себе человек, помогавший закалывать животное и мыть требуху» < тюрк., ср. др.-тюрк. *jem* «еда; съестное» (< *je*= «есть, кушать»), кирг. *жем* «корм, пища хищника; приманка», каз. *жем* «зерно; корм, фураж; приманка», *жемтік* «падаль», ног. *ем*, к.-калп. *жем*, уйг. *йэм* «зерновой корм, фураж», тур. *yem* «корм, фураж; приманка», тув. *чем* «пища, еда, корм» (см. у Рамстедта, 472б);

б) из тюркизмов, общих для калмыцкого и халха-монгольского языков:

дерб.К., дерб.М. (Рамстедт, 14а) *архг*, х.-монг. *архаг*, стп.-м. *arqay* «край, кант ткани» < тюрк., ср. др.-тюрк. *arqay*, каз. *арқау*, кирг. *аркак*, к.-калп. *арқаў*, азерб. *арғач* «уток ткани, поперечные нити ткани», уйг. *арқақ* «гряда, полоска, уток», хак. *арха* «кромка материи». В основе тюркских слов лежит тюркский глагол *арға*= «вязать, плести, ткать», о котором см. у Севортяна I, с.170;

дерб.К., дерб.М. *бекр* «осетр», х.-монг. *бэхэр* «стерлядь», стп.-м. *beker* id. < тюрк., ср. каз. *бекіре*, к.-калп. *бекире*, башк. *бикре*, туркм. *бекре*, узб. *бикри балиқ* «осетр». О распространенности этого слова в тюркских языках см. у Севортяна II, с.108; об этимологии калмыцкого слова см. у Рамстедта, 11б;

дерб.К., дерб.М. *зәңг* [*зәңге*] «1) весть, известие; извещение, уведомле-

ние; 2) заметка, статья, сообщение; 3) предложение», х.-монг. *занги*, стп.-м. *ǯanngi* «известия, новости; слух, молва» < тюрк., ср. др.-тюрк. *jaŋï* «1) новый; 2) день новолуния; 3) новый, только что появившийся», кирг. *жаңы*, каз., к.-калп. *жаңа*, ног. *янъы*, уйг. *йени*, тат. *яңа*, башк. *яңы*, азерб. *јени*, алт. *јаңы*, тув. *чаа*, хак. *наа* «новый, свежий, обновленный» (см. у Рамстедта, 470a);

дерб.К., дерб.М. *тагт* [*тагтъ*] «мост», калм. (Рамстедт 375a) *тагтъ* «мост; мостки; балкон», сарт-калм. *тахта, тахтай* «доска», х.-монг. *тагт* «мезонин», *тай тагт* «помост», *асар тагт* «многоэтажная башня», стп.-м. *taγtu* «мансарда, мезонин, верхний этаж; чердак; башня; этаж, ярус» < тюрк. (< перс. *täxte* «доска; щит; фанера» [Миллер 1960]), ср. др.-тюрк. *taxt* «трон, престол», кирг. *такта*, каз., к.-калп. *тақта*, уйг., узб., азерб. *тахта*, туркм. *тагта*, тур. *tahta* «доска», алт. *такта* «доска; скамья; пол», хак. *тахта* «мост» (см. у Рамстедта, 375a);

дерб.К., дерб.М. *хурмн* [*хурмън*] «финик», х.-монг. *хурам*, стп.-м. *qurma* < тюрк. (< перс. *хорма* «финик»), ср. кирг. *курма*, уйг. *хурма*, каз. *құрма*, ног. *курма*, туркм. *хурма*, тур. *hurma* «финик»;

дерб.К., дерб.М. *цөг* (Рамстедт 444б) *чөг*, х.-монг. *сөг* «окрик на верблюдов, заставляющий их опуститься на колени», стп.-м. *sög* id. < тюрк., ср. др.тюрк. *čök=*, *sök=* «преклонять колени, опускаться на колени», кирг. *чөк*, к.-калп. *шөк* «окрик на верблюдов, заставляющий их опуститься на колени», кирг. *чөк=*, каз., к.-калп. *шөк=*, ног. *шоък=*, туркм. *чөк=*, уйг. *чөк=* 1) становиться на колени, опускаться на колени; 2) оседлать, садиться, опускаться, отстаиваться».

Хотя тюркские слова здесь полностью адаптированы и произносятся уже по нормам монгольских языков, обнаруживая их довольно древний характер (поскольку древнее общемонгольское **ǯ* как субститут тюркского *j* в этих словах уже дало свистящий согласный *з*, их тюркская внутренняя форма явственно прослеживается. Исходя же из монгольских языков эту форму в них выявить невозможно.

В то же время в языке дербетов Калмыкии есть заметное количество слов, общих со словами из языка дербетов и других ойратских говоров

Монголии, т.е. слова, характерные для ойратского ареала и отсутствующие в других современных монгольских языках. Это, например, такие слова, как *асхн* «вечер; -ом», *сөөнә* «ночью», *өрлә* «на рассвете», *өрүн* «утро; -ом», *лавшг* «халат», *халвң* «женская шапка», *кишлг* «рубашка», *һосн* «сапоги», *зәңг* «вести, новости», *бахлур* «горло», *аашх* «приближаться», *күүрсх* «хотеть беседовать», *күүндх* «разговаривать», *бүрүл* «сумерки», *тогтун* «спокойный; -о», *терм* «решётчатая стена юрты», *терз* «окно», *харач* «верхний круг юрты», *аглюн* «глухое место, захолустье» и т.п.

Среди подобных слов немало таких, которые были заимствованы из тюркских и других языков. Это, например, такие слова, как:

аю, сарт-калм. *айуу*, дерб.М. (Вандуй, с. 148) *ajӯ*, ойр. *ауши* «медведь» < тюрк., ср. др.-тюрк. *adïγ, aduγ, aδïγ, ajïγ*, кирг. *аюу*, каз. *аю*, к.-калп. *аюў*, ног. *аюв*, уйг. *ейиқ*, узб. *айиқ*, туркм. *айы*, тат., алт. *аю*, тув. *адыг*, хак. *азыг* «медведь» (об этимологии см. у Севортяна I, с. 112-113; у Рамстедта, 5а);

иди [*идеш*], дерб.М. (Вандуй, с.154) *идәш* «корыто, лохань, в которых дают корм собакам, свиньям и т.п.» < тюрк., ср. др.-тюрк. *idiš* «сосуд, чашка, бокал», кирг. *идиш* «посуда, сосуд; тара», каз. *ыдыс* «посуда», к.-калп. *ыдыс* «посуда; тара», туркм. (диал.) *идиш*, тоф. *идіш*, тув. *идиш* «посуда», хак. *ідіс* «1) посуда; 2) небольшая деревянная кадка» (о распространении этого слова по тюркским языкам см. у Севортяна I, с. 328);

кишлг [*кишлег*] «рубаха, рубашка, сорочка», сарт-калм., ойр. *кишлег, кишлең* «платье; рубашка» < тюрк., ср. др.тюрк. «рубашка», кирг. *кәйнәк*, каз., к.-калп. *көйлек*, ног. *коъйлек*, уйг. *көйнәк, көңләк, көңнәк, көгиләк*, тур. *gömlek*, хак. *көгенек* «рубашка, сорочка; женское платье», узб. *кўйлак, кўйнак*, азерб. *көйнәк* «рубашка, сорочка» (см. у Рамстедта, 64а);

кичг [*кичег*], дерб.М. (Вандуй, с. 156) *кічїг* «щенок (собаки, волчицы, лисы)» < тюрк., ср. др.-тюрк. *kičüg, kičük* «маленький, малый», *kičig* «1) маленький, малый, небольшой; 2) малый (по положению); 3) малый, младший; 4) немного», КК *kiči* «маленький», кирг. *кичу* «маленький, младший, меньший», *кучук* «щенок», каз. *киши* «младший, меньший», *күшік* «щенок», ног. *кишкей* «маленький, меньший», *куъшик, куъшелек* «щенок», уйг. *кичик* «маленький, младший, меньший», *күчүк* «щенок», тат. *кече* «маленький, младший», *көчек* «щенок», тур. *küçük* «1) маленький, малый, небольшой; 2) ре-

бёнок, младенец; детеныш» (об этимологии см. у Севортяна III, с. 92-93; у Рамстедта, 233б);

кув «жбан; кадка; бак», сарт-калм. *куб* «деревянный жбан-маслобойка», дербеты Монголии (Вандуй, с. 156) *кӱw* «жбан, кадка» < тюрк., ср. др.-тюрк. *кӱр* «большой глиняный сосуд, кувшин», кирг. *күп* «1) ручная деревянная маслобойка цилиндрической формы; 2) большой кожаный бурдюк для кумыса», каз. *кубі* «кадушка», к.-калп. *губи* «высокий деревянный сосуд для сбивания масла», уйг. *күп.* «мех, бурдюк», туркм. *гупи* «бочонок для сбивания масла», тур. *кӱр* «большой кувшин с узким горлом», гагауз. *кӱп* «большой глиняный кувшин или горшок», алт. *кӱп* «посуда для молока высокой цилиндрической формы; (*женск.*) кадка, кадушка» (см. у Рамстедта, 244б);

насва, дерб.М. (Вандуй, с.157) *насwā*^{i} «нюхательный табак» < тюрк. (< перс. *нас* «нюхательный табак»), ср. кирг. *насыбай, наспай, асмай* «жевательный табак особого приготовления, закладываемый под язык» (об этимологии этого слова см. у Рамстедта, 272б);

өдмг [*өдмег*] «печёный хлеб» (у торгутов и урянхайцев Монголии *өдм* «хлеб») < тюрк., ср. др.-тюрк. *eptäk, etmäk*, КК *etmek, ötmek* «хлеб», ног. *оътпек*, тат. *икмәк*, кумык. *экмек, этмек*, гагауз. *екмек*, караим. *отъмяк, ётьмяк, этмэк, этъмяк, экмэк*, хак. *іпек*, тур. *ekmek* «хлеб» (о распространении и этимологии этого тюркского слова см. у Севортяна I, с.254; об этимологии этого слова см. у Рамстедта, 293а);

терз [*тэрзе*], сарт-калм. *тәрезе* «окно, окошко» (у торгутов *тэрзе* и дэрбетов Монголии *тэрезе* «окно») < тюрк. (< перс. *дәриче* «дверца, оконце, форточка» < *дәр* «дверь» [Егоров 1964, с. 328]), ср. кирг., каз., к.-калп., ног., кумык. *терезе*, тат. *тәрәзә*, караим. *теряжя, тараджа, тереже, тержя, тәрәджә, тәрәдзә, тәрәзә* «окно», уйг. *деризә*, узб. *дераза, дарча* «окно» (об этимологии этого слова см. у Рамстедта, 393б);

терм [*тэрем*] «1) стенная решётка кибитки; 2) клетчатый», сарт-калм., ойр. *тэрем* «решётчатая стена юрты» < тюрк., ср. башк. *тирмә* «кибитка, войлочная юрта», ног. *терме уьй* «кибитка, войлочный шатёр», туркм. *тәрим* «нижняя часть деревянного остова туркменской кибитки», уйг. *тәмә* (< **тәрмә*) «решётчатое камышовое ограждение беседки», тув. *тербе өг* «войлочная юрта», хак. *терме* «решётка на верху юрты», ср. кирг., каз.

терме, узб. *терма* «сборный» (в основе слова лежит тюркский глагол *тер=* «собирать»; об этимологии этого слова см. у Рамстедта, 393б);

хәклг [*хәкелег*], дерб.М. (Вандуй, с. 255) *кеклӣг* «куропатка» < тюрк., ср. др.-тюрк. *keklik, kekälik* «куропатка», кирг. *кекилик*, уйг. *кәлик*, туркм. *кәкилик* «каменная куропатка», азерб. *кәклик*, каз. *кекілік* «куропатка», тур. *keklik* «серая куропатка» (об этимологии этого слова см. у Рамстедта, 223а);

хундг [*хундъг*] «приклад ружья, ложа», дерб.М. (Вандуй, с.166) *хундук* «ложа ружья» < тюрк., ср. ног. *кундак*, уйг. *қондақ* «приклад ружья», каз. *құндақ* «1) пелёнки; 2) ложе для ружья», к.-калп. *құндақ* «пелёнки», кирг. *кундак* «временное ложе для новорожденного; 2) ложе, приклад ружья», узб. *қўндоқ* «1) приклад ружья; 2) связка виноградных лоз, закрываемых на зиму; 3) насест», туркм. *гундаг* «1) пелёнки; 2) приклад, ложа» (< *гунда=* «пеленать»), тур. *kundak* «1) пелёнки, свивальник; 2) лафет, приклад, ложа; 3) свёрток тряпок для поджигания, пропитанный горючим; 4) повязка на голове» (об этимологии этого слова см. у Рамстедта, 197а);

төтр «ересь; косой, кривой; обратный; наоборот», дерб.М. (Вандуй, с. 161) *тетәр* «упрямец» (ср. др.-тюрк. *tetrü, tertrü* «обратно, в обратную сторону, наоборот», кирг. *тетири* «наоборот, наизнанку», уйг. *тәтүр* «наизнанку, наоборот; изнанка; упрямец»).

Несколько специфических тюркизмов обнаружилось и у дербетов Монголии (по материалам Э. Вандуя): *аңгӣс* «убранное поле, жнивьё» (ср. др.-тюрк. *aŋïs* «жнивьё», кирг., каз. *аңыз*, тур. *anız* «жнивьё, стерня»), *ә̇р* «1) острога, вилка; 2) развилина, рогулька; 3) неглубокий канал» (ср. др.-тюрк. *adïr* «отделение, ответвление, развилина», *adïr=, aδïr=* «разделять, различать; отделять», кирг. *айыр=* «отделять, разделять», каз. *айыр* «рогулька; ответвление», уйг. *айри* «деревянные вилы, рогатина»), *башӣк* «колос» (ср. кирг. *башак*, уйг. *башақ* «колос»), *кӱрәм* «каменная осыпь» (ср. др.-тюрк. *qorum* «каменные россыпи, обломки скал, валуны», кирг. *корум* «груда больших камней, отвалившихся от скалы», уйг. *қорам* «щебень, дресва»), *осӧw* «тесло» (ср. алт. *озуп, оозык*, хак. *усып, оозуп, озук*, шор. *осуп*, тоф. *осук*, тув. *озук* «корнекопалка»), *тоwӧрцӧк* «что-либо выпуклое, шишка» (ср. кирг. *тобурчак* «еловая шишка»).

Некоторые же слова отмечены в источниках как бытующие в разных

калмыцких говорах: сарт-калм. *башлыг*, дерб.М. (Вандуй, с. 149) *башлăг*, элют. (Рамстедт, 36а) *башлиг* «пресный сыр»; дерб., элют. (Рамстедт) *суль* «овес»; дерб., элют. (Рамстедт, 173б) *хавг*, торг. (Кичиков, с. 35) *хавыг* «тыква»; сарт-калм. *халты*, дерб.М.(Вандуй, с. 164) *халт* «карман» (ср. кирг., ног. *калта*, каз. *қалта* id); сарт-калм. *хашыг*, дерб.М. (Вандуй, с. 165) *хашĭг*, элют. (Рамстедт, 172а) *хашиг* "ложка"; элют. (Рамстедт, 354а) *шаар*, сарт-калм. *шәәр* "город"; сарт-калм. *чалһы*, дерб. (Кичиков, с. 34) *шалһы*, дерб. (Рамстедт, 346б) *шалһ*, элют. (Рамстедт, 420б) *шалһ* «коса для сенокошения».

В языке дербетов Калмыкии и Монголии обнаружилось немало слов явно тюркского происхождения, которые отсутствуют в других монгольских языках. Это как бы собственно дербетские тюркизмы, которых выявлено нами свыше ста лексем, бытующих как в языке дербетов Калмыкии и Монголии, так и сугубо в других говорах калмыцкого языка и ойратских говоров Монголии. Они составляют специфику языка дербетов Калмыкии и Монголии. Ниже рассмотрим подробнее в качестве иллюстрации некоторые из этих тюркизмов, пришедших в язык дербетов в разное время из различных тюркских языков:

алднд [*алдъндъ*] «почти; около; как раз в тот момент; перед (этим, тем), вблизи (этого, того)» < тюрк., ср. кирг., каз., ног. *алдында* «перед, впереди; прежде, раньше; около, перед, у, при», представляющие собой форму местно-временного падежа посессивного склонения 3-го лица от общетюркского существительного *алд* «перед» (о данной основе см. у Севортяна I, с. 124-125, также см. у Рамстедта, 6б);

алң [*алъң*] «удивление, изумление; удивительный, изумительный» < тюрк., ср. кирг. *алаң*, *алагды* «рассеянный», каз. *алаң* «отвлечение; беспокойство, сомнение», ног. *аланъгасар* «невнимательный, рассеянный», уйг. *алаң* «недоумение; беспокойство, тревога», узб. *аланг-жаланг* «недоумевающий, растерянный», *алангла=* «растерянно озираться» (см. у Рамстедта, 7б);

арш [*аръш*] «дышло, оглобля» < тюрк., ср. др.-тюрк. *arïš, aruš* «основа ткани», каз. *арыс* «остов телеги», ног. *арыс* «оглобля, дышло», к.-калп. *арыс*, туркм. *арыш* «оглобля», тур. *arış* «1) оглобля; дышло; 2) основа тка-

ни». В других же монгольских языках вместо *ш* представлен согласный *л*: х.-монг. *арал*, стп.-м. *aral* «1) оглобля; 2) корпус телеги; 3) шасси, рама (авто); 4) пряжка», зап.-бур. *арал* «1) телега, арба; 2) оглобли» (об этимологии см. у Севортяна I, с. 189-191; у Рамстедта, 15а);

ацг [*ацъг* < **ачӣг*] в сочетании *ацг ав*= «болезненно реагировать на что-либо, обижаться на что-либо» < тюрк., ср. др.тюрк. *ачаг* «боль», *ачӣг* «1) кислый; горький; 2) горький, обидный; 3) горечь; горько;4) тяжкий, тяжелый, невыносимый; 5) гневный, жестокий» (< *ачӣ*= «1) киснуть, бродить; 2) болеть – о ране; 3) печалиться, горевать, скорбеть»), кирг. *ачуу* «1) горький, кислый; кислота, горечь; 2) жгучий, едкий; 3) гнев, злоба», каз. *ашу* «гнев, зло, возмущение; гневный, возмущенный», *ащы* «горький, кислый, едкий; обидный, оскорбительный», к.-калп. *ашуў* «злоба, гнев», *ашшы* «горечь; горький, кислый», уйг. *аччиқ* «1) гнев; 2) горький, кислый, жгучий», башк. *асыу* «гнев, злоба, негодование, ярость», тоф. *аңыг* «1) кислый; горький; 2) жгучий», тув. *ажыг* «1) кислый; горький; 2) горе, скорбь» (об этимологии см. у Севортяна I, с. 89-93; у Рамстедта, 18 а);

ашу «месть, жажда мщения» < каз. *ашу* «гнев, возмущение», ср. ног. *ашув* «гнев, зло, возмущение; гневный, возмущенный», к.-калп. *ашуў* «злоба, гнев» (об этимологии этого слова см. у Рамстедта, 17а-б);

багц [*багцъ*] «бахча» < тюрк. (< перс. *баг* + *ча* – тюркский уменьшительный аффикс), ср. кирг. *бакча* «сад», каз. *бақша* «фруктовый сад, огород», ног. *бакша* «бахча; огород», к.-калп. *бақша* «огород», уйг. *багчэ* «садик с огородом», тат. *бакча* «сад; огоод, бахча», КК *baqča, bахča* «сад» (об этимологии этого слова см. у Рамстедта, 30а);

балвс [*балвъс*] «воск» < тюрк., ср. КК *balavuz*, каз. *балауыз*, ног. *балавыз*, тат. *балавыз*, башк. *балауыҙ*, карач.-балк. *балауз*, кумык. *балавуз*, караим. *балавуз, балагъуз* «воск» (об этимологии см. у Севортяна II, с. 51; у Рамстедта, 32 б);

барг [*баръг*] «сторожевой пёс; дворняжка» < тюрк., ср. др.-тюрк. *baraq* «охотничья собака с лохматой и длинной шерстью», кирг. *барак ит* «длинношерстная собака», каз. *барақ* «порода собаки», к.-калп. *барақ* «волосатый, лохматый», ног. *барак* «1) овчарка, собака с лохматой шерстью; 2) волосатый, лохматый», узб. *бароқ* «лохматый, косматый; мохнатый, пуши-

стый», тур. *barak* «1) волосатый, лохматый; 2) порода охотничьих собак» (см. у Рамстедта, 34а);

бахр [*бахър*] «1) мишура; 2) сияние, блеск» < тюрк., ср. др.-тюрк. *baqïr* «медь», кирг. *бакыр* «1) медь; 2) двухкопеечная монета; 3) металлическое ведро», каз. *бақыр* «1) медь; 2) металлическое ведро», к.-калп. *бақыр*, ног. *бакыр*, тат *бакыр*, башк. *бақыр*, туркм. *бакыр* «красная медь», уйг. *пақир* «ведро», узб. *пақир* «1) металлическое ведро; 2) двухкопеечная монета», арезб. *пахыр* «ярь-медянка, окись меди», тур. *bakır* «1) медь; 2) медная посуда» (об этимологии см. у Севортяна II, с. 45-47; у Рамстедта, 29а);

безг [*бэзег*] (по словарю Рамстедта – *безгг*) «малярия» < тюрк., ср. др.-тюрк. *bez-gäk* «малярия, лихорадка» (< *bez=* дрожать, трястись»), КК *bez-gek*, кирг., каз., к.-калп., ног. *безгек*, тат. *бизгәк*, башк. *биҙгәк*, узб. *безгак* «малярия, лихорадка», туркм. *безгек* «1) испытывающий неприязнь, отвращение; 2) пугливый» (об этимологии см. у Севортяна II, с. 104-105; у Рамстедта, 43б);

борсг [*борсъг*] «барсук» < тюрк., ср.др.-тюрк. *borsuq, borsmuq*, каз. *борсық*, ног. *борсык*, к.-калп. *порсық*, тат. *бурсык*, башк. *бурһық*, уйг. *борсуқ*, узб. *бурсиқ*, азерб. *порсуг*, алт. *борсук*, хак. *порсых*, тув. *морзук* «барсук» (возможно, в основе слова лежит общетюркский глагол *борсу=* ~ *порсу=* «вонять»);

бөрг [*бөрег*] «1) мясные пельмени; 2) вареники» < тюрк., ср. ног. *боърек* «пирожок», каз. (диал.) *бөрек* «пельмени», к.-калп. *бөрек* «пирог», туркм. *бөрек* «пельмени», тур. *börek* «пирог, пирожок» (см. у Севортяна II, с. 219);

буз [*бузъ*] «буза (*напиток*)» < тюрк., ср. кирг. *бозо*, каз., ног., уйг. *боза*, тат. *буза*, тур. *boza* «буза, алкогольный хлебный напиток», алт. *бозо* «брага, буза» (об этимологии см. у Севортяна II, с. 173-175; у Рамстедта, 64а);

булмг [*булмъг*] «булмак, саламат (*национальное кушанье калмыков*)» < тюрк., ср. кирг. *буламык* «болтушка, похлёбка», каз. *боламық* «мучная похлёбка», ног. *быламык* «клёцки, галушки», тат. *боламык* «густая мучная болтушка; кисель из муки», туркм. *буламак* «болтушка из муки», тур. *bulamaç* «мучная каша» (в основе тюркских слов лежит общетюркский корень *була=* «мешать, размешивать», о чем подробнее см. у Севортяна II, с. 258-260; также у Рамстедта, 60б);

бурш [*буршъ*] «перец» < тюрк., ср. каз. *бұрыш*, к.-калп., ног. *бурыш*, тат.

борыч, башк. *борос*, уйг., узб. *мурч*, туркм. *бурч*, алт. *мырч* «черный перец» (о бытовании этого слова в тюркских языках см. у Севортяна II, с. 274-275; у Рамстедта, 62а);

бутъхаг «1) липкая грязь; 2) муть» < тюрк., ср. кирг. *баткак* «грязь, топкое место», уйг. *патқақ* «грязь; грязный», алт. *баткак* «грязь, топкое место», тат. *баткак* «1) вязкий, топкий, болотистый; 2) грязь, слякоть; топь, жижа», каз. *батпақ* «топь; топкое место; болото, трясина», ног. *батпак* «топь, болото; грязь, слякоть» (в основе тюркских слов лежит корень *бат=* «погружаться, тонуть; вязнуть», о котором см. у Севортяна II, с. 78-80);

бүр «1) ветка с листьями; 2) венчик цветка» < тюрк., ср. др.-тюрк. *bür* «почка растения», КК *bür* «почка, бутон», кирг. *бүр* «молодые листочки», каз. *бүр, бүрі* «хвоя; листья», ног. *буър* «почка, бутон», к.-калп. *бүртик*, тат. *бөре*, алт. *бӱрчӱк* «почка растения», хак. *пӱр* «лист растения», тоф. *бур* «листья; хвоя» (об этимологии калмыцкого слова см. у Рамстедта 67а);

җанҗал «скандал» < тюрк. (< перс. *джänджал* «скандал, гвалт; дрязга»), ср. кирг. *жанжал* «1) скандал; 2) схватка, побоище», каз. *жанжал* «ссора, спор, скандал», к.-калп. *жәнжел* «ссора», ног. *янжал* «скандал», тат. *җәнҗал* «скандал, ссора, конфликт, спор, раздор, распря», уйг. *җанҗал*, *җаңҗал* «скандал, ссора, перебранка; распря, раздор; спор, конфликт»;

жилк [*жилке*] «парус» < тюрк., ср. каз. *желкен*, тат. *җилкән*, ног. *елкен*, башк. *елкән*, туркм. *елкен*, тур. *yelken*, к.-калп. *желқом* «парус» (в основе слова лежит общетюркская основа *жел ~ ел* «ветер»; об этимологии калмыцкого слова см. у Расмстедта, 110а);

зембель «корзина» < тюрк. (< перс. *зämбил* «корзина, сумка, плетенная из древесных волокон»), ср. кирг. *зембил, замбил* «носилки для переноски тяжестей», каз. *зембіл* «плетеная ручная сумка», уйг. *зәмбил* «плетенка, корзина», узб. *замбил* «плетеные носилки», тур. *sembil* «плетеная кошелка»;

кендр [*кэндер*] «конопля» < тюрк., ср. др.-тюрк. *kendir, kentir*, КК *kendir*, каз. *кендір*, к.-калп. *кендир*, уйг. *кәндир*, тур. *kendir*, тат. *киндер*, хак. *киндір*, алт. *кендир* «конопля», тув. *хендир* «конопля; лён», азерб. *кәндир* «1) веревка, канат; 2) пенька, конопля» (см. у Рамстедта, 226а);

киихс [*киихес*] «1) радиус; 2) вкось, наискось; 3) косой, кривой; противо-

речащий, упрямый» < тюрк., ср. кирг. *кыйгач*, каз. *қыйғаш*, хак. *хыйғаш*, тув. *кыйгас* «кривой, загнутый, изогнутый», тат. *кыйгач, кыек*, башк. *қыйғас, қыйық* «косой, наклонный», уйг. *қийғач* «кривой, косой, перекошенный», азерб. *гыйгач* «косо, криво, наискось», ср. гагауз. *кыйнаш*, др.-тюрк. *qïÿïq* «косой, кривой» (в основе тюркских лексем лежит общетюркский глагол *кый*= «отрезать наискось»; об этимологии этого слова см. у Рамстедта, 234а);

көвцг [*көвцег*] «седельная подушка» < тюрк. ср. др.-тюрк. *körčük* «передняя и задняя подушка седла», кирг. *көпчүк* «передняя стилка под седло, заменяющая подушку», каз. *көпшік*, к.-калп. *көпшик*, ног. *коъпшик*, уйг. *көпчүк*, узб. *кўпчик* «седельная подушка», тат. *күпчек* «1) седельная подушка; 2) подушка-думка» (см. у Рамстедта, 240б);

көквш [*көквеш*] «синица» < тюрк., ср. хак. *көк* пас, тув. *хөкпеш*, *көкхөкпеш* «синица» (в тюркских языках это сложное слово, состоящее из *көк* «синий» + *баш* «голова»; эта словообразовательная модель действующая: ср. тат. *күкбаш* «василёк», башк. *күкбаш* «синеголовник – растение»; о тюркском происхождении этого слова см. у Рамстедта, 236б);

күлмг [*күлмег*] *устар.* «рубашка» < тат *күлмәк* «рубашка, сорочка», ср. башк. *күлдәк*, кумык. *гёлек*, караим. *кёльмяк*, гагауз. *гөлмек* id (об этимологии этого слова см. у Рамстедта, 245б);

марха «худой, тощий, недоразвитый – о козе, овце, ягнёнке» < тюрк., ср. кирг. *марка* «1) младший ребёнок, последыш; 2) (*женск.*) ягнёнок», каз. *марқа* «1) ягнёнок раннего окота; 2) ранний приплод (животных)», к.-калп. *марқа* «полугодовалый ягнёнок», ног. *марка* «1) ранний приплод; 2) первый, первенец» (см. у Рамстедта, 257б);

ортг [*ортъг*] *устар.* «товарищество, объединение < тюрк. ср. др.-тюрк. *ortaq* «друг, компаньон», *ortuq* «товарищ», КК *ortaq* «товарищ», кирг. *оток* «1) друг, товарищ; 2) общий, совместный», каз. *ортақ*, ног. *ортак*, кумык. *ортакъ* «общий, совместный», уйг. *ортақ* «1) товарищь;2) совместный, общий; 3) смежный, сопредельный», азерб. *ортаг* «соучастник», гагауз. *ортак* «1) объединение в артель, товарищество; 2) сообща, совместно», тур. *ortak* «1) соучастник, компаньон, пайщик; 2) общий, совместный; 3) совместно», алт. *орток* «сообща; общий» (в основе слова лежит, вероятно,

общетюркский корень *орта* «середина», о котором см. у Севортяна I, с. 474-477; также см. у Рамстедта, 290а);

отлг [*отлъг*] «ясли для кормления скота < тюрк., ср. др.-тюрк. *otluq* «корыто для корма», кирг. *оттоок* «пастбище с хорошей травой», каз. *оттық* «кормушка для скота», ног. *отлык*, тат. *утлык*, кумык. *отлукъ* «ясли для скота, кормушка», уйг. *отлуқ* «луг, пастбище угодья», туркм. *отлук* «луг, выгон, пастбище», гагауз. *отлук* «стог сена», тур. *otluk* «1) луг, выгон, пастбище; 2) сеновал; стог, скирда» (в основе слова лежит общетюркское слово *от* «трава», о котором см. у Севортяна I, с. 481-483; об этимологии этого слова см. у Рамстедта, 291а);

өрг «слива», *шар өрг* «абрикос», сарт-калм. *өрүк* «мелкий абрикос, урюк» < тюрк., ср. др.-тюрк., *erük*, КК *erik* «слива», кирг. *өрүк*, каз *өрік*, к.-калп. *ерик*, уйг. *өрүк*, кумык. *әрик*, туркм. *эрик*, тат. *өрек*, башк. *өрәк* «мелкий абрикос, урюк», гагауз. *ерик*, тур. *erik* «слива» (о распространении в тюркских языках см у Севортяна I, с. 291-292; см. также у Рамстедта, 298б);

сузг [*сузъг*] «сачок для рыбной ловли» < тюрк., ср. др.-тюрк. *susγaq* «черпак», *susïq* «ведро» (ср. КК *sus=* «черпать»), кирг. *сузгу* «черпак», (< *суз=* «черпать»), тат. *соскы* «совок», *соскыч* «черпак» (< *сос=* «черпать»), караим. *сускун* «ковш, черпак» (< *сус=* «черпать»), туркм. *сусак* «ковш, ыерпак, поварешка», *сусгуч* «совок» (< *сус=* «черпать»), хак. *сусху*, алт. *сускy* «ковш, черпак» (< *сус=* «черпать»);

тоһш [*тоһъш*] «1) крендель; 2) круглый» < каз. *тоқаш* «сушка; крендель; баранка», ср. др.-тюрк. *toquč* «лепёшка», кирг. *токоч* «1) хлеб домашнего приготовления в виде лепёшки; 2) тонкая сдобная лепёшка», уйг. *туғач* «сдоба», башк. *туқмас* «лапша» (об этимологии этого слова см. у Рамстедта, 397б);

хаяр, торг. (Кичиков, с. 35) *хайаар* «огурец» < тюрк. (< перс. *хийар* «огурец»), ср. каз. *қыяр*, тат. *кыяр*, башк. *қыйар*, ног., кумык., туркм. *хыяр*, тур. *hıyar* «огурец» (об этимологии этого слова см. у Рамстедта, 161а);

хала (~ *халә*) «жесть; жестяной», сарт-калм. *халә* «железо» < тюрк., ср. кирг. *калай* «1) олово; 2) жестяная банка», тат., башк., ног. *калай*, каз. *қалайы*, к.-калп. *қалай* «олово», кумык. *къалай*, тур. *kalay* «1) олово; 2) полуда» (об этимологии этого слова см. у Рамстедта, 162а);

целвг [*цэлвег*] «круглая лепешка», сарт-калм. *чельпек, чельпек боорсук* «плоская большая лепешка, жаренная в жиру» < тюрк., ср. кирг. *челпек* «большая тонкая лепешка, жаренная в жиру», к.-калп., каз. *шелпек* «тонкая пресная лепешка, приготовленная на сале», чагат. (см. словарь Радлова, т.3, столбец 1982) *чälбäк* «лепешка, блин» (см. у Рамстедта, 426б);

читлг [*читлег*] «фундук – *орех*», *шитлг* [*шитлег*] «лесной орех, лещина» < тюрк., ср. тат. *чикләвек*, башк. *сәтләүек* «орех», ног. *шетлевик* «фундук (*сорт ореха*);

шитм [*шитем*] «1) изгородь, плетень; 2) овечий загон < ног. или к.-калп. *шетен* «плетень, изгородь», ср. тат. *читән*, башк. *ситән* «плетень, изгородь», кирг., кумык. *четен* «1) большая плетёная корзина; 2) плетёный кузов на телегу», уйг. *читән* «1) плетен., камышовая загородка; 2) кузов на арбе», алт. *чеден* «забор» (об этимологии этого слова см. у Рамстедта, 361б);

яңһг [*яңһъг*] «орех, орехи» < тюрк., ср. др.-тюрк. *jaγaq* кирг. *жаңгак*, уйг. *яңғақ* «орех», узб. *ёнғоқ* «1) грецкий орех; 2) арахис», каз. к.-калп. *жаңғақ* «грецкий орех».

В калмыцком словаре Г.И. Рамстедта содержится много слов, данных им как общекалмыцких и отсутствующих в современных калмыцких словарях. Среди них нам тоже удалось выявить тюркизмы, которых нет в остальных монгольских языках. Сюда относятся, например, такие слова, как *ahл=* «плакать от злости» (ср. др.тюрк. *aγïla=* «плакать, сокрушаться», *aγla=* «сокрушаться, страдать»); *әә–балт* «алебарда» (ср. каз. *айбалта* id. < общетюрк. *ай* «луна» + *балта* «топор»); *бешк ~ бөшк* «трут, древесный гриб; губка» (ср. алт. *мешке*, хак. *миске*, шор. *мешке*, башк. (диал.) *мәшкә, мәшкәк*, тат. (диал.) *мәшкә* «гриб»); *зад* «чужой; чужак» (ср. др.-тюрк. *jat* «1) чужой, посторонний; 2) чужая сторона, чужбина», каз., кирг. *жат*, туркм., тат. *ят* «чужой, посторонний; чужак»); *зан=* «точить, править» (ср. др.-тюрк. общетюрк. *janu=* «точить»), *йар=* «мерцать; светиться, сверкать, сиять» (ср. др.-тюрк. *jaru=* «светиться, сиять»), *йеед* «молодой; молодость» (ср. др.-тюрк. *jigit* «юноша, молодой человек», кирг. *жигит* «парень, молодой мужчина», хак. *чиит* «юноша, парень; молодой», тоф. *ниит* «молодой»), *көтр=* «поднимать наверх, поднять и привязать» (ср. др.-тюрк. и общетюрк. *kötür=* «поднимать, возвышать»), *көөрг* «какой-то маленький пуш-

ной зверек – бурундук?» (ср. алт., шор. *көрйк*, хак. *көрік*, тув. *хөөрүк*, тоф. *һөөрүк* «бурундук»), *өңгр* «углубление, яма; долина» (ср. др.-тюрк. *üŋür* «1) пещера, грот; 2) полость» < *üŋ=* «пробивать отверстие, сверлить», кирг. *үңгүр* «нора; пещера», уйг. *өңкүр, үңкүр* «пещера»), *тоос* «береста; сосуд из бересты» (ср. др.-тюрк. и общетюрк. *tos* «береста»), *түн* «лес, чаща, чащоба; темнота, тьма» (ср. др.-тюрк. и общетюрк. *tün* «ночь»), *түш=* «поселяться, селиться» (ср. др.-тюрк. и общетюрк. *tüš=* «падать, валиться на землю, вниз; ниспадать; 2) слезать, сходить вниз; спешиваться; 3) останавливаться, делать остановку; 4) падать, выпадать»), *хар* «снег» в сочетании *хар хайг* «большие снежные хлопья» (ср. др.-тюрк. и общетюрк. *qar* «снег»), *хәәмг* «кипяченные сливки» (ср. каз. *қаймақ*, тат. *каймак* «сливки»), *хохш* в сочетании *хохш оңһц* «совсем узкая лодка» (ср. др.-тюрк. *qoγuš* «желоб для воды»), *хус=* «отрыгивать(ся), рыгать» (ср. др.-тюрк. и общетюрк. *qus=* «рвать, изрыгать; тошнить»), *чис=* «чертить, рисовать (по мерке)» (ср. др.-тюрк. *čis=*, *čïs=* «чертить, проводить линию», уйг. *чиз=*, южнокирг. *чыз=* «чертить, проводить черту»), *чиш~ шиш* «короткая жердь, заострё нная палка» (ср. др.-тюрк. и общетюрк. *šiš* «вертел, шампур»).

Кроме того, выявились весьма показательные данные относительно бытования тюркизмов в калмыцких говорах. Так, наиболее насыщенным тюркизмами оказался дербетский говор. Например, следующие тюркские заимствования, представленные в калмыцком языке, отмечены Г.И. Рамстедтом и А.Ш. Кичиковым как дербетские слова: *багц* «сад, огород» (Рамстедт 30а), *балвс*, *балус* «воск» (Рамстедт), *башмг*, *башнг* «башмак» (Рамстедт, 36а), *бекр* «осетр» (Рамстедт), *буз* «пиво» (Рамстедт), *булмг* «мучная болтушка с маслом или сметаной, саламат» (Рамстедт), *бәәһуш* «бедный, жалкий, несчастный; бедняга» (Рамстедт, 39б), *җилк* «парус» (Рамстедт), *кулмг* «рубашка, сорочка» (Рамстедт), *марха* «недоношенный ягненок» (Рамстедт), *отлг* «ясли, кормушка для скота» (Рамстедт), *такты* «мост» (Кичиков, с. 34), *терг* «тополь или осина» (Рамстедт, 393а), *терз* «окно» (Рамстедт), *тоһш* «крендель, калач» (Рамстедт), *хадң* «береза» (Рамстедт, 159а), *хош* «повозка, телега, подвода» (Рамстедт, 189б), *чаһр ~ шаһр* «вино» (Рамстедт, 436б), *чапан ~ шапан* «стеганый халат, бешмет» (Рамстедт, 349б, 437б; см. также калмыцко-русский словарь, с.665), *чигр* «чигирь, колесо для поднятия воды» (Рамстедт, 439а), *шалхг* «репа; брюква» (Рамстедт, 346; см. также

калмыцко-русский словарь, с. 663), *шитлг* «лесной орех» (Рамстедт), *шитм* «плетень; загон для овец» (Рамстедт).

Как торгутские оказались помеченными у Г.И. Рамстедта, А.Ш. Кичикова и в калмыцко-русском словаре следующие тюркизмы: *арг* «канал, оросительная канава, арык» (Рамстедт, 13а), *башлг* «башлык «капюшон» (см. калмыцко-русский словарь, с. 87; ср. тат., туркм. *башлык* «капюшон» < *баш* «голова»), *созг ~ сузг* «рыболовный сачок» (Рамстедт), *хайаар* «огурец» Рамстедт, 161а; Кичиков, с.35), *чис* «тонкий шест, жердь» (см. калмыцко-русский словарь, с. 653; ср. *чиш ~ шиш* по Рамстедту), *ширк* «уксус» (Рамстедт, 360б).

В калмыцко-русском словаре (с. 632) как принадлежащее говору бузава дано слово *ценг* [*цэнег*] «вилы» (< тюрк., ср. тат. *сәнәк*, башк. *һәнәк*, каз. *сенек* «вилы»).

Ряд тюркизмов, приведенных Г.И. Рамстедтом в его калмыцком словаре и отсутствующих в словарях современного калмыцкого языка, отмечен им как элютские: *бойдг* «баран по второму году; прошлогодняя овца» (Рамстедт, 49а-б), *булдрун* «степной рябчик» (Рамстедт, 59б), *зам=* «штопать, чинить, латать, ремонтировать» (Рамстедт, 466а), *зарһг* «козья шкура без шерсти» (Рамстедт, 467б), *сел* «горная лавина, снежная лавина» (Рамстедт, 322а), *хайг* «корабль, лодка» (Рамстедт, 161а), *цая* «зеленое насекомое с длинными ногами и крыльями, похожее на кузнечика» (Рамстедт, 420а).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что язык дербетов Калмыкии и Монголии давно испытал влияние тюркских языков, начавшееся еще в эпоху, когда предки дербетов – ойраты – еще не выделились из группы северных монголоязычных народов, к языкам которых относились также халха-монгольский и бурятский, о чем говорит наличие тюркизмов как в старомонгольском языке, так и в современных халхаском и бурятском. Таких тюркизмов в языке дербетов Калмыкии и Монголии довольно много. Здесь в качестве иллюстрации были рассмотрены лишь отдельные из них. Большой по объему пласт специфических тюркизмов в словарном составе языка дербетов Монголии и Калмыкии, проанализированный в данном исследовании, подтверждает то, что уже самостоятельный язык дербетов имел достаточно давние и тесные связи с тюркскими языками. Эти связи

были продолжены и позднее, но уже с киргизским, уйгурским, казахским языками. Много заимствований попало в язык дербетов из языков казахов, ногайцев, татар, когда дербеты переселились на Волгу. Из калмыцких говоров наиболее насыщен тюркизмами дербетский, менее – торгутский.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проделанного анализа авторы пришли к выводу, что калмыцкий язык мало изменил свой строй и в основных своих чертах сохраняет особенности ойратского языкового ареала.

Сравнительное исследование фонетики дербетского говора, одного из основных говоров калмыцкого языка наряду с торгутским и бузавским говорами, со звуковым строем языка дербетов Монголии, составлявших с дербетами России некогда (несколько сот лет тому назад) единый народ в составе Джунгарского ханства в Центральной Азии, позволило получить следующие результаты. Прежде всего следует отметить, что сравнение общего состояния звукового строя дербетского говора со звуковым строем языка дербетов Монголии показало, что между ними не выявилось принципиальной разницы. Их звуковой строй в своих основных классификационных чертах сходен и позволяет объединить язык дербетов России и язык дербетов Монголии в единый язык, входящий в самостоятельный ойратский ареал монгольских языков, сформировавшийся, по всей вероятности, со своими специфическими чертами еще в глубокой древности. В ходе формирования ойратского ареала в звуковом строе языков ойратских племен, в том числе и дербетов, одних из предков калмыков, происходили единые эволюционные процессы, в результате действия которых, современные калмыцкий язык и ойратские говоры Монголии, несмотря на то, что их носители в течение более четырехсот лет разделены многотысячным пространством, сохраняют сходные фонетические черты. Характерные специфические признаки звукового строя ойратского ареала явственнее всего проявляются при сравнении ойратской фонетики с фонетикой соседствующего халха-монгольского языка, ибо в их основе лежит звуковой строй одного и того же монгольского праязыка, из которого они развились. В области вокализма сравнение выявило следующую картину эволюции гласных фонем. Современная система вокализма как языков ойратского ареала, так и халха-монгольского включает три группы гласных фонем: группу кратких гласных, долгих гласных и дифтонгов. По своим характерным признакам краткие гласные четко делятся на краткие гласные, упот-

ребляющиеся только в первом слоге, и на гласные, используемые в последующих слогах. У этих двух групп кратких гласных разные акустические признаки. Современные краткие гласные первого слога являются гласными полного образования и имеют чётко выраженные акустические классификационные признаки: постоянную длительность, устойчивую тембровую окраску, и определяются как передне- и заднеязычные по месту образования. В языках калмыцких лербетов, дербетов Монголии и халха-монголов краткие гласные первых слогов произносятся одинаково чётко и с полной артикуляцией. Дербеты Калмыкии употребляют следующие краткие гласные: три твёрдорядных – «а», «о», «у»; пять мягкорядных – «э(е)», «ə», «ө», «ү», «и». В системе вокализма говора дербетов Монголии в принципе представлена та же система кратких гласных первого слога, что и вышеупомянутая калмыцкая система. Процесс становления системы кратких гласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии происходил следующим образом: четыре древнемонгольских твёрдорядных кратких гласных **а (а), *о (о), *у (и), *ы (ї)* частично сохранились, частично трансформировались. При этом гласный **а (а)* продолжает оставаться в первом слоге многих твёрдорядных слов как общедербетского, так и халхаского языков в словах типа дерб. *арвăн*, х.-монг. *арав // арван* (< др.-монг. **arban*) «десять»; дерб. *амăн*, х.-монг. *ам // аман* (< др.-монг. **aman*) «рот, уста»; дерб. *байĭн*, х.-монг. *баян* (< др.-монг. **bayan*) «богатый». Гласный *а* в первом слоге в некоторых случаях появляется вместо **ї* в результате действия раннего перелома гласного **ї*. Например, дерб. *махăн*, х.-монг. *мах // махан* (< др.-монг. **mïqan*) «мясо» (> стп.-м. *miqan* > бур. *мяхан* id.); дерб. *ямаан*, х.-монг. *ямаа // ямаан* (< др.-монг. **yïmaγan* «коза» < др.-тюрк. *jïmγa* «самка дикого горного козла»~*ïmγa* «коза»), ср. стп.-м. *imaγan* > бур. *нимаан~ямаан* «коза».Твёрдорядный краткий гласный **о (о)* либо продолжает сохраняться от состояния древнего монгольского языка, например, дерб. *долаан*, х.-монг. *долоо(н)* (< др.-монг. **doluγan*) «семь»; дерб.К. *йосăн*, дерб.М. *йосӯн*, х.-монг. *ёс // ёсон* (< др.-монг. **yosun*) «обычай, традиция»; дерб. *олăн*, х.-монг. *олон* (< др.-монг. **olan*) «много», либо развился в результате перелома гласного **ї ~ *і*, например, дерб. *ӂолаа*, х.-монг. *жолоо* (< др.-монг. **ǯiluγa*) «поводья»; дерб. *ӂораа*, х.-монг. *жороо* (< др.-монг. **ǯiruγa*)

«иноходец»; дерб. *чонӑ*, х.-монг. *чоно* (< др.-монг. **čiпша*) «волк». Особенностью языка дербетов Калмыкии является своеобразное оканье, когда в говоре во многих словах, главным образом перед согласными *м* и *в*, произносят в первом слоге *о* вместо *у*, например, дерб.К. *совсӑн* «жемчуг», дерб.М. *сувсӯн* «бусы» (< др.-монг. *subsun* «жемчуг»); дерб.К. *горвӑн*, дерб.М. *гурвӯн* (< др.-монг. *yurban*) «три». Краткий твёрдорядный **у (и)* аналогичным образом либо сохраняется от состояния древнемонгольского языка, например, дерб. *улаан*, х.-монг. *улаан* (< др.-монг. **ulaγan*) «красный»; дерб.К. *усӑн*, дерб.М. *усӯн*, х.-монг. *ус // усан* (< др.-монг. **usun*) «вода», либо развился из **ї* ~ **і* в результате процесса перелома, например, дербК. *удгӑн*, дерб.М. *удгӯн*, х.-монг. *удаган* (< др.-монг. **їduγan*) «шаманка» (< др.-тюрк. *їduq* «священный, святой»); дербп. *утхӑ*, х.-монг. *хутга* (< др.-монг. **qїtuγa*) «нож»; дерб.К. *цусӑн*, дерб.М. *цусӯн*, х.-монг. *цус // цусан* (< др.-монг. **čisun*) «кровь»; дерб.К. *нургӑн*, дерб.М. *нургӯн*, х.-монг. *нуруу* (< др.-монг. **пїruγun*) «спина» (> стп.-м. *niruγun* > бур. *нюрган* id.). Краткий гласный **ы (ї)* твёрдого ряда в первом слоге современных калмыцкого, ойратского и монгольского языков не сохранился, перейдя либо в другие твёрдорядные гласные в результате перелома, либо перешёл в мягкий переднеязычный *і*, что часто наблюдается в калмыцком и ойратском языках. Твёрдорядные слова часто при этом переходят в мягкорядные. Примеры: дерб. *җиргӑл*, х.-монг. *жаргал* (< др.-монг. **ǯiryal*) «счастье»; дерб. *чинӑр*, х.-монг. *чанар* (< др.-монг. **činar* < ***tїnar*) «качество»; дерб.К. *килгӑсӑн*, дерб.М. *килгӑсӯн*, х.-монг. *хялгас* (< стп.-м. *kilγasun* < др.-монг. **qїlγasun*) «конский волос» (< др.-тюрк. *qїl* id.).

В мягкорядных словах в языках дербетов Калмыкии и Монголии используются краткие гласные **э (е), *ә (ӓ), *ө (ӧ), *ү (ӱ), *и (і)*. Как и гласные твёрдого ряда, приведённые мягкорядные гласные произносятся с полной артикуляцией и достаточно чётко лишь в первом слоге. В других слогах они используются лишь в аффиксальных морфемах, например, *бичїг* «письмо» – *бичгиин* «письменный», *әмїн* «жизнь» – *әмнәә* «жизненный». Кроме того, эти краткие гласные мягкого ряда в калмыцкой орфографии используются для обозначения соответствующих мягкорядных долгих гласных в любом слоге, поскольку долгие гласные в калмыцком литературном письменном

языке в отличие от дербетских говоров и халха-монгольского языка могут сокращаться до состояния кратких гласных полного образования, например, калм.-лит. *сән* - дерб. *сәән*, х.-монг. *сайн* «хороший» (< стп.-м. *sayin* id.); калм.-лит. *өрүн* - дерб. *өрүүн* «утро»; калм.-лит. *темән* – дерб. *темәән*, х.-монг. *тэмээ(н)* «верблюд» (< стп.-м. *temegen* id.).

Процесс формирования системы кратких мягкорядных гласных калмыцкого и ойратского языков происходил следующим образом: **э (е)* прежде всего наследует древнемонгольскую фонему **е* первого слога, например, дерб. *энĕ*, х.-монг. *энэ* (< др.-монг. **ene*) «этот»; дерб. *эмәәл*, х.-монг. *эмээл* (< др.-монг. **emegel*) «седло»; дерб. *текĕ*, х.-монг. *тэх* (< др.-монг. **teke*) «козёл». В единичных случаях начальный гласный *е* развился из древнемонгольского гласного **i*, например, дерб. *негĕн*, х.-монг. *нэг // нэгэн* (< др.-монг. **nigen*) «один».

Относительно появления гласного *«ə»* в системе мягкорядных гласных калмыцкого и ойратского языков, то есть в ойратском ареале, в том числе и в языке дербетов, следует отметить, что этого гласного не было в древнемонгольском языке, а развился он лишь в ойратском ареале на месте твёрдорядного гласного **а* под влиянием гласного **i*<**ï* второго слога древнемонгольских слов вследствие действия ассимилятивных процессов. Древние монгольские соответствующие слова при этом переходили в разряд мягкорядных слов. Наличие гласного «*ə*» является спецификой системы гласных языков ойратского ареала, например, дерб. *бәрхĕ*, х.-монг. *барих* «схватить, поймать» (< стп.-м. *bariqu* id.); дерб. *хәрхĕ* , х.-монг. *харих* «возвращаться домой» (< стп.-м. *qariqu* id.).

Гласный **ө (ö)* обычно сохраняется от древнемонгольского состояния, например, дерб. *өндĕр*, х.-монг. *өндөр* (< др.-монг. **öndür*) «высокий»; дерб. *көл*, х.-монг. *хөл* (< др.-монг. **köl*) «ноги»; дерб. *мөсĕн*, х.-монг. *мөс // мөсөн* (< др.-монг. **mölsün*) «лёд». В ряде случаев калмыцкие и ойратские «*ө*» в первом слоге развились из древнемонгольских гласных **е* и **i* под влиянием процессов ассимиляции, например, дерб. *өдĕр*, х.-монг. *өдөр* (< др.-монг. **edür*) «день»; дерб. *өвсĕн*, х.-монг. *өвс // өвсөн* (< др.-монг. **ebüsün*) «трава»; дерб. *шөлĕн*, х.-монг. *шөл // шөлөн* (< др.-монг. **šilün* < *** silün*) «бульон». В то же время отмечается закономерность перехода твёр-

дорядного «*о*» первого слога под влиянием гласного «*и (і)*» второго слога в мягкорядный гласный «*ө*», что повлекло за собой превращение твёрдорядного слова в мягкорядное, например, ср.-монг. **morin* > х.-монг. *морь // морин* – дерб. *мөрĭн* «лошадь, конь»; ср.-монг. **qorin* > х.-монг. *хорь // хорин* – дерб. *хөрĭн* «двадцать»; ср.-монг. **qoyina* > х.-монг. *хойно* – дерб. *хөөнă* «после»; ср.-монг. **qonin* > х.-монг. *хонь // хонин* – дерб.К. *хөөн*, дерб.М.. *хөөн, хөө, хой, хоэн* «овца». В языке дербетов, причём как в Калмыкии, так и в Монголии, наблюдается употребление *ө* вместо *ү* перед согласными *м* и *в*, например, дерб.К. *хөвĕ*, дерб.М. *хөб~хүб~хүв*, х.-монг. *хувь* (ср. стп.-монг. *qubi*) «судьба, доля»; дерб. *хөмхĕ*, х.-монг. *хумих* (ср. стп.-монг. *qumiqu*) «собрать, сложить».

Начальный гласный **ү (ü)* языков ойратского ареала, как и в халха-монгольском языке, обычно наследует в этой позиции древний монгольский гласный **ü*, например, калм., ойр. *күрхĕ*, х.-монг. *хүрэх* (< др.-монг. **kürekü*) «достигать»; дерб. *күсĕл*, х.-монг. *хүсэл* (< др.-монг. **küsel*) «желание»; дерб. *үсĕн*, х.-монг. *сүү // сүүн* (< др-монг. **üsün*) «молоко». В ряде случаев начальный гласный *«ү»* калмыцкого и ойратского языков развился на месте гласных **е* и **і* первого слога древнемонгольского языка в результате действия процессов ассимиляции, например, дерб.К. *өвĕл*, дерб.М. *увĕл*, х.-монг. *өвөл* (< др.-монг. **ebül*) «зима»; жерб. *нүдĕн*, х.-монг. *нүд // нүдэн* (< др.-монг. **nidün*) «глаз, глаза»; дерб. *үлүү*, х.-монг. *илүү* (< др.-монг. **ilegü*) «излишек, избыток»; дерб. *бүрүү*, х.-монг. *бяруу* (< стп.-м. *birayu* < др.-монг. **bïrayu*) «телёнок двух лет».

Гласный *«и(і)»* языков ойратского ареала в мягкорядных словах наследует древнемонгольский гласный **і*, например, дерб. *бичкĕн*, х.-монг. *бяцхан* (< др-монг. **bičiqan*) «маленький»; дерб. *җиҗĭг*, х.-монг. *жижиг* (< др.-монг. **ǯiǯig*) «мелкий»; дерб. *ичхĕ*, х.-монг. *ичих* (< др.-монг. **ičikü*) «стыдиться». Кроме того, *«и»* появляется в твёрдорядных словах языка дербетов на месте древнемонгольского **ï*, о чем было сказано выше.

Краткие гласные непервых слогов являются гласными неполного образования, имеют нечёткую артикуляцию, неустойчивую длительность и определяются как неясные гласные, способные к полной редукции. По своим артикуляционным признакам они скорее относятся к гласным смешанного

образования и произносятся в твёрдорядных словах как звуки, колеблющиеся между фонемами [а] и [ы], в мягкорядных словах – как звуки средние между фонемами [э] и [и], обозначаемые нами как «ă» и «ĕ», часто сохраняется также и [и] в виде «ĭ» там, где в старомонгольском языке было «*i*», например, *мөрĭн* (< *morin*) «лошадь». Наблюдения над реальным произношением гласных разных слогов дербетских и халха-монгольских слов показали, что в халха-монгольском языке неясные гласные вторых и следующих слогов имеют в общих чертах сходную артикуляцию, что и в языке дербетов Калмыкии и Монголии. Разница состоит в том, что в халхаском языке эти гласные подвергаются меньшей редукции, что поддерживается их орфографическим оформлением, причем с сохранением огубленных «о» и «ө» под влиянием халхаского губного сингармонизма (напр. *явсан* «ушел», *ирсэн* «пришел», *болсон* «был», *өгсөн* «дал»). В языке дербетов Калмыкии краткие неясные гласные обычно значительно сокращаются, что часто приводит их к полному исчезновению. Это дало основание калмыкам полностью отказаться от их обозначения на письме (напр. *йовсн* «ушел», *ирсн* «пришел», *болсн* «был», *өгсн* «дал»). В дербетских говорах Монголии, которые, кстати, не имеют своей письменной формы, в отношении этих гласных наблюдается картина средняя между калмыцким и халха-монгольским языками. В речи эти гласные, хотя и кратко, но произносятся, видимо под влиянием халхаского языка, их редукция не столь явно выражена, как в калмыцком языке. Так, монгольские учёные обозначают данные гласные знаком « ˘ », который они ставят над буквой второго, третьего и т.д. слога, где они встречаются согласно гармонии гласных, например, *altăn* «золото; золотой», *okă, okŏ, okăn, okŭn* «дочь», *anĭsxă* «веки», *kemkĕdĕk* «злой, кусачий (о собаке)», *möŋgŭn* «серебро; серебряный», *axlātšĭ* «старшина, глава» и т.п.

В системе вокализма современных дербетских говоров как Калмыкии, так и Монголии, а также халха-монгольского языка, представлены долгие гласные, причем все они вторичные, образовавшиеся на месте двоеслогов в результате выпадения интервокальных согласных и слияния двух соседних гласных. Характер долготы при этом определяется по второму гласному двоеслога. Процесс образования долгих гласных происходил по типичной

модели, что можно наглядно проиллюстрировать примером: др.-монг. **aγúla* > **a'ūla* > **o'ūla* > **u'ūla* > современные дерб.К. *уулă*, дерб.М. *уул*, х.-монг. *уул* «гора». Образование долгих гласных на месте преобразования двоеслогов прослеживается во всех современных монгольских языках.

В дербетских говорах Калмыкии и Монголии имеется три долгих твёрдорядных гласных *«аа»*, *«оо»*, *«уу»* и пять мягкорядных – *«ээ (ее)»*, *«әә»*, *«өө»*, *«үү»*, *«ии»*.

Наблюдение над эволюцией конкретных долготных комплексов с согласными *–γ-* и *-g-* в инлаутной позиции позволило получить здесь следующую картину:

*-aγa- > -aa- (др.-монг. **bayatur* > дерб. *баатăр* «богатырь, герой»; др.-монг. **ulayan* > дерб. *улаан* «красный»);

*-aγu- > -уу- (др.-монг. **bayuqu* > дерб. *буухă* «слезать»; др.-монг. **mayu* > дерб. *муу* «плохой»);

*-uγa- > -aa- (др.-монг. **doluγan* > дерб. *долаан* «семь»; др.-монг. **ǯiruγa* > дерб. *җораа* «иноходь; иноходец»);

*-ïγa- > -iγa- > -aa- (др.-монг. **nïγaqu* > дерб. *наах* «приклеивать»; стп.-м. *ǯiγaqu* > дерб. *заахă* «указывать»);

*-oγa-> -oo- (др.-монг. **toγa* > дерб. *тоо* «число»; др.-монг. **toγa-bar* > дерб. *тоогаар* «числом»);

*-uγu- > -уу- (др.-монг. **buγura* > дерб. *буурă* «верблюд-самец»; др.-монг. **tuγurγa* > дерб. *туурhă* «войлочная стена юрты»; др.-монг. **quγur* > дерб. *хуур* «смычный музыкальный инструмент»);

*-ïγu- > -iγu- > -уу-, -үү- (др.-монг. **nïγuqu* > дерб. *нуухă* «утаивать»; стп.-м. *qariγu* > дерб. *хәрүү* «ответ»);

*-ege > -ээ-, -ее-, -әә- (др.-монг. **emegel* > дерб. *эмәәл* «седло»; др.-монг. **egemeg* > дерб. *ээмĕг* «серьги в виде большого кольца»; др.-монг. **degere* > дерб. *деерĕ* «наверху»);

*-egü- > -үү- (др.-монг. **egülen* > дерб. *үүлĕн* «облако»; др.-монг. **degü* > дерб. *дүү* «младший брат, сестра»);

*-ige- > -ээ-, -ее- (др.-монг. **šigekü* > дерб. *шеехĕ* «мочиться»; др.-монг. **ǯige* > дерб. *зее* «племянник; внук по дочери»);

*-igi- > -ии- (др.-монг. *čigig > дерб. *чиг* «сырость, влага; роса»; др.-монг. *čigigtei > дерб. *чигтээ* «сырой, влажный»);

*-igü- > -үү- (др.-монг. *serigün > дерб. *серүүн* «прохладный»; др.-монг. *terigün > дерб. *түрүүн* «головной, передовой»);

*-ügü- > -үү- (др.-монг. *küǯügün > дерб. *күзүүн* «шея»; др.-млнг. *ügürmeg > дерб. *үүрмĕг* «мелкий»);

*-üge- > -өө- (др.-монг. *čilüge > дерб. *чөлөөн* «свобода»; др.-монг. *örlüge > дерб. *өрлөө* «утро»);

*-öge- > -өө- (др.-монг. *töge > дерб. *төө* «пядь»; др.-монг. *ǯögekü > дерб. *зөөхĕ* «перевозить»; др.-монг. *ǯögelen > дерб. *җөөлĕн* «мягкий»);

*-aβ > au- > -уу- (др.-монг. *taβlai > стп.-м. *taulai* > дерб.К. *туулаа*, дерб.М.. *туулаа* «заяц»; др.-монг. *aβγan > стп.-м. *auγan* > дерб. *уугăн* «первенец»);

*-eβ > eü- > -үү- (др.-монг. *teβke > стп.-м. *teüke* «история» > дерб. *түүкĕ* «повесть, сказание»; др.-монг. *keβken > стп.-м. *keüken* > дерб. *күүкĕн* «девушка, девочка»);

*-oβ > ou- > -уу- (др.-монг. *čoβqur > стп.-м. *čouqur* > дерб. *цоохăр* «пестрый»; др.-монг. *qoβ > стп.-м. *qou* > дерб. *хуу* «весь, всё»).

Долготные комплексы, в которых в интервокальном положении вместо увулярного -γ- и заднеязычного -g- в истории древнемонгольского языка находился среднеязычный щелевой -у- (-й-), также подвергались в процессе эволюции звукового строя языков ойратского ареала трансформации за счет выпадения этого интервокального согласного. При этом, как было рассмотрено выше, после выпадения смычных согласных на месте долготного комплекса развивались долгие гласные, после выпадения же щелевого среднеязычного -у- (-й-) в разных монгольских языках развились гласные различного качества: как дифтонги, так и долгие монофтонги, причем дифтонги развились в основном в халха-монгольском, бурятском, дагурском и др. языках, кроме ойратских и западных бурятских говоров. В дербетских говорах и в западных бурятских говорах вместо дифтонгов появились долгие гласные, при этом как в позиции анлаута и инлаута, так и ауслаута.

Следует отметить, что развитие древнего двоеслога *-ayi- в истории

монгольских языков дало разные результаты: в халха-монгольском языке и в языке восточных бурят в этой позиции развился твёрдорядный дифтонг -ай-, а в языке западных буряти в дербетских говорах – соответственно мягкорядный долгий гласный -әә-. Это хорошо прослеживается при сравнении соответствующих примеров: др.-монг. **ayinam* > х.-монг. *айна*, вост.-бур. *айна*, зап.-бур. *әәна*, дерб.К. *әәнәә*, дерб.М. *әәнә* «боится»; др.-монг. **ayil* > х.-монг. *айл*, вост.-бур. *айл*, зап.-бур. *әәл*, дерб. *әәл* «двор; хозяйство»; др.-монг. **tayilaqu* > х.-монг. *тайлах*, вост.-бур. *тайлаха*, зап.-бур. *тәәлха*, дерб. *тәәлхә* «развязывать, отвязывать, снимать одежду»; др.-монг. **bayinam* > х.-монг. *байна*, вост.-бур. *байна*, зап.-бур. *бәәна*, дерб.К. *бәәнәә*, дерб.М. *бәәнә* «имеется, есть»; др.-монг. **dayin* > х.-монг. *дайн*, вост.-бур. *дайн*, зап.-бур. *дәән*, дерб. *дәән* «война».

Комплекс *-oyi- дает либо твёрдорядный дифтонг -ой- в халха-монгольском языке и в восточнобурятских говорах, либо долгий мягкорядный -өө- в западнобурятских и в дербетских говорах, например, др.-монг. **oyira* > х.-монг. *ойр*, вост.-бур. *ойро*, зап.-бур. *өөра*, дерб. *өөрә* «близко, поблизости»; др.-монг.**noyir* > х.-монг., *нойр*, вост.-бур. *нойр*, зап.-бур. *нөөр*, дерб. *нөөр* «сон», др.-монг. **qoyina* > х.-монг. *хойно*, вост.-бур. *хойно*, зап.-бур. *хөөна*, дерб. *хөөнә* «после».

Комплекс *-uyi- в халха-монгольском языке и восточнобурятских говорах дает дифтонг -уй-, в западных бурятских говорах здесь развился долгий мягкорядный үү, в дербетских говорах – твердорядный уу, например, др.-монг. **uyilaqu* > х.-монг. *уйлах*, вост.-бур. *уйлаха*, зап.-бур. *үүлаха*, дерб. *уульхә* «плакать»; др.-монг. **uyidaqu* > х.-монг. *уйдах*, вост.-бур. *уйдаха*, зап.-бур. *үүдха*, дерб. *удьхә* «скучать, грустить».

Комплекс *-eyi- в халха-монгольском дал дифтонг -ий-, в бурятских говорах, как в восточных, так и западных, а также в дербетских говорах дал долгий -ии-, например, др.-монг. **deyilekü* > х.-монг. *дийлэх*, зап.-бур., вост.-бур. *дишлэхэ*, дерб. *дишлхә* «победить»; др.-монг. **eyimü* > х.-монг. *ийм*, вост.-бур., зап.-бур. *ишмэ*, жерб. *ишмә* «такой».

Комплекс *-üyi- в халха-монгольском языке и в восточных бурятских говорах трансформировался в мягкорядный дифтонг -үй-, в западных бурятских говорах, и в языке дербетов – в долгий мягкорядный -үү-, напри-

мер, др.-монг. **üyisün* > х.-монг. *үйс // үйсэн*, вост.-бур. *үйһэн*, зап.-бур. *үүһэн*, дерб. *үүсӗн* «кора березы»; др.-монг. **tüyimer* > х.-монг. *түймэр*, вост.-бур. *түймэр*, зап.-бур. *түүмэр*, дерб. *түүмӗр* «лесной пожар». В некоторых случаях этот комплекс в дербетских говорах, как и в западных говорах бурятского языка, вместо долгого мягкого -үү- развился в долгий -ии-, например, др.-монг. **küyiten* > х.-монг., вост.-бур. *хүйтэн*, зап.-бур. *хиитэн*, дерб. *киитӗн* «холодный»; др.-монг. **küyisün* > х.-монг. *хүйс // хүйсэн*, вост.-бур. *хүйһэн*, зап.-бур. *хииһэн*, дерб. *киисӗн* «пупок»; др.-монг. **süyike* > х.-монг. *сүйх*, бур. *һиихэ*, дерб. *сиикӗ* «серьги».

Комплекс -iуа-, зафиксированный как таковой в старописьменном монгольском языке, развился в современном монгольском языке и во всех бурятских говорах в долгий гласный -аа- с палатализацией предшествующего согласного, например, староп.-монг. *tariyan* > х.-монг. *тариа(н)*, бур. *таряан* «хлеб, зерно; урожай»; староп.-монг. *takiya* > х.-монг. *тахиа*, вост.-бур. *тахяа*, зап.-бур. *тахяа~тасяа* «курица». В языке же дербетов на месте этого комплекса развился долгий -әә-, например, дерб. *такәә* «курица», дерб. *тәрән* «хлеб, зерно; посев». Здесь прослеживается влияние гласного -i-, поскольку в этих словах наблюдается переход твёрдорядного слова в его мягкорядный вариант под действием гласного -i-, как это наблюдается и в словах без долготного комплекса, например, дерб. *бәрүүл* «рукоятка» (< стп.-монг. *bariyul* > х.-монг. *бариул*, бур. *барюул* id.).

Комплекс -iуе-, зафиксированный как таковой в старописьменном монгольском языке, развился в современном монгольском языке и во всех бурятских говорах в долгий мягкорядный -ээ-, а в языке дербетов в долгий -әә-, например, стп.-монг. *küliyekü* > х.-монг. *хүлээх*, бур. *хүлеэхэ*, дерб. *күләәхӗ* «ждать, ожидать»; стп.-монг. *üniyen* > х.-монг. *үнээ(н)*, бур. *үнеэн*, дерб. *үнәән* «корова».

Дифтонги, стоящие в ауслауте монгольских древних слов хорошо сохранились в халха-монгольском языке и восточных бурятских говорах, но перешли в долгие гласные в языке дербетов и в западных бурятских говорах. При этом твёрдорядные дифтонги зачастую дают здесь долгие монофтонги согласно принятой гармонии гласных. В ойратском языке вместо дифтонгов произносятся долгие широкие гласные, причём во многих случа-

ях наблюдается в данном случае наряду с твёрдорядными долгими гласными также мягкорядные гласные, то есть либо *аа*, дибо *әә*. Примеры: др.-монг. **dalai* > х.-монг., вост.-бур. *далай*, зап.-бур. *далээ*, дерб.К. *далəə // дəлəə*, дерб.М. *далаа* «океан»; др.-монг. **γaqai* > х.-монг., вост.-бур. *гахай*, зап.-бур. *гахээ*, дерб.К. *гахəə*, дерб.М. *гахаа* «свинья»; др.-монг. **delekei* > х.-монг. *дэлхий*, вост.-бур. *дэлхэй*, зап.-бур. *дэлхээ*, дерб. *делкəə* «вселенная»; др.-монг. **begelei* > х.-монг. *бээлий*, вост.-бур. *бээлэй*, зап.-бур. *бээлээ*, дерб. *беелəə* «рукавицы»; др.-монг. **oi* > х.-монг., вост.-бур. *ой*, зап.-бур. *өө*, дерб. *өө* «лес»; др.-монг. **qïrγui* > стп.-монг. *kirγui* > дерб.К. *kirhγγ* «кобчик, перепелятник», ср. х.-монг. *хяргуй* id.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что в языке дербетов Калмыкии, как и у дербетов Монголии наблюдаются одни и те же процессы развития долготных комплексов и дифтонгов и превращение их в монофтонги, которые опередняются, если в словоформе присутствует гласный *i*.

В области консонантизма отличий в составе и артикуляции согласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии не выявилось. Среди них обнаруживается полное сходство. Нет принципиальных различий и между системами согласных общедербетского и халха-монгольского языков. единственным отличием здесь является употребление свистящего щелевого согласного *з* в языке дербетов Калмыкии вместо свистящей аффрикаты *дз* халха-монгольского языка и языка дербетов Монголии, развившейся из шипящей аффрикаты *ǯ* древнемонгольского языка, которая произносится в анлауте, видимо под влиянием халхаского языка, например, др.-монг. **ǯirγuγan* > х.-монг. *дзургаа(н)*, дерб.М. *дзургаан*, дерб.К. *зургаан* «шесть»; др.-монг. **ǯiγasun* > х.-монг. *дзагас*, дерб.М. *дзагăсăн~дзагăс*, дерб.К. *загăсăн* «рыба». В позиции же инлаута у дербетов Монголии, как и у дербетов Калмыкии, представлен щелевой *з*, например, др.-монг. **baǯa* > х.-монг. *бадз*, бур. *база*, дерб. *базă* «свояк»; др.-монг. *eǯen* > х.-монг. *эдзэн*, бур. *эзэн~эжин*, дерб. *эзĕн*. Появление аналогичного согласного *з* вместо *дз* характерно и для бурятского языка. Например, сравни соответствующие бурятские слова *зургаан* «шесть», *загаһан* «рыба», *база* «свояк».

Кроме того, система согласных в языке дербетских говоров отличается от таковой халха-монгольского языка и тем, что в них, как и в древнемонгольском языке, сохраняется смычный глухой мягкорядный заднеязычный согласный *к*, который в халха-монгольском и бурятском языках превратился в мягкорядных словах в глухой щелевой согласный *х*, например, др.-монг. **köke* > х.-монг. *хөх*, бур. *хүхэ*, калм., ойр. *көкĕ*; др.-монг. **keüken* > х.-монг., бур. *хүүхэн*, калм., ойр. *күүкĕн* «девочка, девушка».

В твёрдорядных словах смычный глухой увулярный древнемонгольский «q» во всех указанных современных монгольских языках перешел в глухой щелевой увулярный «*х*», например, др.-монг. **aqa* > х.-монг. *ах*, бур. *аха*, дерб.. *ахă* «старший брат»; др.-монг. **buqa* > х.-монг. *бух*, бур. *буха*, дерб. *бухă* «бык»; др.-монг. **čoiqur* > х.-монг. *цоохор*, бур. *соохор*, дерб.К. *цоохăр*, дерб.М.. *цоохŏр* «пестрый». В языке дербетов в одном случае наблюдается отклонение в употреблении увулярного «х», выразившееся в том, что этот согласный употребляется и в мягкорядных словах, но только в форме причастия будущего времени, имеющего в древнемонгольском языке в мягкорядных словах форму **-kü*, в твёрдорядных словах **-qu*. При этом в языке дербетов, как в монгольском и бурятском языках, это причастие регулярно имеет согласный «х» как в твёрдорядной, так и в мягкорядной форме, например, стп.-монг. *irekü* - х.-монг. *ирэх*, бур. *ерэхэ*, дерб. *ирхĕ* «приходить»; сип.-монг. *yabuqu* - х.-монг. *явах*, бур. *ябаха*, дерб. *йовхă* «уходить».

Отдельные древнемонгольские согласные тоже претерпели в процессе развития звукового строя монгольских языков некоторые изменения. Так, смычный звонкий губной согласный **b (*б)* в языке дербетов, как и в халхаском, сохраняет свой смычный характер, как правило, лишь в анлауте. В середине слова между гласными и перед гласными, а также в конце слова он теряет смычность и превращается в щелевой звонкий *v (в)*. В бурятском языке древний согласный **b* сохраняется во всех позициях, например, др-.монг. **batayana* > х.-монг. *батгана*, бур. *батханаан*, дерб. *батгăнă* «муха»; др.-монг. **arban* > х.-монг. *арав // арван*, бур. *арбан*, дерб. *арвăн* «десять»; др.-монг. **qob* > х.-монг. *хов*, бур. *хоб*, дерб. *хов* «сплетня».

В древнем монгольском языке в системе консонантизма были представ-

лены лишь две аффрикаты: глухая шипящая *č (ч) и звонкая шипящая *ǯ (дж). В халха-монгольском языке в ряде слов на месте этих шипящих аффрикат появились четыре аффрикаты – *ч, ц, дж* и *дз*, в бурятском языке все эти четыре аффрикаты утратили смычку и превратились в обычные щелевые согласные *ш, ж, с, з.* Язык дербетов Калмыкии употребляет вместо двух древнемонгольских и четырех халха-монгольских аффрикат лишь три аффрикаты *ч, ж (дж)* и *ц*. Вместо четвёртой монгольской аффрикаты «*дз*» здесь используется обычный щелевой «*з*», о чем было сказано выше. Примеры: др.-монг. * *ǯirγal* > х.-монг. *джаргал*, бур. *жаргал*, дерб. *җиргәл* «счастье»; др.-монг. **čaγaγan* > х.-монг. *цагаан*, бур. *сагаан*, дерб. *цагаан* «белый»; др.-монг. **čiпua* > х.-монг. *чоно*, бур. *шоно*, дерб. *чонә* «волк»; др.-монг. * *ǯaqa* > х.-монг. *дзах*, бур. *заха*, дерб.К. *захә* «воротник». В то же время в дербетском говоре Монголии наблюдается употребление фонемы [*дз*], как уже говорилось, во всех случаях там, где язык дербетов Калмыкии использует щелевой согласный «з», например, дерб.М. *дзадә* - дерб.К. *задә* «ненастье, непогода» (ср. х.-монг. *дзад*, бур. *зада* < др.-монг. *ǯada* id.); дерб.М. *дзагәсән~дзагәс* - дерб.К. *загәсән* «рыба» (ср. х.-монг. *дзагас//дзагасан*, бур. *загаһан* < др.-монг. *ǯiγasun* id.).

Прочие древние монгольские согласные хорошо сохраняются как в халха-монгольском, так и в языке дербетов Калмыкии и Монголии. Здесь мы имеем те же губные «м», «б, «в», «п», «ф», переднеязычные «т», «д», «ш», «н», «л», «р», среднеязычный «й», заднеязычный «к», «г», «х», «ң», увулярные «х», «г», «ң»

Из явлений, связанных с историческим развитием древнего гласного *i(u), следует отметить то, что в языке дербетов Калмыкии и Монголии, как и в халха-монгольском и бурятском, в определенный период их исторического развития произошел так называемый перелом гласного *i (u), на месте которого под влиянием регрессивной ассимиляции образовался гласный звук другого качества, подобный гласному слога, следующего за этим *i (u). При этом следует особо отметить то, что общедербетский язык, как и халха-монгольский, претерпели перелом раннего типа еще на стадии, когда в

твёрдорядных словах вместо средневекового **i (и)* был представлен твёрдорядный **ï (ы)*, что подтверждается отсутствием палатализации у согласных, стоящих перед **ï (ы)*. В отличие от этих языков в бурятском языке перелом произошел уже на той стадии, когда **ï (ы)* в твёрдорядных словах перешёл в мягкорядный **i (и)*, что подтверждается палатализацией предшествующего согласного. Примеры: др.-монг. **mïqan* > х.-монг. *мах // махан*, дерб. *махăн* «мясо», стп.-м. *miqan* > бур. *мяхан* «мясо»; др.-монг. **qïmusun* > х.-монг. *хумс // хумсан*, дерб.К. *хумсăн*, дерб.М. *хумўсўн~хумсўн* «ноготь», стп.-м. *kimusun* > бур. *хюмhан* id. Как уже говорилось выше, под влиянием гласного *i (и)*, стоявшего в твёрдорядных словах, развилось опереднение гласного первого слога, вследствие чего все слово из разряда твёрдорядных перешло в мягкий ряд. Сам *i (и)* при этом исчез. Это явление обычно хорошо прослеживается в языке дербетов Калмыкии. В ойратских говорах Монголии, в том числе и в языке дербетов, тоже происходит опереднение твёрдорядных согласных, но *i (и)* при этом может и сохраняться. Примеры: др.-монг. **qorin* > х.-монг. *хорь // хорин*, бур. *хорин*, дерб.*К хөрĕн*, дерб.М. *хөрĕн // хөрĭн* «двадцать»; др.-монг. **sabkin* > х.монг. *савхи // савхин* «тонкая выделанная кожа», бур. *сабхи* «обувь, сапоги», дерб.К. *сәвкĕн*, дерб.М. *севкĭн* «тонкая, выделанная кожа»; др.-монг. **qubi* > х.-монг. *хувь*, бур. *хуби*, дерб.К. *хөвĭ*, дерб.М. *хувĭ* «часть, доля».

Относительно гармонии гласных, или сингармонизма, следует отметить, что как в языке дербетов Калмыкии и Монголии, так и в халха-монгольском и бурятском языках сохраняется два типа гармонии гласных: палатальной и лабиальной. Палатальный сингармонизм определяет отношение слова либо к твёрдому, либо к мягкому ряду, например, др.-монг. **taqa* «подкова» – **teke* «козел»; др.-монг. **tayaqu* «отгадывать» – **tegekü* «перевозить, нагружать воз». Аналогичный статус этих слов сохраняется и в современных монгольских языках, ср. например, х.-монг. *тах*, дерб. *махă*, бур. *таха* «подкова» – х.-монг. *тэх*, дерб.К. *текĕ*, бур. *тэхэ* «козел»; х.-монг. *таах*, дерб.К. *таахă*, бур. *тааха* «отгадывать» – х.-монг. *тээх*, дерб.К. *теехĕ*, бур. *тээхэ* «нагружать воз, перевозить».

Губной же сингармонизм в этих языках неодинаков. Если в халха-монгольском и бурятском языках после гласного «*о*» первого слога в после-

дующих слогах употребляется либо краткий «*о*» либо долгий «*оо*», то в языке дербетов Калмыкии и Монголии после «*о*» первого слога регулярно употребляется долгий «*аа*», например, др.-монг. **doluyan* > х.-монг. *долоо // долоон*, бур. *долоон*, дерб. *долаан* «семь»; др.-монг. **noyuyan* > х.-монг. *ногоо // ногоон*, бур. *ногоон*, дерб. *ногаан* «зелень». В мягкорядных словах в халха-монгольском языке после «*ө*» первого слога согласно закону губной гармонии следует такой же огубленный «*ө*», долгий либо краткий, например, *төлөө* «для, ради», *өгсөндөө* «когда дал». В языке дербетов Калмыкии и Монголии в аналогичной позиции после начального «*ө*» всегда следует широкий гласный «*ə*», краткий или долгий, например, *төлəə* «для, ради», *өгсёндəəн* «когда дал».

Как можно было видеть из представленного выше анализа, историческое развитие фонетики языка дербетов Калмыкии и Монголии и сложение современного состояния их звукового строя происходило под влиянием различных фонетических процессов, среди которых можно выделить следующие: переход **ï (ы) > i (и)*, перелом **ï (ы)* и **i (и)*, ассимиляция и диссимиляция гласных, опереднение твёрдорядных гласных и переход твёрдорядных слов в мягкорядные, появление неясных гласных и их редукция, ослабление напряженности артикулирующих органов, что повлекло за собой выпадение интервокальных смычных *«-y-»*, *«-g-»* и щелевого *«-y(й)-»*, благодаря чему развились долгие гласные, дифтонги перешли в монофтонги, смычный увулярный *«q»* ослабился и перешел в щелевой *«x»*. При этом характерной чертой звукового строя современного языка дербетов Калмыкии и Монголии является сохранение древнего смычного *«к»* в мягкорядных словах и отдельных твёрдорядных, развитие под влиянием **i (и)* в твердорядных словах на месте первослоговых *«а»*, *«ай»*, мягких гласных *«ə»* и *«əə»*. Для общедербетского языка характерно также сохранение древнемонгольского типа губной гармонии гласных, при которой за огубленными *«о»* и *«ө»* следуют широкие гласные *«а»*, *«аа»* и «*ə*», «*əə*».

В результате проведенного сравнительного исследования получены следующие результаты. В области имени существительного установлено, что есть способы отражения дифференциации биологического пола – рода одушевленных существ, грамматического рода нет. В языке дербетов Калмы-

кии и Монголии широко употребляется основа имени, к которой присоединяются формальные показатели: *-җн* служит для обозначения возраста самок животных (*гунҗн* «корова-трехлетка» от общемонгольской основы *γurban* «три», *дөнҗн* «корова-четырехлетка» от общемонгольской основы *dөrben* «четыре», *туулҗн* «корова-пятилетка» от *тавн* < *tabun* «пять»); *-гчн* служит для обозначения масти животных (*харгчн* «черная» от общемонгольской основы *qara* «черный», *цаһагчн* «белая» от общемонгольской основы *čaγan* «белый», *күрңчн* «бурая, буренка» от общемонгольской основы *kүren* «коричневый», *кеегчн* «гнедая» от общемонгольской основы *keger* «гнедой». Относительно суффикса *-гчін* Б.Я. Владимирцов приводит замечание Рашид-ад-Дина, так рассуждавшего об особенностях речи татар: «Существует такой обычай, что всякий индивидуум, происходящий из этого племени (*Тутуколъют*), если он будет мужского пола, называется *Тутукултай*, а если женского пола, называется *Тутукулчин*. Говоря об этом, Б.Я.Владимирцов с осторожностью подходит к показателю *-гчін*: «...чрезвычайно трудно судить о том, оказывается ли это явление остатком былого состояния языка, или же только известной струей, возникшей в то или другое время, под влиянием каких-либо социальных условий?» [Владимирцов 1925, с. 31]. Но в тоже время следует признать, что языки дербетов Калмыкии и Монголии в общем-то и исчерпывают свои возможности различить пол. Это характерно и для современного калмыцкого языка. Слова *багш* «учитель», *эмч* «врач» и др. применяются как по отношению к женщине, так и к мужчине, не дифференцируя их по принадлежности к какому-то полу, сама же лексема, имея два означаемых, является одним обозначающим. В языке дербетов Калмыкии и Монголии используются лексемы, служащие как бы своеобразными определителями пола: *күүкд күн* «женщина», *залу күн* «мужчина». Для называния самцов и самок животных имеются специальные лексемы типа *бух* «бык-производитель» (ср. *тохмта бух* «племенной бык»), *буур* «верблюд-производитель», *атн* «кастрированный верблюд», *иңгн* «верблюдица».

В исследуемых нами языках дербетов именам существительным характерна категория числа. Единственное число не имеет специальных показа-

телей, форма единственного числа совпадает с формой основы, выяснилось, что в языке дербетов есть слова, которые никогда не оформляются показателями множественного числа, есть слова, называющие парные предметы, эти слова тоже никогда не оформляются показателями множественности, есть слова, называющие единичные предметы, они тоже никогда не принимают показателя множественного числа. Показатели множественности принимают только те слова, которые называют предметы и понятия, которые можно сосчитать. При этом используется несколько разных показателей в зависимости от звукового оформления конца слова и иногда семантики слова. При оформлении показателя множественности образуется неопределенная множественность. Для выражения категории множественности у имен существительных используются в языке дербетов следующие аффиксы: 1) аффикс *–д* прибавляется к основам имен, имеющим неустойчивый конечный *–н*, который выпадает, например *хөн* «овца» - *хөд* «овцы», *күүкн* «девочка» - *күүкд* «девочки». В торгутском говоре *–д* отсутствует, вместо него используется аффикс *–с*; 2) аффикс –с прибавляется к основам, оканчивающимся на долгие и неясные гласные, а также на согласный *–м*, например, *хадәә* «гвоздь» - *хадәәс* «гвозди», *бахны* «столб» - *бахнс* «столбы», *тасм* «тесьма» - *тасмс* – «тесёмки»; 3) аффикс *–муүд/-мүүд* прибавляется к основам, оканчивающимся на согласные, кроме *–н*, *-м*. примеры: *батыр* «богатырь» - *баатармуд* «богатыри», *гер* «дом» - *герүүд* «дома»; 4) аффикс *–уүд/-үүд* присоединяется к многосложным основам, оканчивающимся на *–г*, например, *церег* «войско» - *цергүүд* «войска», *тонгырыг* «перочинный нож» - *тонгыргууд* «перочинные ножи»; 5) аффикс

-нр употребляется с именами, обозначающими людей, например, *ах* «старший брат» - *ахнр* «старшие братья», *эк* «мать» - *экнр* «матери», *хөөч* «чабан» - *хөөчнр* «чабаны»; 6) аффикс *–чууд/-чүүд* со значением собирательности, например, *баг* «молодой» - *багчуд* «моложежь», *сән* «знатный» - *сәәдчүд* «знатные»; 7) аффикс *–гууд/-гүүд* к словам, оканчивающимся на *–нг*, например, *савнг* «мыло» - *савнгуд* «куски мыла», *менг* «приманка» - *менгүүд* «приманки». Встречаются случаи употребления параллельных форм множественности, например, *уулы* «гора» - *уулс, уулмуд* «горы. Многие основы, особенно односложные имена существительные могут присое-

динять к себе по два разных показателя множественности, например, *одн* «звезда» - *одд / оддууд* «звезды», *нүдн* «глаз» - *нүдд / нүддүүд.* В языке дербетов как Калмыкии, так и Монголии имеется десять падежей и три типа склонения – простое, лично-притяжательное и безлично-притяжательное.

1. Именительный падеж не имеет окончаний и не имеет специального показателя, его форма совпадает с основой, причем конечный неустойчивый *–н* сохраняется. Примеры: *арл* «остров», *чон* «волк», *модн* «дерево». 2. Родительный падеж оформляется при помощи аффиксов *–әә, -ин, -н – ийн, -гийн* при этом аффикс *-ә* присоединяется к основам, оканчивающимся на согласный *–н,* например, *загсн «*рыба*»* - *загсна «*рыбий*»*, *нерн «*имя*»* - *нернә - «*имени*»*, аффикс *–ийн* присоединяется к основам, оканчивающимся на все согласные, кроме *–н* и неясные гласные, например, *бал* «мёд» - *балийн* «мёда», *эцк* «отец» - *эцкийн* «отца», аффикс *-н* присоединяется к многосложным словам с конечным долгим гласным, *даләә* «океан» - *даләән* «океана», *көрә* «пила» - *көрәән* «пилы», аффикс *–ийн* присоединяется к односложным словам с долгим гласным, например, *зәә* «пространство, место» - *зәәгийн* «пространства, места» и к многосложным основам с конечным долгим гласным *у/ү*, например, *ору* «доход» - *оругийн* «дохода», *бүрүү* «двухлетний бычок» - *бүрүүгийн* «бычка». В словах с конечным *–нг* аффикс родительного падежа произносится как *–гийн.* 3. Дательно-местный падеж образуется при помощи аффиксов *–ды/-ты* при этом *–ды/ди* присоединяются к основам на гласные и звонкие согласные, кроме *–д, -р, -г, -с, -ш*, например, *залу* «мужчина» - *залууды* «мужчине», *хавы* «тюлень» - *хавд* «тюленю»; аффикс *–ты/-ти* присоединяется к основам, оканчивающимся на *–г, -д, -с, -р, -ш*, например, *цаг* «время» - *цакты* «времени», *барс* «тигр» - *барсты* «тигру». 4. Винительный падеж бывает оформленный аффиксом падежа и неоформленный. Аффиксами винительного падежа являются *–иигэ/-гиигэ, -гы/гэ*. Примеры: *цар* «вол» - *цариигэ* «вола», *эцк* «отец» - *эцкиигэ* «отца», *керсэнг* «грудинка» - *керсэнгиигэ.* Аффикс *–гы/-гэ* присоединяется к основам, оканчивающимся на долгий гласный, причем конечный неустойчивый *–н*, следующий за ним выпадает, например, *ара* «коренной зуб» - *арагы* «коренному зубу». Винительный неоформленный отличается отсутствием конечного неустойчивого *–н*, в остальных случаях совпадает с осно-

вой слова. 5. Орудный падеж оформляется аффиксами *–аар/-әәр*, гаар/*-гәәр*, *-һаар/-һәәр*, при этом *-һаар/-һәәр* употребляется только после основ, оканчивающихся на долгие гласные, при этом неустойчивый *–н* выпадает. Например, *нохә* «собака» - *нохәгәәр* «собакой», *галун* «гусь» - *галуугаар* «гусем», после конечного *–нг* употребляется вариант *–гар/гәр*, например, *занг* «характер» - *зангаар* «характером», аффикс *–ар/-әр* используется после основ, оканчивающихся на все согласные, кроме отмеченных выше и неясные гласные, например, *барс* «тигр» - *барсаар* «тигром», *арг* «метод» - *аргаар* «методом». 6. Соединительный падеж образуется с помощью аффикса *–ла/-лә*, например, *мөрн* «лошадь» - *мөрнлә* «с лощадью», причем неустойчивый –н сохраняется. 7. Совместный падеж образуется с помощью аффикса *-та/-тә*, например, *мадн* «мы» - *маднта* «с нами», *гал* «огонь» - *галта* «с огнем». Конечный неустойчивый *–н* в этом падеже выпадает, например, *нарн* «солнце» - *нарта* «с солнцем, солнечный». 8. Исходный падеж образуется аффиксами *–аасы/-әәсы*, *-гаасы/-гәәсы*, *-һаасы/-һәәсы*, при этом аффикс *-аасы/-әәсы* присоединяется к основам, оканчивающимися на все согласные, кроме *–нг* и неясные гласные, например, *гар* «рука» - *гараас* «из руки», *бер* «невестка» - *берәәс* «от невестки». Аффикс *-гаас/-гәәс* присоединяется к основам, оканчивающимся на долгий гласный, например, *аю* «медведь» - *аюгаасы* «от медведя» его вариантом является *-гаас/-гәәс*, используемый после *–нг*, например, *ганг* «засуха» - *гангаас* «от засухи». 9. Направительный падеж использует аффиксы *–уур/-үүр, һуур/-һүүр, гуур/-гүүр*, при этом *-уур/-үүр* присоединяется к основам, оканчивающимся на согласные и неясные гласные, например, *таг* «полка» - *тагуур* «к полке», *усн* «вода» - *уснур* «к воде», аффикс *һуур/-һүүр* используется в случае с долгими конечными гласными, например, *залуу* «мужчина» - *залугуур* «к мужчине». В случае с конечным *–нг* употребляется вариант *–гур/-гүр*, например, *анг* «зверь» - *ангур* «к зверю». 10. Предельный падеж образуется при помощи аффикса *–цә*, например, *өвдгцә* «по колено», имеет ограниченное употребление.

Употребляются также двойные падежи. В языке дербетов Калмыкии и Монголии представлены также случаи так называемого двойного склонения, когда падежное окончание прибавляется не к основе слова, а к другой падежной форме. Зафиксированы формы родительного, дательно-местного

и совместного падежей, к которым могут присоединяться все остальные падежи. Лично-притяжательное склонение образуется на базе простого склонения путем прибавления к падежным окончаниям соответствующей частицы личного притяжания. Такими частицами являются в единственном числе в 1-ом лице *–ым, -эм, -м*, например, *һарм* «моя рука», например, во 2-ом лице *–чинь*, например, *һарчинь* «твоя рука», например, в 3-ем лице *–инь, –нь* , например, *һарынь* «его руки»; для множественного числа 1-ое лицо – *имдн*, после гласного *–мдн*, например, *һарымдн* «наши руки», 2-ое лицо – *тн*, например, *һартн* «ваши руки», 3-ье лицо *һарынь* «их руки». К безлично-притяжательному склонению относятся следующие аффиксы: в родительном падеже после гласных основы присоединяется *–нь/-инь*, например, *герәнинь* «его дома», в дательно-местном и винительном падежах к основам, оканчивающимся на согласный или неясный гласный присоединяется аффиксы *–аан/-әән*, например, *герәдәән* «в своем доме», в совместном, и предельном падежах ко все основам присоединяется один аффикс *-һәән/-гәән*, например, *герәәтээһәән, герәцәгәән* «из своего дома / до половины дома», исходном и направительном – аффикс *-эн*, например, *герәэһәәсэн, герәэһүүрэн* «из своего дома, к своему дому». В языке дербетов Калмыкии и Монголии зафиксированы следующие разряды местоимений: 1) личные местоимения (*би* «я», *чи* «ты», *терә* «он», *энә* «тот», *бүдн - мадн* «мы», *тадн* «они»), *тедн, эдн* «эти», особенностью является основа *нан* вместо *нам* при склонении и форма *бүдн* вместо *бидн* «мы». С личными местоимениями употребляются частицы личного притяжания; 2) указательные местоимения, которые выполняют в основном определительную функцию. К ним относятся *энә* «этот, эта», *терә* «тот, этот», *ишмә* «этакий», *тишмә* «такой», *эдүү, тедүү* «столько»; 3) возвратные местоимения, к которым относятся *эврән* с метатезой *эрвән* «сам», также *эврә* «свой». В роли возвратного местоимения употребляется также слово *бийә*, основное значение которого «тело». Слово в местоименном значении, как правило, употребляется с частицами личного притяжания и склоняются по всем падежам. Часто используются в паре со словом *эврә*, например *эврә бийәм* «я сам»; 4) вопросительные местоимения *кемб, кем* «кто?», *юмб, юм* «что», *кедүүвә, кедүү* «сколько», *хама* «где?», *хамааран, харааи* «куда», *йамарааи* «какой?», *юун-*

гаад «почему?», *һуучив* «причём?», *альк* «который?», *кезэ* «когда?»; 5) определительные местоимения, к которым относятся *цуг* «весь», *цугаар* «все», *ху* «все», *зэрим* «некоторый», *альк негэ* «всякий», *хамг* «все». Многие местоимения изменяются по падежам. 6) неопределённые местоимения образуются на базе вопросительных путём прибавления к ним уступительной частицы *чиһн*, например, *кен чиһн* «кто-нибудь»; 7) отрицательные местоимения, которые образуются на базе сочетания неопределённых местоимений с отрицательными словами, при этом сочетания *кен чиһн бишэ* в значении «никто» стянулось в одно слово *кенчивиш*, а сочетание *юун чиһн биш* «ничто» стянулось в *юнчивиш*; 8) глагольные местоимения *йахк* «что делать, как быть?», *ишкэ* «делать этаким образом», *тиикэ* «делать таким образом». От них широко используются причастные и деепричастные формы в роли наречий. В языке дербетов Калмыкии и Монголии выделяются следующие разряды числительных: количественные, собирательные, дробные, неопределенно-количественные. Все числительные изменяются по падежам.

Количественные числительные в именительном падеже отвечают на вопрос «*кедүү?* «сколько?», в родительном *кедүүнэ*? «скольких?» и т.д.

В области числительных в языке дербетов Калмыкии и Монголии склонение осуществляется по образцу имен существительных. Числительными первого десятка являются: *негн* «один», хойр «два», горвн «три», *дөрвөн* «четыре», *тавын* «пять», *зургаан* «шесть», *долаан* «семь», *нәәмән* «восемь», *ийсэн* «девять», *арван* «десять». Наименования десятков соотносятся с названиями единиц: *хөрин* «двадцать», *гучин* (гочин) «тридцать», *дөчин* «сорок», *тәвн* «пятьдесят», *жирин* «шестьдесят», *далан* «семьдесят», *найин* «восемьдесят», *ийрин* «девяносто». Зафиксировано следующие десятиричные числительные: *зун* «сто», мингн «тысяча», тумн «десять тысяч», *бум* «сто тысяч», *сай* «миллион», *джоваа* «десять миллионов», *дуңгшуур* «сто миллионов». Однако встретились и описательные составные числительные, которые существуют и употребляются параллельно: *тумн – арван* «десять тысяч», *сай – зун миңгн* «сто тысяч». В составных числительных числа между единицами и десятками образуются по схеме, в которой наименования высших разрядов предшествуют наименованиям низших разрядов, например, *арван таван* «пятнадцать» по этой же схеме составляются и другие

числа, например, *зун гучин таван* «сто тридцать пять». От основы количественного числительного при помощи аффикса *–да/-дэ* образуются глагол, обозначающий порядковый номер повторения действия, например, *тавдаха* «делать пятый раз», *доладаад* «в седьмой раз». При сочетании количественного числительного с именем существительного последние ставятся в единственном числе, например, *таван гер* «пять домов», *долааан көвүүн* «семь мальчиков». Прибавляя к основам количественных числительных аффикс *–хын /-кен* образуем числительное с ограниченным значением, например, *хойырхын* «только два», *негкен* «только один». С числительными употребляется ряд так называемых счетных слов – это слова *хөвәәри* «половина, середина» (*сарин хөвәәри* «половина месяца», *джилийн хөвәәри* «середина года» и т.п.), *өрәсн* «непарный, без пары», *ганц* «одинокий, единственный», *цөөн, цөөкын* «малочисленный», *олон* «многочисленный». В предложении эти слова за исключением *хөвәәри* могут употребляться в роли как определений и определяемых слов, например, *цөөн үгэ* «немногочисленные слова», *үгийн цөөн* «из слов немногие» и т.п. 2. Порядковые числительные в именительном падеже отвечает на вопрос *кедүдэкчи* «который по счету?», образуется при помощи аффикса *–дэгчи / - дэкчи* от основы количественного числительного, например, негдэгч «первый», *хойрдэгчи* «второй», *арвн тавдэгчи* «пятнадцатый». У составных числительных этот аффикс принимает последнее слово, например, *зун гучин хойрдэгчи* «сто тридцать второй». Известен в языке дербетов и аффикс *–дываар /- дывәәр*, восходящий к монгольскому слову *дугаар* «номер». Часто порядковые числительные, образуемые аффиксами *–дываар / - дэвәәр*, употребляются с формой условного деепричастия на *–хлаа /- хләә* от глаголов *бол-* «быть» и *ги* «говорить», например, *горывдываар гихилә* «в-третьих», *хойрдвыаар болхлаа* «во-вторых». 3. Разделительные числительные отвечают на вопрос *кедүгәәд, юугаад* «по сколько» и образуются при помощи аффикса *–аад / -әәд*, после долгих гласных употребляется аффикс *–гаад*, числительные шесть и семь употребляются в сокращенном варианте, например, *зургаад, долаад* «по шесть, по семь». Особенностью разделительных числительных является то, что они могут обозначать приближенный округленный подсчет, например: Тер көвүн арвн настәә билә «Тому мальчику было лет пятнадцати». Разде-

лительные числительные с приблизительным значением часто сочетаются со словами *шахуу* «около», *дүңгээ* «приблизительно», *алдынээ* «около», *чиңгээ* «сравнительно», стоящими в постпозиции. Особенностью данных числительных является их употребление для называния стоимости однородных предметов, например, *хойр зун тавн долаад* «по двести пятьдесят семь (руб.)». В этом значении данные числительные могут приобретать некоторые падежные окончания, например, им. падеж *долаад* «по семь» (руб), род. падеж *долаадаа болвы* «стоило по семь» (руб.), дательно-местный падеж *долатты худуув* «продал по семь» (руб.), орудный падеж *долаадаар авхы* «купить по семь» (руб.), исходный падеж *долаадаасы өгвэ* «отдал или уступил по семь» (руб.). Употребляется также разделительное числительное в удвоенной форме, причем второе слово в этом сочетании стоит в орудном падеже, например, *горваад, горваадаар* парное употребление двух разных основ этих числительных и может передавать приблизительность счета, например, *горваад-дөрвээд* «по три, четыре». Следует особо отметить, что от числительных *неген* «один», хойр «два» разделительные числительные образуются иначе: *нежээд* «по одному», *хошаад* «по два». 4. Собирательные числительные отвечает на вопрос *кедүүлэн*? «сколько, в каком количестве?» и образуются аффиксом *–уулн /-үүлн* от основ количественных числительных, например, *горвуулын* «втроем», *дөрвүүлн* «вчетвером», *зургуулун* «вшестером». От количественного числительного *хойр* «два» собирательное числительное образуется при помощи аффикса *–уурэн*, например, *хойууран*. Числительное *неген* «один» в значении собирательности имеет форму *ганцхаарын* «единственный, один сам». 5. Дробные числительные. К ним относятся слова, обозначающие части целого – это *өрээл* «половина», *горывнээ* «третья часть чая», *дөрывнээ* «четвертая часть чая», *нээмынээ* «восьмая часть чая». Видимо, эти названия возникли из практики деления целого, например, кирпичного чая на части, о чем говорят словосочетания со словом *цэ* «чай»: *өрээл цэ* «половина кирпичного чая», *дөрвнэ цэ* «четвертая часть чая», *нээмнээ цэ* «восьмая часть чая». Понятие «полтора» обозначается словом «*күсэдүндүүр*» как вариант «*күстүдүндүүр*». Для называния остальных долей целого используется родительный падеж соответствующего числительного. В результате получаются сочетания типа *нег тавна* «одна пя-

тая», *долан арывнә* «семь десятых» и т.п. Параллельно существует и другой способ обозначения дробных чисел с использованием слов *кесн* «сделанный, поделенный» и *хөвә* «часть», получается конструкция типа *арывнәә кесн горвын хөвә* «три десятых», *зургаанәә кесн тавын хөви* «пять шестых». Слово *кесн* может употребляться и в родительном падеже. Образуется вариант типа *арывнәә кесэн горвын хөвә* «три десятых». Наречие в основном, выполняющие обстоятельственную функцию, при этом по своей семантике они бывают наречиями времени, места, образа действия, меры и степени, по своей структуре они могут быть непроизводными и производными, в образовании которых участвуют падежи и деепричастия. К непроизводным наречиям можно отнести такие, которые не разлагаются на составные части и воспринимаются как цельные неразложимые слова, например, *әрә* «едва, кое-как, еле-еле», *бас* «ещё, опять», *гент*, *генткын* «вдруг», *данг* «постоянно», *дегц* «одновременно», *демий* «напрасно», *дже* «совершенно», *ивт* «насквозь», *бут* «вдребезги», *ки* «напрасно» и т.д. Многие наречия образованы от имен существительных при помощи различных обстоятельственных падежей, при этом используется орудный падеж, например, *дорагаар* «по низу», *чееджәәр* «наизусть», *күчәәр* «насильно»; дательно-местный падеж, например, *намртан* «осенью», *өдөртән* «днем», *айстан* «напрасно, зря»; исходный падеж, например, *күчнәәс* «насильно», *хәвргәәс* «сбоку», *хаджугаас* «со стороны»; соединительный падеж, например, *цаглань* «вовремя», *үдлә* «в полдень», *бүрүллә* «в сумерках», *өрлә* «на заре, на рассвете». От существительных, обозначающих временное понятие при помощи аффикса *–ага/-әгә* образуется наречие времени, например, *асхнага* «вечером», *намрага* «осенью», *үдләгә* «в обед». Используется также аффикс *–кшан/-кшән*, образуемый наречие места, например, *дорагшан* «вниз», *деегшән* «вверх», *хаджугшан* «в сторону». Для образования наречий места используется также аффикс *–ран/-рән*, например, *газаран* «на улицу», *наараn* «сюда», *цааран* «сюда», *хооран* «назад». В образовании наречий от имен существительных происходит и при двойном склонении, например, *күчтәгәр* «сильно» и т.д. наречия могут образовываться и от местоимений различных разрядов, например, *минигәр* «по-моему», *чинигәр* «по-твоему» и т.д. Сложные наречия образуются путем стяжения двух знаменательных слов, например, *энтл* «на

этой стороне» от *эн* «этот» + *тал* «сторона» и др., знаменательного слова со вспомогательным глаголом *бәәх* «быть», типа *хаврлджагад* «к весне», *намрлджагад* «к осени» и др. Существующие не только в языке дербетов, но и во всех монгольских языках временные понятия типа *эндр* «сегодня», *өцкулдур* «вчера», *мангдур* «завтра» образованы при помощи слияния двух компонентов типа *эне* «этот» и *өдөр* «день» и т.д. В системе глагола были исследованы категории залога, вида, неличных и личных форм. В дербетов представлены четыре залога, имеющие самостоятельное аффиксальное оформление. 1. При этом первичным является действительный залог, не имеющий специального аффикса и совпадающий с основой глагола, который может быть как переходным, так и непереходным, например, *өг* «дать», *су* «сидеть», *йов* «идти» и т.д. 2. Побудительный залог образуется как от переходных, так и непереходных глаголов путем присоединения различных аффиксов, выбор которого зависит от характера конечного звука основы глагола. Аффиксы эти *–ул/-ул*, например, *йов* «иди» - *йовул* «заставь идти», аффикс *–лг*, например, *су* «сядь» - *суулһ* «посади», аффикс *–а/-ә*, например, *ас* «загореться» - *асаа* «зажечь», аффикс *–һ/-г*, например, *бол* «будь, встань» - *болһ* «сделай», *кур* «дойди» - *кург* «заставить дойти», аффикс *–х*, например, *сонгс* «слушать» - *сонгсх* «объявлять». 3. Страдательный залог. Если основа оканчивается на *–л*, то ставится аффикс *–д*, например, *ол* «найди» - *олд* «найдись», после всех остальных звуков используется аффикс *–гд*, например, *хай* «брось» - *хайгд* «будь брошенным». 4. Совместный залог от любого глагола оформляется аффиксом *–лц*, например, *су* «сядь» - *суулц* «сядь с кем-либо», *гар* «выйди» - *гарлц* «выйди с кем-либо». 5. Взаимный залог образуется от любого глагола аффиксом *–лд*, например, *бәр* «лови, хватай» - *бәрлд* «хватать друг друга, бороться». Вид глагола в языке дербетов указывает на характер протекания действия и образуется как синтетическим путем, так и аналитическим. Формы с нулевым аффиксом можно назвать нейтральным видом. От нее образуются две синтетически е видовые формы: 1) с аффиксом *–чк* ускоренно-завершенного вида, например, *келчк* «скажи», *йовчк* «уйди»; 2) с аффиксом *–жәә/-чәә* замедленно-длительного вида, например, *келджә* «говорить», *гарчә* «выходить». Аналитическим путем с использованием некоторых глаголов, которые сочетаются со значи-

мыми глаголами, образуются аналитические формы, указывающие на характер протекания действия. Очень активно употребляются эти формы у изобразительных глаголов, например, *гилс гих* «сверкнуть», *хурс гих* «промелькнуть», *хар-хар гих* «греметь», *жир-жир гих* «журчать». К неличным формам глагола относятся причастия и деепричастия. В языке дербетов представлены причастия разных аспектов в отношении содержания. Здесь выделяются следующие причастия: 1) причастия временного плана, указывающие на время совершения действия: к ним относятся причастия настоящего времени с аффиксом *–а/-ә*, например, *гара* «выходящий», *йова* «идущий», к которым относятся причастия прошедшего времени с аффиксом *–сн*, например, *гарсн* «вышедший», *келсн* «сказавший», причастия будущего времени с аффиксом *–хы/-хи*, например, *гархы* «выйдет», *кельхи* «скажет»; 2) причастия видового плана, указывающие на характер протекания действия: причастие однократное с аффиксом *–гч*, например, *явгч* «идущий», *кельк ч* «говорящий»; многократное причастие с аффиксом *–дыг/-дэг*. Например, *явдыг* «обычно ходящий, часто ходящий», *келдг* «часто говящий»; постоянное причастие с аффиксом *–аачи/-әәчи*, например, *зураачи* «обычно рисующий», *бичәәчи* «обычно пишущий». Последние причастия на *–аачи/-әәчи* обычно субстантивируются, при этом *зураачи* «художник», *бичәәчи* «писатель»; 3) причастие возможности с аффиксами *–мар/мәр-мр/-м*, например, *тәрмәр* «сеяный», *болмар* «возможный», *ирм* «как только вошел»; 4) страдательное причастие с аффиксом *–аата/-әтә* характерно для дербетского говора, образуются от переходных глаголов действительного залога, например, *бүчәтә* «написанный», *татата* «натянутый». В языке дербетов выделяются следующие деепричастия: 1) соединительное деепричастие с аффиксом *–джи/-чи* выражает последовательность совершаемых действий, например, *гүүж одв* «убежал», *гүүж ирв* «прибежал», *авч одв* «унес», *йовж бәәнә* «идет»; 2) слитное деепричастие с аффиксом *–ын/-эн* выражает одновременность совершаемых действий, например, *одын бәәнә* «собирается идти», *келн бәәнә* «собирается сказать». В сочетании с глаголом гиих обозначает, что действие вот-вот должно совершиться, но не совершилось, например, *алн гиив* «чуть не убили», *бүчн гиджәнә* «вот-вот напишет»; 3) разделительное деепричастие с аффиксом *–аад/-әәд/-гад/-гәд* обозначает по-

следовательные действия, например, *хур ораад бәәнә* «дождь пошел»; 4) условное деепричастие с аффиксом *–хылаа/-хәләә*, например, *келхәләә* «если скажет», *йовхылаа* «если пойдет»; 5) предельное деепричастие с аффиксом *–тл*, например, *иртл* «до прихода», при этом следует отметить, что данное деепричастие спрягается по лицам, например, *иртлэм* «пока я не приду», *иртлэмдэн* «пока мы не придем», *иртләән* «пока он сам не придет». Встречаются наречия, образованные от этого деепричастия, например, *цатлаан* «досыта» и послелоги, например, *болтл*, *куртл* в значении «до». 6) последовательное деепричастие с аффиксом *–хылааран/-хэлээрэн* выражает действие, предшествующее главному, например, *нууришгээ эргэд гархлааран* «когда обогнёте озеро»; 7) продолжительное деепричастие с аффиксом *–саарәә/ сәәрәә* со значением действия, которое послужило началом другого действия, главного действия, например, *оццаарәә* «как только ушел»; 8) предварительное деепричастие с составным аффиксом *–ым/-эм+ цацу* «равный» обозначает действие к моменту завершения которого начинается главное действие, например, *одм цацу* «как только прибыл»; 9) заменное деепричастие с аффиксом *–хаар/-хәәр* со значением, что действие выраженное данной формой предпочтительнее другого действия, например: Муу мөр унджи йовхаар йовгаар йовснь деер «Чем ехать на кляче, лучше идти пешком»; 10) уступительное деепричастие с аффиксами *–ууч/-үүч*, *уучин/-үүчин*, *-вич/-выч*, *-вчн* со значением уступки действия, например, *заавыч заавчин* «хотя и учил», *одуч одуучин* «хотя и сходил». Личные формы глагола представлены изъявительным и повелительно-желательным наклонениями. Изъявительное наклонение имеет три группы форм: формы настоящего времени, формы прошедшего времени и формы будущего времени. 1) при этом настоящее время представлено двумя формами: первая обозначает действие совершающееся безотносительно к моменту речи, вторая обозначает действия совершающееся в момент речи. В первом случае используется аффикс *–нәә*, к которому присоединяются аффиксы личного притяжания, например, *би меднәәв* «я знаю вообще», *чи меднәәч* «ты знаешь вообще», *мәдн меднәәвидн* «мы знаем вообще» и т.д. Вторая форма образуется аффиксом *-джәәнәә/-чанәә*, например, *би йовджәәнәәв* «я иду сейчас» и т.д. Для обозначения продолжающегося в настоящем времени действия исполь-

зуется стяжённая аналитическая форма с окончанием *-аадәәнәә*, например, *хур ораадәәнәә* «дождь все идет и идет». В дербетском говоре существуют также формы настоящего времени, образованные из многократного причастия при помощи лично-предикативных аффиксов с аффиксом *–дуув/-дүүв* для единственного числа 1-го лица, *-дуудн/-дүүдн* для множественного числа 1-го лица, например, *суудуув* «обычно сижу», *оддуудын* «обычно ходим». Формы для 2-го лица образуются при помощи аффиксов *–тишичъ/дишичъ* для единственного числа и *-тишитэ/-дишитэ* для множественного числа, например, *бүштишичъ* «оказывается ты пишешь», *йовдишитэ* «оказывается вы ходите», а для 3-го лица используются аффиксы *–тииджи/-дииджи*, *-тиим/-диим*, например, *суудииджи* «оказывается, сидит», например, *нарын орә суудиин* «солнце садится поздно»; 2) прошедшее время образуется несколькими аффиксами: а) *–вы/-вэ*, *-ыв/-эв*, *-бы/-бэ* обозначают время совершившееся непосредственно перед моментом речи, причем говорящий является очевидцем, например, *суувы* «уже сел, только что сел», *гарыв* «только что вышел», *аббы* «только что взял», б) аффикс *-лә* обозначает действие, произошедшее за длительный период прошлого, до момента речи, например, *ирлә* «прибыл», *йовлә* «ушел», в) форма на *–джи/-чи* совпадает с формой соединительного деепричастия и обозначает, что говорящему стало известно о произошедшем событии из других источников, иногда даже неожиданно, то есть по слухам или рассказам других лиц, например, *ирджи* «пришел», *күрчи* «дошел», г) форма на *–сым/-сэм* и *–сиим* обозначает, что действие произошло в далеком прошлом, в давнопрошедшем времени и говорящий достоверно знает о нем, например, *келсэм* «действительно сказал», *бәәсэм*, *бәйсим* «действительно был»; 3) будущее время образуется аффиксами *–хы/-хэ*, *кы/-кэ* и обозначают действия, которое произойдет после момента речи, например, *заахы* «укажет», *гүүхэ* «побежит», *цоккы* «ударит», *суулыккы* «посадит». Повелительно-желательное наклонение имеет несколько форм, так для прямого императива используется основа глагола, например, *су* «сядь», *йов* «иди», *ид* «ешь», для императива множественного числа или вежливой формы повеления используется аффикс *–тын*, например, *йовтын* «идите», *иттын* «ешьте», просительная форма для 2-го лица образуемая аффиксами *–ич* для единственного числа *и –ит* для множест-

венного числа обозначает просьбу, побуждение к действию с оттенком надоедливой просьбы, например, *йович* «иди же», *келич* «скажи же», *йовит* «идите же», *келит* «скажите же», пригласительная форма 1-го лица множественного числа имеет аффиксы *–ый/-эй/-ий/й* обозначает приглашение к совместному действию, например, *авый* «возьмем-ка» и т.д. Желательная форма имеет два варианта: форму с аффиксом *–сəə*, который выражает убедительную просьбу на разрешение или согласие к совершению действия, например, *авсəə*? «возьму-ка я, ладно?» и форму с аффиксом *–суув/-сүүв* для 1-го лица единственного числа и *–сувдн/-сүвдн* для 1-го лица множественного числа, которое выражает такое желание, которое не всегда требует согласия на разрешение, например, *зурсуув* «нарисую-ка, нарисовать бы мне», повелительная форма 3-го лица образуется аффиксами *–ыг/-эг*, *-г* выражает допущение к действию, например, *йовыг* «пусть уходит», *медыг* «пусть знает». Используется также для выражения этого значения аффикс *–тхəə*, например, *автхəə* «пусть возьмет», *йовтхəə* «пусть уйдет». Предостерегательная форма для 1-го и 2-го лиц единственного и множественного числа выражает опасение, предостережение, перед совершением нежелательного действия, а также надежду на желательное действие, имеет аффикс *–уузəə/-үүзəə*, например: Би цагаасы эртэ унтыдж одуузээв «Как бы я прежде времени не заснул». Предостерегательная форма 3-го лица с аффиксами *–ыкчьв/-экчьв/-чьв* обозначает опасение, нежелание, совершение действия, например: Йир энчьнь ирэкчьв! «Как бы он не пришел!». Для языка дербетов характерно наличие нескольких частиц отрицания. Приименным отрицанием является *биш*, например, *энчинь дегтр биш* «это не книга», больше разнообразия в отрицательных частицах при глаголе. В императиве используется препозитивная отрицательная частица *бичə*, например, *бичə йов* «не уходи». В изъявительном наклонении употребляются отрицательные частицы, наример, *эс*, употребляющаяся препозитивно, например, *эс келсын* «не сказал». Постпозитивная отрицательная частица *уга*, например, *би ирсын угав* «я не приходил», *би ирəд угав* «я не пришел». Частица *уга* сокращается до *го*, например, *келшго* «не скажет», суффикс *–ш* со значением отрицания присоединяется к причастию будущего времени и принимает личное-предикативное окончание, например, *медхшыв*, *меджəəхшыв*.

Проведенное сравнительное исследование грамматики языка дербетов Калмыкии и Монголии показало их почти полную идентичность, схожесть.

Сравнительное исследование лексики позволило установить, что весь основной словарный состав языка дербетов Калмыкии и Монголии состоит из лексем общемонгольского характера, хотя и отмеченных в ряде случаев фонетическими чертами, характерными для языков ойратского ареала к таковым относится, например, наличие глухого смычного согласного *к* вместо щелевого проточного *х* других монгольских языков во всех мягкорядных словах и некоторых твердорядных. Такое положение было характерно для старописьменного монгольского языка. Это свидетельствует о сохранении в языке дербетов как России, так и Монголии древних черт прамонгольского языка. Так, например, в общедербетском слове *керег* «дело, нужно» сохраняется древнее монгольское слово **керег* ср. старомонг. *kereq*, х-монг. и бур. *хэрэг* «дело, нужно»; общедербетское *такаа* «курица» - старомонг. *takiya*, х.-монг. *тахиа*, бур. *тахиаа* «курица» и т.п. Кроме того, для всего ойратского ареала характерен особый тип губной гармонии гласных, когда после звука *о* первого слога во втором слоге стоит широктий гласный *аа*, а после *ө* идет долгий *әә,* в то время как в других монгольских языках употребляются соответственно долгие *оо* и *өө*, например, общедербетские *долаан* «семь» - старомонг. *долуган*, х.-монг. *долоо*, бур. *долоон*. Общедербетское *җолаа* «поводья» - старомонг. *джилуга*, х-монг., бур. *жолоо* «поводья». Общедербетское *чолəн* «свобода» - старомонг. *чилүген*, х.-монг. *чөлөө*, бур. *сүлөө* «свобода», общедербетское *көрəə* «пила» старомонг. *кирүге*, х-монг. *хөрөө*, бур. *хүрөө* «пила». Как показало проведенное сравнительное исследование общемонгольская лексика пронизывает все тематические пласты лексики языка дербетов как Калмыкии, так и Монголии, будучи представленной в них в разной степени: есть некоторые пласты почти целиком состоящие из общемонгольской лексики и есть пласты, содержащие как общемонгольскую, так и общеойратскую специфическую лексику с вкраплениями особой лексики, характерной либо только для языка дербетов Калмыкии, либо только для языка дербетов Монголии. Почти целиком общемонгольскую лексику содержат, например, местоимения разных разрядов: личные *би* «я» - старомонг. *би*, х.-монг., бур. *би* «я»; *чи* «ты» -

старомонг. *чи*, х.-монг. *чи*, бур. *ши*; *тадн* «вы» - старомонг. *та*, х.-монг., бур. *та* «вы»; указательные *эн* «это» - старомонг. *энэ*, х.-монг., бур. *энэ*; *тер* «тот» - старомонг. тере, х.-монг. тэр, бур. *тэрэ* «тот»; вопоросительные *кен* «кто» - старомонг. кен, х.-монг., бур. *хэн* «кто?»; *юун* «что?» - старомонг. яагун, х.-монг. *юуу*, бур. юун «что?»; *кезәә* «когда» - старомонг. *кеджийе*, х.-монг., бур. хэзээ «когда?»; хамаа «где?» - старомонг. камига, х.-монг., бур. *хана* «где», *аль* «который» - старомонг. *али*, х.-монг. *аль*, бур. *али* «который», *ямар* «какой» - старомонг. ямбар, х.-монг., бур. *ямар* «какой» и т.п.; общмонгольскими являются и общедербетские все количественные числительные, например, *негн* «один» - старомонг. *ниген*, х.-монг. *нэг*, бур. *нэгэн* «один»; *хойр* «два» - старомонг. *кояар*, х.-монг., бур. *хоёр* «два»; *гурван* «три» - старомонг. *гурбан*, х.-монг. *гурав*, бур. *гурбан* «три»; *арвн* «десять» - старомонг. *арбан*, х.-монг. *арав*, бур. *арбан* «десять»; *хөрин* «двадцать» - старомонг. *корин*, х.-монг. *хорь*, бур. *хорин* «двадцать», *тәвин* «пятьдесят» - старомонг. *табин*, х.-монг. *тавь*, бур. *табин* «пятьдесят» и т.п.. общемонгольская лексика пронизывает также и весь пласт лексики по терминам родства и свойства, например, *эк* «мать» - старомонг. *экэ*, х.-монг. *эх*, бур. *эхы* «мать»; *эцк* «отец» - старомонг. *эчиге*, х.-монг. *эцэг*, бур. *эсигэ* «отец»; *көвүүн / күвүүн* «сын, мальчик, парень» - старомонг. *көбегүн*, х.-монг. *хөвгүүн*, бур. *хүбүүн* «сын, парень, мальчик»; *ах* «старший брат», старомонг. *ака*, х.-монг. *ах*, бур. *аха* «старший брат»; *эгч* «старшая сестра» - стармонг. *эгэчи*, х.-монг. *эхч*, бур. *эгэшэ* «старшая сестра»; *дүү* «младший брат или сестра» - старомонг. *дэгүү*, х.-монг., бур. *дүү* «младший брат или сестра»; общемонгольскими являются также названия частей тела человека и животных, например, *толһә* «голова» - старомонг. *толугай*, х.-монг., бур. *толгой* «голова»; *гар* «рука» - старомонг. *гар*, х.-монг., бур. *гар* «рука»; *көл* «нога» - старомонг. *көл*, х.-монг. *хөл*, бур. *хүл* «нога»; *хурһн* «палец» - старомонг. *куругун*, х.-монг. *хуруу*, бур. *хурган* «палец»; *нурһн* «спина» - старомонг. *нируғун*, х.-монг. *нуруу*, бур. *нурган* «спина» и т.п. Общемонгольскими являются в языке дербетов как Калмыкии, так и Монголии также термины, относящиеся к степному скотоводству, например, и *темән* «верблюд» - старомонг. *темеген*, х.-монг. *тэмээ*, бур. *тэмээн* «верблюд»; *инген* «верблюди-

ца» - старомонг. *ингген*, х.-монг. *ингэ*, бур. *энгин* «верблюдица»; *мөрн* «лошадь» - старомонг. *морин*, х.-монг. *морь*, бур. *морин* «лошадь»; *аҗирһа* «жеребец» - старомонг. *ажирга*, х.-монг. *адзарга*, бур. *азарга* «жеребец»; *гүүн* «кобыла» - старомонг. *гэгүүн*, х.-монг. *гүү*, бур. *гүүн* «кобыла», *үкр* «корова» - старомонг. *үкер*, х.-монг., бур. *үхэр* «крупный рогатый скот», *ямаан* «коза» - старомонг. *имаган*, х.-монг. *ямаа*, бур. *ямаан* «коза» и т.п. Общемонгольскую лексику находим также среди названий ландшафта, погодных и атмосферных явлений, наример, *һазр* «земля» - старомонг. *гаджар*, х.-монг. *гадзар*, бур. *газар* «земля»; *уул* «гора» - старомонг. *агула*, х.-монг. *ул*, бур. *ула* «гора»; *хады* «скала» - старомонг. *када*, х.-монг. *хады*, бур. *хада* «скала»; *нуур* «озеро» - старомонг. *нагур*, х.-монг., бур. *нуур* «озеро»; *дәлә* «океан» - старомонг. *далай*, х.-монг., бур. *далай* «океан»; *салькн* «ветер» - старомонг. *салкин*, х.-монг. салхи, бур. *һалхин* «ветер»; *цасн* «снег» - старомонг. *часун*, х.-монг. *цас*, бур. *сaһан* «снег» и т.п.

Типичная ойратская лексика представлена в основном в тематических группах, касающихся быта, специфических черт материальной культуры, характерной для ойратского ареала, так, например, в других монгольских языках не встречаются такие слова как *асхн* «вечер», *кишлг* «рубашка», *лавшг* «халат», *хәәсн* «котел», *терз* «окно», *боднцг* «картофель», *өдмг* «хлеб» и т.п. к собственно дербетским Калмыкии специфичным словам можно отнести такие как *һарууд* «огород» < рус. «огород», *һармуль* «гармонь» < рус. «гармонь», *патер* «квартира» из русского разговорного «фатера», *хаш* «каша» < рус. «каша», беш «печка» < рус. «печка». Эти и подобные им слова пришли в дербетский говор Калмыкии из русского языка вследствие контактов дербетов с русским населением. Специфику лексики языка дербетов как Калмыкии, так и Монголии составляют также слова тюркского происхождения, заимствованные дербетами из разных тюркских языков от тех тюркских народов, с которыми они контактировали. Сюда относятся слова типа *айу* «медведь» (кыпчакского *айу* «медведь»), *бал* «мёд» из кыпчакского *бал* «мёд», *бөрг* «пельмени», *булмг* «каша из муки на сметане» и т.п., что свидетельствует в свою очередь о самостоятельных контактах дербетских племен с тюркскими племенами в различные истори-

ческие периоды. Это главным образом тюркские языки – татарский, казахский, ногайский, уйгурский, киргизский, что подтверждается конкретным лингвистическим материалом, а также из славянских языков – русского, украинского. Выявленные тюркизмы, русизмы составляют основу специфической дербетской лексики Калмыкии, выделяющие калмыцкий язык из ойратского ареала.

В результате проведённого исследования удалось установить, что за более чем 400 летнее самостоятельное развитие калмыцкого языка он практически не изменился в пределах основных своих языковых уровнях – фонетическом, грамматическом и лексическом - мало чем выделяясь из ойратского ареала, сложение которого относится к глубокой древности, о чем свидетельствуют его специфические ойратские языковые черты, представленные в полной мере и в калмыцком языке.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев Д.А. Именные части речи в монгольских языках // ВЯ. 1955. №3.

Бадмаев Б.Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966.

Бертагаев Т.А. О комплексной характеристике частей речи // Вопросы теории частей речи. - Л., 1968.

Бертагаев Т.А. Падеж основы // Зап. Бурят - Монг. научно-исслед. ин-та. - Улан-Удэ, 1956. Вып. 49.

Бобровников А. Грамматика монгольского языка. - СПб., 1835.

Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. - Казань, 1849.

Болд Л. Орчин цагийн монгол хэлний дагавар. - Улаанбаатар, 1986.

Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2001. Т. I. А - Г

Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2001. Т.II . Д -О

Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2001. Т.III. Ө-Ф.

Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2002. Т.IV. Х-

Вандуй Э. Дөрвөд аман аялгууны зарим онцлогоос. Улаанбаатар, 1962.

Вандуй Э. Дөрвөд аман аялгуу. Улаанбаатар, 1965.

Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. - М.-Л.: Учпедгиз, 1947.

Владимирцов Б.Я. Следы грамматического рода в монгольском языке // Доклады Академии наук, 1925. С. 31-34.

Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.

Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. М.-Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2002.

Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. Вып. 3.

Гарьд С. Дундад уеийн монгол хэлний бутэц, хэлбэрийн судлал. Улаанбаатар, 1997.

Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. М.: Учпедгиз, 1961.

Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. - Элиста, 1983.

Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. - М., 1962.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Калмыцко-русский словарь. М., 1977.

Кичиков А.Ш. Дербетский говор. (Фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963.

Ковалевский О.М. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835

Котвич В. Л. Лекции по грамматике монгольского языка. - Спб., 1902.

Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2. - Прага, 1929.

Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Пг.,1915.

Кузьменков Е.А. Именные классы слов в монгольских языках // Вопросы грамматики монгольских языков. Новосибирск: Наука, 1991. С.48-63.

Лувсанвандан Ш. Орчин цагий монгол хэлний бүтэц. Монгол хэлний үг, нохцол хоёр нь. - Улаанбаатар, 1968.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1997.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975.

Матхеев Б.В. Очерки эхирит-булагатского говора // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2.

Наделяев В.М. Современный монгольский язык // Языки Сибири и Монголии. Новосибирск, 1987.

Наделяев В.М. Современный монгольский язык. Морфология. Новосибирск, 1988.

Одзава Сигэо. "Генте: хисси мо: кого+но: си гоби:" - То:кл гайкокуго дайгаку ронсю. Tokyo, 1955, № 4, с.1-19. Area and culture studies, 4, 1959. - Tokyo university of foreign studies. (Краткое резюме на англ. языке).

Орловская М.Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. - М., 1961.

Орловская М.Н. Употребление множественного числа в языке "Алтан тобчи" // Исследования по восточной филологии. - М., 1974.

Орловская М.Н. Язык монгольских текстов XIII-XIV вв. М., 1999.

Орчин цагийн монгол хэл зүй. - Улаанбаатар, 1997.

Очиров У.У. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1964.

Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. – СПб., 1911.

Попов А. Грамматика калмыцкого языка. - Казань, 1847.

Поппе Н.Н. О частях речи в монгольском языке // Советское востоковедение. М.; Л., 1940. Т. 1.

Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1938.

Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.;Л., 1937.

Поппе Н.Н. Строй халха-монгольского языка // Строй языков / Под общ. ред. А.П. Рифтина. Л., 1936.

Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982.

Рассадин В.И., Трофимова С.М., Шагдарсурэн Ц., Болд Л., Даваасурэн Б. Историческая связь калмыцкого языка с языком ойратов Монголии. Элиста-Улан-Батор: Изд-во Калм. ун-та, 2010.

Рассадин В.И. Проблема классификации частей речи в монгольских языках // Вестник Бурятского госуниверситета. Серия 6. Филология. вып. 7. - Улан-Удэ, 2003.

Рассадин В.И. Становление говора нижнеудинских бурят. - Улан-Удэ, 1999.

Рона-Таш А. Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) // Вопросы языкознания. 1974. № 2.

Руднев А.Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка, читанные в 1903-1904 академ. году. Спб., 1905. Вып. 1.

Санжеев Г.Д. К проблеме частей речи в алтайских языках // Вопросы языкознания. 1952, № 6.

Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. - М.: АН СССР, 1940.

Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1941.

Санжеев Г.Д. Следы грамматического рода в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1956, №5.

Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. - М., 1953. Т. 1.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001.

Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста, 2001.

Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951.

Трофимова С.М. Именные части речи в монгольских языках. Семантико-функциональный аспект. - Улан-Удэ, 2001.

Убушаев Н.Н. Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979.

Убушаев Н.Н. Диалектная система калмыцкого языка. Элиста, 2006.

Цолоо Ж. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988.

Цыбиков Г.Ц. Пособие к практическому изучению монгольского языка. Владивосток, 1915.

Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М., 1973.

Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Doerfer G. Beitrage zur Syntax der Sprache der Geheimen Geschichte der Mongolen, "Central Asiatic Journal", vol. I, № 4, Wiesbaden, 1955, p. 248-266.

Lessing F.D. Mongolian-English dictionary. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Pelliot P. Le vrai nom de "Seroctan", "T'oung Pao", XXIX, Leide, 1932.

Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. - Helsinki, 1935.

Schmidt I. Grammatik der Mongolischen Sprache. - St.-Peterburg 1832.

Schmidt I.J. Grammatik der mongolischen Sprache. St.-Petersburg, 1831.

Принятые сокращения

КК – Grönbech K. Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex su Codex Cumanicus, Kopenhagen, 1942.

РСл (I,II,III,IV) – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1-4. СПб., 1893-1911.

ЭСТЯ 1989 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ӂ», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989.

ЭСТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К-Қ». Выпуск первый. М.: «Языки русской культуры», 1997.

ЭСТЯ 2000 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К». Выпуск второй. М.: «Индрик», 2000.

ЭСТЯ 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Вост. лит., 2003.

Условные обозначения

* – предполагаемая форма

~ – вариант

< – заимствовано из…, взято из …

> – дало…, заимствовано в виде…

Рассадин Валентин Иванович
Трофимова Светлана Менкеновна
Чулуунбаатар Лувсанжав

ЯЗЫК ДЕРБЕТОВ РОССИИ И МОНГОЛИИ

Научное издание

Подписано в печать 25.10.13. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага тип. № 1. Усл. п. л. 10,69.
Тираж 500 экз. Заказ 2288.

Издательство Калмыцкого университета.
358000 Элиста, ул. Пушкина, 11